TRAITÉ
DE L'EXISTENCE
ET
DES ATTRIBUTS
DE DIEU

PAR FÉNELON

ÉDITION REVUE ET CORRIGÉE AVEC LE PLUS GRAND SOIN
SUR LES MEILLEURS TEXTES
ET ACCOMPAGNÉE DE NOMBREUSES NOTES

PAR

M. CHARLES JEANNEL
Professeur de philosophie à la Faculté des lettres de Montpellier.

PARIS
CH. DELAGRAVE ET Cie, LIBR.-ÉDITEURS
58, RUE DES ÉCOLES, 58

1872

ТРАКТАТ
О СУЩЕСТВОВАНИИ
И СВОЙСТВАХ БОГА

Фенелон

Издание, пересмотренное и исправленное
с величайшей тщательностью по наилучшим текстам

Париж
1872 г.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. Доказательство существования Бога, исходя из знания природы, а в особенности — знания человека
Глава I. Доказательства существования Бога, исходя из общего вида вселенной
1. Метафизические доказательства существования Бога недоступны каждому
2. Моральные доказательства существования Бога доступны всем
3. Почему так мало людей обращают внимание на доказательства, которые природа предоставляет о существовании Бога
4. Вся природа показывает существование своего Создателя
5. Прекрасные сравнения, показывающие, что природа указывает на существование своего автора. Первое сравнение из «Илиады» Гомера
6. Второе сравнение, основанное на звуках инструментов
7. Третье сравнение, основанное на статуе
8. Четвёртое сравнение, основанное на картине

Глава II. Доказательства существования Бога, исходя из рассмотрения основных чудес природы
9. Частное исследование природы
10. О строении вселенной в целом
11. О земле
12. О растениях
13. О воде
14. О воздухе
15. Об огне
16. О небе

17. О солнце
18. О звёздах
19. О животных
20. Восхитительное устройство всех тел во вселенной
21. Чудеса бесконечно малых
22. Строение животного
23. О животном инстинкте
24. О его питании
25. О сне
26. О размножении
27. Несовершенства животных не мешают их инстинкту быть удивительным и надёжным в определённых пределах
28. Имеют ли животные душу или нет, вывод остаётся тем же
29. Мнения некоторых древних о душе и знаниях животных
30. О человеке
31. О строении тела человека
32. О коже
33. О венах и артериях
34. О костях и их соединении
35. Об органах
36. О внутренних частях
37. О руках и их использовании
38. О шее и голове
39. О лбу и других частях лица; о языке и глотке
41. Обоняние, вкус, слух; память
42. Пропорции человеческого тела
43. О душе: только она среди созданий мыслит и познаёт
44. Способна ли материя мыслить или нет — вывод один и тот же
45. Объединение души и тела, которое может создать только Бог
46. Власть души над телом
47. Могущество души над телом не только суверенно, но и слепо
48. Власть души над телом особенно проявляется в образах, созданных в мозге
49. Два чуда памяти и мозга
50. Дух человека сочетает величие и слабость
51. Дух познаёт конечное только посредством идеи бесконечного
52. Во-вторых, идеи духа универсальны, вечны и неизменны
53. Слабость духа человека
54. Мысли человека — это неизменные правила его суждения
55. Что такое разум.
56. Разум одинаков у всех людей во всех веках и странах
57. Разум в человеке независим от человека и выше него
58. Первичная истина освещает все умы, сообщаясь им
59. По свету первичных истин человек судит, что истинно, а что ложно
60. Высший разум, который обитает в человеке, — это сам Бог
61. Новые ощутимые признаки божественности в человеке, исходящие из знания им единства
62.Идея единства доказывает, что существуют субстанции, которые не материальны, и что есть абсолютно единое существо — Бог
63. Зависимость и независимость человека. Его зависимость доказывает существование его Создателя
64. Добрая воля может исходить только от высшего существа
65. Творец, как причина всех изменений в творениях, есть также источник всякого доброго хотения

66. О свободе человека
67. В чем заключается свобода человека
68. Воля может сопротивляться благодати, и свобода есть основание заслуги и вины
69. Характер Божества проявляется в зависимости и независимости человека.
70. Печать божественности в Его творениях

Глава III. Ответ на возражения эпикурейцев
71. Возражение эпикурейцев, которые приписывают всё случайности
72. Ответ
73. Продолжение. Сравнение мира с правильно устроенным домом
74. Другое возражение эпикурейцев, исходящее из вечного движения атомов
75. Ответ на возражение, основанное на вечном движении атомов
76. Эпикурейцы смешивают произведения искусства с произведениями природы
77. Эпикурейцы предполагают всё, что им заблагорассудится, без доказательств
78. Предположения эпикурейцев ложны и фантастичны
79. Неверно утверждать, что движение является сущностью тел
80. Правила движения, предполагаемые эпикурейцами, не делают движение сущностью тел
81. Чтобы реально объяснить движение, нужно обратиться к первому двигателю
82. Ни один закон движения не основан на сущности тел
83. Эпикурейцы не могут сделать никаких выводов даже при максимальной уступчивости
84. Атомы не могут соединяться с помощью движения, которое им дают эпикурейцы
85. «Клинамэн» — выдумка, вводящая эпикурейцев в грубое противоречие
86. Странная абсурдность эпикурейцев, желающих объяснить душу через склонение атомов
87. Эпикурейцы ослепляют сами себя, пытаясь объяснить свободу человека через склонение атомов
88. Необходимо признать руку Первой Причины в мире, не останавливаясь на вопросе о дефектах
89. Сравнение недостатков картины с недостатками вселенной
90. Необходимо заключить, что существует Первое Существо, создавшее вселенную
91. Причины, по которым люди не узнают Бога во вселенной
92. Молитва

Вторая часть. Демонстрация существования и свойств Бога, извлеченная из нашей идеи бесконечного бытия.
Введение
Глава I. Метод, который следует применять в поисках истины
1. Всеобщее фиктивное сомнение, чтобы допускать только истинное
2. Первая причина сомнения: сон
3. Вторая причина сомнения: бред
4. Это сомнение невозможно на практике, но полезно для поиска истины
5. Затруднения, возникающие из фиктивного сомнения
6. Первая установившаяся истина: существование того, кто сомневается
7. Ясная идея как принцип уверенности
8. Идея; что это такое
9. Невозможность сомневаться в вещах, о которых есть ясная идея
10. Три неоспоримые истины
11. Могут ли ясные идеи нас обманывать?
12. Неприемлемо, чтобы высшее существо обманывало нас через ясные идеи
13. Существование нашего разумного духа доказывает существование некоторой истины
14. Абсурдность всеобщего сомнения
15. Невозможность всеобщей иллюзии
16. Возможность временной иллюзии
17. Польза временной иллюзии

18. Всеобщее сомнение не надежнее слепой доверчивости
19. Вопросы для решения

Глава II. Метафизические доказательства существования Бога
20. Четыре первые весьма достоверные истины
21. Существуют ли вне меня другие умы и тела?
22. Когда и как я начал существовать?
23. Принципы для распознавания того, существую ли я сам по себе
24. Первое доказательство из несовершенства человека
25. Существо, мыслящее во мне, не существует само по себе
26. Существует вне меня необходимое и бесконечно совершенное существо
27. Величие этой истины

Второе доказательство из идеи бесконечности
28. У нас есть точное и позитивное представление о бесконечном
29. Эта идея может исходить только от бесконечно совершенного существа
30. Бесконечное существо одновременно является причиной и объектом этой идеи
31. Идея бесконечности в конечном существе – чудо

Третье доказательство, взятое из идеи необходимого бытия
32. Следовать ясным идеям
33. Что такое здравый смысл?
34. Необходимое существо существует в настоящем
35. Я имею идею необходимого существа
36. В идее необходимого существа заложено настоящее существование
37. Простота этого доказательства делает его силой
38. Молитва

Глава III. Опровержение спинозизма
39. Может ли бесконечное существо быть совокупностью всех существ
40 и 41. Бесконечное совершенство не может быть изменчивым и переменчивым
42. Составное не может быть бесконечным
43. Продолжение
44. Не может быть нескольких бесконечных
45. Идеи составного и бесконечного совершенства несовместимы
46. Продолжение
47. Необходимо бесконечное простое, неизменное
48. Молитва

Глава IV. Новое доказательство существования Бога из природы идей
49. Что такое идея
50. Всё, что является универсальной идеей, — это сам Бог
51. Трудности, которые представляет это положение
52. Решение этих трудностей
53. Бог видит в себе бесчисленные степени совершенства
54. Почему наши идеи несовершенны
55. Откуда берутся наши ошибки
56. Заключение
57. Как Бог присутствует в нашей душе
58. Что такое индивид
59. Сравнение для объяснения вышеизложенного
60. Что такое индивид
61. Мы видим всё в Боге

62. Природа и величие этого видения
63. Молитва

Глава V. О природе и атрибутах (свойствах) Бога
64. Превосходство божественного существа
65. Истинное имя Бога — Бытие
66. Все виды существ находятся в Боге
67. В каком смысле Писание говорит, что Бог — дух

Статья I. Единство Бога
68. Существо, существующее само по себе, — высшее совершенство во всех смыслах
69. Существо, существующее само по себе, — простое
70. Не может быть двух бесконечно совершенных существ
71. Не может быть нескольких неравных существ, существующих само по себе
72. Существо, существующее само по себе, может быть только одно
73. Продолжение
74. Невозможность нескольких бесконечных в разных родах
75. Не может быть двух различных бесконечных
76. Возражение
77. Ответ. Всё составное существо — конечно
78. Последствия
79. Бесконечное существо по сути едино
80. Противоречие при допущении нескольких бесконечных
81. Всё конечное ничто перед бесконечным
82. Молитва

Статья II. Простота Бога
83. Первое Существо — простое
84. Почему различают несколько совершенств в Боге
85. Составное существо несовершенно

Статья III. Неизменность и вечность Бога
86. Все совершенства Бога исходят из необходимости Его бытия
87. Необходимое существо неизменно
88. Созданное существо конечно и переменно
89. Что такое время?
90. Всё в созданном мире происходит последовательно
91. Что такое вечность?
92. Божественное существование неделимо
93. В Боге нет последовательности
94. Не существует двух вечностей
95. Продолжение
96. Существование Бога неделимо и постоянно
97. Трудности
98. Ответ

Статья IV. Безграничность Бога
99. Всё положительное пространственное присутствует в Боге
100. Однако Бог ни протяжён, ни имеет форму
101. Бесконечное Существо не имеет отношения ни к местам, ни ко времени
102. В каком смысле говорят, что Бог повсюду
103. Бог по сути нигде не находится
104. Вопросы времени и места не имеют отношения к Богу

105. Последствия
106. Молитва

Статья V. Наука о Боге
107. Бог обладает полнотой разумац
108. Что такое мысль и разум?
109. Объект науки о Боге — Он сам
110. Понимать и постигать
111. Разум Бога не имеет ни последовательности, ни прогресса
112. Возможности не находятся вне Бога
113. Нет будущего относительно Бога
114. Бог видит будущее в Себе
115. Наука о Боге не создаёт вещи, а видит их созданными
116. Бог не получает ничего от объекта, который Он постигает
117. Как Бог знает условные будущие события
118. Молитва

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ла Бруйер в главе «Сильные духом» писал: «Не знаю, заслуживают ли те, кто отрицал Бога, того, чтобы пытаться доказать им Его существование». Фенелон, более снисходительный, более преданный истинному воспитанию людей, не колеблясь, предпринял это доказательство. Он начал его в молодости, во всей пылкости мысли, под влиянием Декарта и Мальбранша. Позже, в зрелости и с опытом, он повторил это исследование уже под вдохновением здравого смысла.

Здесь я не хочу давать никакой оценки книге, слава о которой как о классической, возникла сразу после её появления. Ещё меньше я буду пытаться её анализировать. Считал бы это прямым противоречием намерениям тех, кто дает эту книгу в руки молодых людей не для того, чтобы они кратко узнали, что в ней содержится, а чтобы они прониклись высокими мыслями, которыми она полна, и восхищались великолепным языком, которым эти мысли выражены.

Те же, кто осмелится желать анализа, найдут его в серии заголовков, помещённых в начале параграфов. Эти заголовки не принадлежат Фенелону. Они были даны первыми издателями 1713 и 1718 годов, а также изданием в Версале 1820 года. Я сохранил их, но не строго. Незначительные изменения, которые я внес, лучше согласуют заголовок с содержанием параграфа, сохраняя при этом удобство поиска и ссылок. Орфография начала XVII века не представляла, на мой взгляд, филологического интереса, поэтому я использовал современную орфографию.

Данное издание не претендует на обращение к учителям; оно предназначено для молодых людей, которые хотят завершить своё литературное образование серьёзным изучением основных философских вопросов: Бога, души, свободы воли. Эти вопросы так же древни, как книга Иова. Современные тенденции не помешают им жить столь же долго, как и человеческий род. В постоянной борьбе, которую человек, семья и цивилизация ведут с внутренними сопротивлениями, чтобы оставаться живыми благодаря истине, идея Бога — как светлый флаг, чьё возвышение или падение сигнализирует о периодах славы или бедствия, как в жизни отдельных людей, так и на уровне наций.

Добавлю, что две части этого трактата не предназначены для одних и тех же читателей. Первая часть подходит для учеников философских классов. Вторую можно с пользой читать

только более зрелыми умами — кандидатами на степень лиценциата по литературе или участниками конкурса на агрегацию; они найдут в ней возможность упражняться в обращении с тончайшими понятиями метафизики. Пусть и те, и другие читают эту книгу с уважением и не используют тот факт, что Фенелон иногда уступал человеческим слабостям и предрассудкам своего времени, чтобы пренебрегать авторитетом гения, который занимает своё место среди учителей человечества рядом с Платоном, Аристотелем, Цицероном и Боссюэ.

Ш. Женнель. Кастельно-ле-Лез, сентябрь 1871 г.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА, ВЫВЕДЕННОЕ ИЗ ПОЗНАНИЯ ПРИРОДЫ, И В ОСОБЕННОСТИ — ИЗ ПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА.

Глава первая
Доказательства существования Бога, выведенные из общего вида вселенной

1. Метафизические доказательства существования Бога недоступны для всех
(Метафизические доказательства основываются на том, как мы постигаем Бога как вечного, всемогущего и т. д. Прочие доказательства называются физическими, если исходят из наблюдения гармонии вселенной, строения животных и растений, и моральными, если основаны на существовании разума и свободы в человеке).

Я не могу открыть глаза, не восхитившись искусством, которое проявляется во всей природе: одного взгляда достаточно, чтобы заметить руку, созидающую всё. Пусть люди, привыкшие размышлять над абстрактными истинами и восходить к первым принципам, познают Божество через саму его идею — это верный путь к источнику всякой истины. Но чем этот путь прямее и короче, тем он труднее и недостижимее для большинства людей, зависящих от своего воображения. Это доказательство столь просто, что своей простотой ускользает от умов, не способных к чисто умственным операциям. Чем совершеннее этот способ нахождения Первого Существа, тем меньше умов, способных следовать ему.

(«Познать Божество через его идею» значит признать существование Бога на основании самой идеи Бога, заключённой в нашем разуме (ср. Декарт, Рассуждение о методе, ч. IV; Медитации, III).

2. Моральные доказательства существования Бога доступны каждому.
Есть и другой путь, менее совершенный, но соразмерный людям самого обычного склада. Люди, мало привычные к рассуждению и более всего привязанные к чувственным предрассудкам, могут одним взглядом распознать Того, кто отпечатлел Себя во всех своих творениях. Мудрость и сила, проявленные во всём сотворённом, делают Его зримым, как бы в зеркале, для тех, кто не может созерцать Его в самой идее. Это своего рода «чувственная и народная философия», доступная каждому человеку без страсти и без предрассудка.

«Душа человеческая разумна, но была удерживаема смертными узами греха и приведена в такое состояние умаления, что могла стремиться к пониманию невидимого лишь через догадки, рождаемые видимыми вещами». — Августин, О свободе воли, кн. III, гл. 10, § 30.

3. Почему так мало людей обращают внимание на доказательства существования Бога, которые предлагает природа

Если многие люди тонкого и проницательного ума не нашли Бога, взглянув на всю природу, — этому не следует удивляться: страсти, которые их волновали, постоянно отвлекали их, или же ложные предрассудки, рождаемые страстями, закрыли их глаза для этого великого зрелища. Человек, поглощённый важным делом, на котором сосредоточено всё его внимание, может провести несколько дней в комнате, занятый переговорами ради своих интересов, не замечая ни пропорций этой комнаты, ни украшений камина, ни картин на стенах: все эти предметы постоянно перед его глазами, но ни один не производит на него впечатления. Так живут люди: всё вокруг являет им Бога — а они нигде Его не видят.

«Он был в мире, и мир чрез Него начал быть, и мир не познал Его» (Иоанна, 1:10). Они проживают жизнь, так и не заметив этого наглядного откровения Божества, — столь сильно ослепляет их очарование мира: «очарование суетности затемняет блага» (Книга Премудрости 4:12). Часто они даже не хотят открыть глаза — нарочно держат их закрытыми, боясь найти Того, кого не ищут. И наконец, то, что должно было бы более всего открыть им глаза, лишь сильнее закрывает их, — я говорю о постоянстве и правильности движений, которые высшая Мудрость установила во вселенной. Святой Августин говорит, что эти чудеса обесценились из-за их постоянного повторения: — «постоянством они стали привычными».

Цицерон говорит то же самое: видя одни и те же вещи каждый день, дух привыкает к ним, как глаза к привычному виду; он уже не удивляется и не старается искать причину явлений, которые постоянно повторяются одинаково, словно новизна, а не величие самого предмета должна побуждать нас искать причины. — «Дух привыкает к тому, что глаза видят ежедневно; он уже не удивляется и не ищет причин вещей, которые видит постоянно, как будто новизна, а не величие вещей должно побуждать нас искать их причины». (Цицерон, «О природе богов», кн. II, § 38.)

4. Вся природа свидетельствует о существовании своего Творца

И всё же — вся природа показывает бесконечное искусство своего Творца. Когда я говорю об искусстве, я понимаю под этим соединение средств, специально избранных для достижения определённой цели: это порядок, устройство, разумное сочетание, замысел. Случай, напротив, — причина слепая и необходимая, которая ничего не готовит, не располагает, не выбирает, и не обладает ни волей, ни разумом. Я утверждаю, что вселенная несёт на себе печать причины бесконечно могущественной и разумной. Я утверждаю, что случай, то есть слепое и произвольное сочетание необходимых, лишённых разума причин, не мог создать этот совершенный мир. Здесь уместно вспомнить знаменитые сравнения древних.

5. Прекрасные сравнения, показывающие, что природа свидетельствует о существовании своего Творца

Первое сравнение — из «Илиады» Гомера. Кто поверит, что «Илиада» Гомера — столь совершённая поэма — не была создана вдохновением великого поэта, а что буквы алфавита, случайно брошенные в беспорядке, каким-то чудом сами сложились, как при броске костей, именно в том порядке, который нужен, чтобы описать в гармоничных и разнообразных стихах столько великих событий, расположить и связать их столь стройно, изобразить каждое лицо со всей его благородной и трогательной выразительностью, и заставить каждого говорить естественно, согласно своему характеру? Можно сколько угодно рассуждать и изощряться, но никогда нельзя убедить здравомыслящего человека, что у «Илиады» нет иного автора, кроме случайности.

Цицерон говорил то же самое об «Анналах» Энния и добавлял, что случай не мог бы создать даже одного единственного стиха, тем более целую поэму: «Как не удивляться

людям, которые убеждают себя, что некоторые твёрдые и неделимые тела, движимые силой тяжести, могли, сталкиваясь наугад, создать столь прекрасно устроенный и прекрасный мир? Если кто-то полагает, что это возможно, почему бы ему не подумать также, что бесчисленные золотые или иные литеры, будучи брошены в беспорядке, могли бы, упав на землю, сами собой сложиться в Анналы Энния, да ещё так, чтобы их можно было прочесть подряд? Я не уверен, что даже один единственный стих мог бы так получиться по чистой случайности». (Цицерон, «О природе богов», кн. II, § 37.)

Почему же этот здравомыслящий человек поверил бы о вселенной — несравненно более чудесной, чем Илиада, — тому, чему его разум отказывается верить о поэме?

6. Вторая аналогия, заимствованная из звука музыкальных инструментов

Если бы мы услышали в комнате, за занавесом, мягкое и гармоничное звучание инструмента — поверили бы мы, что это случай, без всякой человеческой руки, мог создать такой инструмент? Сказали бы мы, что струны скрипки сами по себе расположились и натянулись на деревянный корпус, части которого срослись между собой, образовав полость с правильными отверстиями? Утверждали бы мы, что смычок, возникший без искусства, был бы приведён в движение ветром, чтобы касаться каждой струны столь разнообразно и с такой точностью? Какой разумный человек мог бы всерьёз усомниться, что человеческая рука извлекает эти гармоничные звуки? Разве он не воскликнул бы сразу, без рассуждений: «Это играет искусная рука!»? Не перестанем повторять одну и ту же истину.

7. Третья аналогия, заимствованная из статуи

Если бы кто-нибудь на необитаемом и никому не известном острове нашёл прекрасную мраморную статую, он сказал бы сразу: «Несомненно, когда-то здесь были люди. Я узнаю руку искусного ваятеля; восхищаюсь, как искусно он сумел соразмерить все части этого тела, чтобы придать ему такую красоту, грацию, величие, живость, нежность, движение и действие».

Что бы ответил этот человек, если бы кто-то возразил ему: «Нет, никакой ваятель не создавал эту статую. Да, она совершенна по вкусу и выполнена по законам искусства; но это сам один лишь случай её создал. Среди множества кусков мрамора нашёлся один, который сам собой принял такую форму в карьере. Дожди и ветры отделили его от горы; буря невероятной силы бросила его точно на этот постамент, который также сам собой образовался именно на этом месте. Это — совершенный Аполлон, как в Бельведере; это — Венера, равная Медицейской; это — Геркулес, подобный Фарнезскому. Ты, возможно, подумаешь, что эта фигура идёт, что она жива, что она мыслит и вот-вот заговорит; но она ничего не должна искусству — это всего лишь слепой удар случая, так удачно завершивший и расположивший её».

8. Четвёртая аналогия, заимствованная из картины

Представьте, что перед вами — великолепная картина, изображающая, например, переход через Красное море: Моисей, по слову которого воды раздвигаются и поднимаются стенами, чтобы израильтяне прошли по сухому дну среди бездны. С одной стороны — бесчисленные толпы народа, полные уверенности и радости, воздевающие руки к небу; с другой — фараон с египтянами, объятый ужасом при виде волн, готовых сомкнуться, чтобы их поглотить.

Скажите, найдётся ли хоть один человек, который осмелился бы утверждать, что какая-то служанка, мазнувшая по полотну метлой, случайно расположила краски так, чтобы возникли эти живые краски, такие разнообразные позы, такие выразительные лица, такая стройная

композиция множества фигур без всякой путаницы, такие складки одежд, такие распределения света, такие переходы цветов, такая точная перспектива — словом, всё то, что только величайший живописец способен соединить?

Допустим, речь идёт лишь о капле пены у рта коня. Я признаю, согласно рассказу, который не берусь обсуждать, что один-единственный случайный мазок кисти, брошенный художником в раздражении, мог однажды за многие века удачно изобразить эту пену. Но ведь художник заранее выбрал подходящие краски, приготовив их на кончике кисти. Так что в этом случае «случай» лишь завершил то, что уже было начато искусством. Кроме того, этот совместный плод искусства и случая касался всего лишь клочка пены — объекта неопределённого, не имеющего строгих очертаний, не требующего точного рисунка, а лишь лёгкого беловатого оттенка, случайно попавшего на холст.

Какая же тут может быть аналогия между этой незначительной пеной и целой исторической композицией, где даже воображение, поддерживаемое наукой правил, едва справляется с задачей создания великого произведения? Я не могу закончить эти примеры, не попросив читателя заметить вот что: даже самые рассудительные люди испытывают естественное затруднение поверить, что животные лишены всякого сознания и что они — всего лишь машины. Откуда эта непреодолимая отвращённость стольких здравомыслящих умов к подобной мысли? Оттого, что они справедливо чувствуют: столь точные движения, столь совершенный механизм невозможны без некоторого искусства; материя одна, без разума, не может создать того, что несёт в себе признаки знания.

Отсюда ясно, что самый прямой разум естественно заключает: одна только материя, ни по простым законам движения, ни по капризным ударам случая, не может произвести животных, являющихся чистыми машинами. Даже философы, отрицающие всякое знание у животных (например, картезианцы), не могут не признать, что то, что они считают слепым и лишённым искусства в этих машинах, полно мудрости и искусства в Первом Двигателе, который создал их пружины и установил их движение. Таким образом, даже философы, наиболее противоположных взглядов, одинаково признают, что материя и случай не могут без искусства породить всё то, что мы видим в живых существах.

ГЛАВА II. Доказательства существования Бога, извлекаемые из рассмотрения главных чудес природы.

9. Частное исследование природы

После этих сравнений — о которых я прошу читателя судить прежде всего самим, без спекуляций —, думаю, пришло время перейти к частному (детальному) рассмотрению природы. Я не претендую охватить её целиком: кто бы смог? Я даже не собираюсь вступать в какие-либо физические диспуты: такие диспуты потребовали бы серьёзных и глубоко изученных знаний, которыми многие люди ума не владеют; я хочу предложить им только простой взгляд на лицо природы; говорить буду лишь о том, что известно каждому и что требует всего лишь немного спокойного и серьёзного внимания.

10. О строении вселенной в целом

Остановимся сначала на великом объекте, который привлекает наши первые взоры, — я имею в виду общее строение вселенной. Бросим взгляд на землю, что нас носит; посмотрим на тот громадный свод небес, что укрывает нас, на бездны воздуха и воды, что нас окружают, и на светила, которые нас освещают. Человек, живущий без размышления, помышляет только о пространствах рядом с ним или связанных с его потребностями: он видит землю лишь как пол своей комнаты, а солнце, освещающее его днем, — как свечку,

что светит ему ночью; мысли его выпускаются в пределы того тесного места, где он живёт. Напротив, человек, привыкший к размышлениям, простирает взор дальше и с любопытством рассматривает почти бесконечные бездны, которые окружают его со всех сторон. В такое время обширное царство кажется ему лишь маленьким уголком земли; сама земля — лишь точкой в массе вселенной; и он удивляется, что оказался помещён именно здесь, не ведая, как он сюда попал.

11. О земле

Кто подвесил этот земной шар, который кажется неподвижным? Кто положил его основания? Казалось бы, ничто не презреннее её; самые несчастные топчут её ногами. И всё же именно за обладание ею дают самые великие сокровища. Если бы она была твёрже, человек не мог бы вскрывать её лоно для обработки; если бы она была мягче, она не смогла бы его выдержать — он проваливался бы везде, как в песок или в болото. Из неисчерпаемого чрева земли выходит всё, что есть у нас драгоценного. Эта бесформенная, низкая и грубая масса принимает самые разнообразные формы и сама поочерёдно становится всеми теми благами, что мы у неё просим: эта, казалось бы, грязная глина превращается в тысячу прекрасных вещей, которые радуют глаз; в течение одного года она даёт ветви, почки, листья, цветы, плоды и семена, чтобы снова щедро одаривать людей. Ничто её не исчерпывает.

Чем больше раскапываешь её недра, тем щедрее она даёт. После стольких веков, из которых всё происходило из неё, она всё ещё не изношена: она не знает старости; её недра полны тех же сокровищ. Тысячи поколений прошли в её лоне: всё стареет, кроме самой земли; каждую весну она омолаживается. Она никогда не изменяет людям; но люди сами обкрадывают себя, забрасывая её; по их лености и беспорядкам сорняки и тернии занимают место виноградников и жатвы: они теряют благо, за которое воевали; завоеватели оставляют поля пустыми, хотя ради обладания ими проливали кровь тысяч и тысяч людей и вели жизнь в непрестанном страхе и трудах. Перед людьми лежат бескрайние земли, пустые и неосвоенные, а они ради клочка этой пренебрегаемой почвы разрушали человечество.

Если бы землю правильно возделывали, она могла бы прокормить в сто раз больше людей, чем ныне. Само различие почв, что сначала кажется недостатком, обращается в украшение и в пользу: горы поднялись, и долины опустились туда, где Господь назначил им место. Эти разные земли, по различной ориентации к солнцу, имеют свои преимущества. В глубоких долинах растёт сочная трава для стад; рядом раскрываются обширные поля с богатым урожаем. Здесь склоны поднимаются амфитеатром и венчаются виноградниками и фруктовыми деревьями; там высокие горы тянут свои ледяные вершины к облакам, и реки берут начало в их потоках. Скалы, с острыми гребнями, поддерживают почву гор, как кости тела поддерживают плоть. Это разнообразие очаровывает взор и в то же время удовлетворяет разные нужды народов.

Нет такого участка, столь неприспособленного, чтобы у него не было какого-нибудь свойства: не только чёрные плодородные земли, но и глинистые, и гравийные вознаграждают труд человека; осушенные болота становятся плодородными; пески обычно покрывают лишь поверхностный слой земли, и если у земледельца хватит терпения копнуть глубже, он обнаружит новый слой, который удобряется по мере вспашки и воздействия солнца. Почти не бывает земли совершенно бесплодной, если человек не устает перемешивать её и выставлять на солнце, и если он требует от неё лишь того, что ей свойственно. Среди камней и скал находятся отличные пастбища; в их впадинах — пласты почвы, куда проникают солнечные лучи и дают растениям соки, питательные для скота.

Даже берега, кажущиеся самыми бедными и дикими, часто дают прекрасные плоды, или очень полезные лекарства, которых нет в самых плодородных странах.

Более того, по действию божественного Провидения нет такой земли, которая дала бы всё, что нужно человеку; напротив, нужда побуждает людей к торговле, чтобы обмениваться тем, чего им не хватает, и эта нужда — естественная связь общества между народами: иначе все народы были бы обречены на одинаковые одежды и пищу; ничто не побуждало бы их узнавать друг друга и обмениваться.

12. О растениях

Всё, что производит земля, разлагаясь, возвращается в её лоно и становится зародышем новой плодородности. Так она вновь принимает всё, что дала, чтобы снова отдать это. Так разложение растений и отбросы питаемых ею животных питают и саму землю и поддерживают её плодородие. Чем больше она отдаёт, тем больше получает обратно, и никогда не истощается — если только человек, возделывая её, умеет возвращать ей то, что она дала. Всё выходит из её недр, всё туда возвращается, и ничто не пропадает. Все семена, возвращённые земле, умножаются. Доверьте земле зерно пшеницы — и, сгнивая, оно прорастает; эта плодовитая мать возвращает вам с избытком больше колосьев, чем получила зёрен. Раскопайте её недра — и вы найдёте там камень и мрамор для самых великолепных построек. Но кто заключил в её груди столько сокровищ, условием к которым является их непрерывное возобновление? Посмотрите — сколько драгоценных и полезных металлов, сколько минералов, предназначенных для удобства человека!

Восхищайтесь растениями, рождающимися из земли: они дают пищу здоровым и лекарства больным. Их виды и свойства неисчислимы; они украшают землю, дарят зелень, благоухающие цветы и вкусные плоды. Видите ли вы эти обширные леса, которые кажутся такими же древними, как и сам мир? Эти деревья вонзают свои корни в землю, как их ветви поднимаются к небу; корни защищают их от ветров и тянут из недр земли, словно по подземным трубочкам, все соки, необходимые для питания ствола; сам ствол покрыт твёрдой корой, предохраняющей нежное дерево от непогоды; ветви распределяют по многочисленным каналам сок, собранный корнями в основании. Летом эти ветви дают нам тень от лучей солнца; зимой они питают пламя, которое сохраняет в нас природное тепло. Дерево служит не только топливом: это мягкий, хотя и прочный, долговечный материал, которому рука человека без труда придаёт любую форму — для величайших сооружений архитектуры и кораблестроения.

Кроме того, плодовые деревья, наклоняя свои ветви к земле, как будто сами предлагают человеку свои плоды. Деревья и растения, роняя свои семена или плоды, готовят вокруг себя многочисленное потомство. Самое слабое растение, малейший росток заключает в себе в крошечном зерне зародыш всего того, что развёртывается в самых высоких растениях и самых больших деревьях. Земля, сама оставаясь неизменной, совершает в своей утробе все эти превращения.

13. О воде

Теперь обратим внимание на то, что называется водой. Это — жидкое, прозрачное, чистое тело. С одной стороны, она течёт, ускользает, убегает; с другой — принимает форму любого тела, которое её окружает, не имея собственной. Если бы вода была немного более разрежена, она превратилась бы в своего рода воздух: вся поверхность земли стала бы сухой и бесплодной; существовали бы лишь летающие животные; ни одно существо не могло бы плавать, ни одна рыба не смогла бы жить; мореплавание стало бы невозможным. Какая искусная рука смогла сгущать воду, утончая воздух, и так точно различить эти два

рода текучих тел? Если бы вода была чуть разрежённее, она не могла бы поддерживать эти огромные плавучие сооружения, которые мы называем кораблями; даже самые лёгкие тела сразу бы в ней тонули.

Кто позаботился о столь точном сочетании частиц и столь определённой степени движения, чтобы сделать воду столь текучей, столь проникающей, столь пригодной для бегства, столь неспособной к твердости — и, однако, столь сильной, чтобы нести тяжести и столь стремительной, чтобы увлекать за собой самые массивные тела? Она послушна: человек ведёт её, как всадник ведёт коня; он распределяет её, как хочет, поднимает на крутые горы и пользуется её собственным весом, чтобы заставить её падать и тем самым вновь подниматься на ту же высоту. Но человек, управляющий водами с таким могуществом, в свою очередь сам ими управляем. Вода — одна из величайших движущих сил, известных человеку, чтобы восполнить в искусствах, необходимых для жизни, то, чего ему недостаёт по причине малого роста и слабости тела.

Однако эти воды, несмотря на их текучесть, — тяжёлые массы, — поднимаются над нашими головами и долго там остаются. Видите ли вы эти облака, что летят, как на крыльях ветра? Если бы они обрушивались вдруг сплошными потоками, быстрыми, как горные реки, — они бы затопили и разрушили всё в месте падения, а остальная земля осталась бы засушливой. Какая рука удерживает их в этих подвешенных хранилищах и позволяет им падать лишь капля за каплей, словно через решето? Почему в жарких странах, где почти не бывает дождей, ночные росы так обильны, что заменяют их? Почему в других местах, как на берегах Нила и Ганга, разливы рек происходят в точно определённые времена, чтобы орошать поля именно тогда, когда это нужно народу? Можно ли вообразить более разумное устройство для плодородия всех земель?

Так вода утоляет жажду не только человека, но и сухих равнин; и Тот, Кто дал нам этот жидкий элемент, распределил его по земле с величайшей заботой, словно каналы сада. Воды стекают с высоких гор, где помещены их источники; они собираются в долинах, образуя ручьи; реки вьются по широким равнинам, чтобы обильнее их орошать; наконец, они устремляются в море, которое становится центром торговли всех народов. Этот океан, кажущийся положенным между странами как вечная преграда, напротив, служит местом встречи народов, которые иначе не могли бы достичь друг друга по суше без невыразимых трудов и опасностей. Именно по этому бездорожному пути, через бездны, древний мир подаёт руку новому, а новый — старому, обмениваясь удобствами и богатствами.

Воды, распределённые с таким искусством, совершают в земле нечто вроде круговорота, подобного тому, как кровь циркулирует в теле человека. Но, кроме этого непрерывного круговорота, существует ещё прилив и отлив моря. Не будем искать причины столь загадочного явления; но, несомненно одно: море приносит вас и возвращает в те же места в определённые часы. Кто заставляет его отходить, а потом возвращаться с такой точностью? Чуть больше или чуть меньше движения в этой огромной массе — и вся природа пришла бы в беспорядок; немного больше — и целые царства оказались бы под водой. Кто же сумел рассчитать столь точно в таких гигантских телах? Какой перст начертал на берегу ту неизменную черту, которую море должно чтить во все века, сказав ему: «Здесь ты разобьёшь гордость своих волн»?

Но эти текучие воды зимой вдруг становятся твёрдыми, как скалы; вершины высоких гор покрыты вечными льдами и снегами, которые питают источники рек и делают пастбища зелёными. Здесь воды сладки, чтобы утолять жажду человека; там они солёные, чтобы придавать вкус и сохранять наши пищи. И наконец, если я подниму голову, я увижу над собою в облаках нечто вроде морей, подвешенных для того, чтобы смягчать жар, задерживать пылающие лучи солнца и орошать землю, когда она пересыхает. Какая рука

могла подвесить над нашими головами эти великие водоёмы? Какая рука заботится о том, чтобы они никогда не падали иначе, как умеренным дождём?

14. О воздухе

После того как мы рассмотрели воды, обратимся теперь к другим, еще более обширным массам. Видите ли вы то, что называют воздухом? Это тело столь чистое, тонкое и прозрачное, что лучи звёзд, находящихся на почти бесконечном расстоянии от нас, свободно пронизывают его насквозь — мгновенно, чтобы осветить наши глаза. Чуть меньшая тонкость этого тела — и свет небесных светил не доходил бы до нас, или доходил бы лишь в виде мутного и смутного сияния, подобного тому, какое мы видим, когда воздух полон густых туманов.

Мы живём, погружённые в бездны воздуха, как рыбы — в бездны воды. Подобно тому, как вода, если бы стала тоньше, превратилась бы в некий воздух и погубила бы рыб, так и воздух, напротив, лишил бы нас дыхания, если бы стал плотнее и влажнее: тогда мы утонули бы в потоках этого утолщённого воздуха, как земное животное тонет в море. Кто очистил с такой точностью этот воздух, которым мы дышим? Если бы он был плотнее — он задушил бы нас, как вода; если бы был тоньше — не имел бы той мягкости, которая питает человека постоянно изнутри. Мы испытывали бы везде то, что испытывает человек на вершинах самых высоких гор, где тонкость воздуха не даёт лёгким ничего достаточно влажного и питательного.

Но какая невидимая сила возмущает и успокаивает столь внезапно бури этого великого текучего тела? Морские бури лишь следуют за бурями воздуха. Из какого хранилища извлекаются ветры, очищающие воздух, смягчающие зной, умеряющие суровость зимы и меняющие в одно мгновение лик неба? На крыльях этих ветров переносятся облака с одного конца горизонта на другой. Известно, что некоторые ветры господствуют над определёнными морями в строго определённые времена года; они дуют установленное время, и им сменяются другие — как будто специально для того, чтобы сделать плавания удобными и правильными. Если бы люди были столь же терпеливы и пунктуальны, как ветры, они могли бы без труда совершать самые длинные путешествия.

5. Об огне

Посмотрите на огонь, который, кажется, горит в звёздах и повсюду изливает свет. Видите ли вы это пламя, что извергают некоторые горы, и которое земля питает серой в своих недрах? Этот же огонь мирно дремлет в жилах камней, ожидая лишь удара другого тела, чтобы вспыхнуть и потрясти города и горы. Человек научился зажигать его и подчинять своим нуждам: чтобы смягчать самые твёрдые металлы и, сжигая древесину, поддерживать в самых холодных странах пламя, заменяющее ему солнце, когда солнце удаляется. Это пламя тонко проникает во все семена; оно подобно душе всего живущего; оно пожирает всё нечистое и обновляет то, что очистило. Огонь одалживает свою силу людям, слишком слабым по природе: он рушит здания и скалы, но если ограничить его действие — он греет человека и готовит его пищу. Древние, восхищаясь им, думали, что это — небесное сокровище, похищенное человеком у богов.

16. О небе

Пора поднять наши глаза к небу. Какая сила воздвигла над нашими головами столь обширный и великолепный свод? Какая удивительная пестрота чудесных предметов! Всемогущая рука разместила перед нашими глазами столь великие и блистательные зрелища, чтобы мы могли восхищаться ими. «Чтобы человек мог познавать божество, созерцая небо, — говорит Цицерон, — Бог поставил его прямо и возвышенно, в отличие от

животных, склонённых к земле». Человек, созданный прямым, возведён, чтобы взирать на горнее.

Иногда мы видим тёмно-синюю глубину, где сияют чистейшие огни; иногда — в мягком небе — нежнейшие цвета, с переливами, недоступными живописи; иногда облака всех форм и самых живых оттенков непрерывно изменяют этот небесный декор, создавая величайшие игры света. Что означает этот регулярный порядок дней и ночей? Сколько веков уже солнце не перестаёт служить людям, без которых они не могут обойтись! С рассветом, не пропустив ни одного дня за тысячи лет, утренняя заря возвещает свет, являясь точно в назначенный час и в назначённом месте. «Солнце, — говорит Писание, — знает, где оно должно заходить» (Пс. 103:19). Так оно поочерёдно освещает обе стороны мира и навещает всех, кому обязано своими лучами.

День — время общения и труда; ночь, покрывая землю своими тенями, завершает попеременно все труды и смягчает все страдания; она всё останавливает и успокаивает, разливая тишину и сон; она отдыхает тела и обновляет дух. Вскоре день возвращается, чтобы вновь призвать человека к труду и оживить всю природу.

17. О солнце

Но кроме этого постоянного движения, образующего дни и ночи, солнце показывает нам и другое — то, по которому оно в течение шести месяцев освещает всю землю. Этот прекрасный порядок делает так, что одного солнца достаточно для всей земли. Если бы оно было больше при том же расстоянии, оно бы испепелило весь мир — земля рассыпалась бы в пыль; если бы, оставаясь на том же расстоянии, оно было меньше, земля была бы вся во льдах и стала бы необитаемой. Если, оставаясь тем же по величине, оно подошло бы ближе — оно бы нас сожгло; если бы, напротив, удалилось — мы не смогли бы существовать на этом земном шаре из-за недостатка тепла.

Какой же чертёж, охватывающий и небо, и землю, смог задать такие точные меры? Этот светильник приносит не меньше пользы той части земли, от которой удаляется, умеряя её жар, чем той, к которой приближается, одаривая её своими лучами. Его благодатный взор делает плодородным всё, чего он касается. Это чередование порождает смену времён года, чьё разнообразие столь приятно. Весна усмиряет холодные ветры, являет цветы и обещает плоды. Лето приносит богатые жатвы. Осень изливает плоды, обещанные весной. Зима — своего рода ночь, во время которой человек отдыхает, — лишь собирает в недрах земли её сокровища, чтобы следующая весна вновь раскрыла их со всей прелестью новизны. Так природа, постоянно облачающаяся в различные наряды, показывает человеку всё новые и новые зрелища, не давая ему устать от того, чем он владеет.

Но как может движение земли вокруг солнца быть столь правильным? Этот светило, по-видимому, есть шар из тончайшего пламени, а, следовательно — крайне текучего. Кто удерживает это столь подвижное и стремительное пламя в точных границах идеального шара? Какая рука направляет его столь прямым путём, не позволяя ему уклониться ни на волос? Это пламя ничем не удерживается, и нет тела, которое могло бы его направлять или удерживать. Оно быстро сожгло бы всё, что попыталось бы заключить его в границы. Если солнце не вращается, а мы движемся вокруг него — то кто поставил его так точно в центре вселенной, чтобы оно стало как бы очагом или сердцем всей природы? И наконец, почему этот шар из столь тонкой материи никогда не рассеивается в бескрайние пространства, окружающие его, где всё текучее, кажется, должно уступать напору этого пламени? Почему же твёрдый земной шар столь регулярно обращается вокруг него, нигде не будучи удерживаем, чтобы следовать своему пути?

Пусть ищут в физике самые изощрённые причины, чтобы это объяснить: даже если они истинны — они лишь превращаются в доказательства Божества. Чем точнее, проще, постояннее и плодотворнее тот механизм, который движет вселенную, тем несомненнее, что всесильная и премудрая рука избрала для неё самый совершенный из всех возможных законов.

18. О звёздах

Но взглянем ещё раз на эти необъятные своды, где сияют звёзды и которые простираются над нашими головами. Если небеса — лишь бесконечные пространства, наполненные текучими веществами, подобными воздуху, который нас окружает, — то почему столь твёрдые тела парят в них, не погружаясь и не приближаясь друг к другу? Сколько бы веков ни вели мы наблюдения за звёздами, ни малейшего расстройства не замечено в небесных движениях. Может ли текучая материя придавать столь постоянный и точный порядок телам, плавающим в её среде?

Что означает это почти бесчисленное множество звёзд? Щедрость, с которой рука Божия рассеяла их по небу, показывает, что для Его силы они — ничто. Он усеивает небо звёздами, как великий царь раздаёт монеты при народном празднестве или украшает одежду драгоценными камнями. Пусть кто-нибудь скажет, что это — столько же миров, подобных нашему. Я соглашусь на мгновение. Тогда как могуществен и премудр Тот, кто сотворил миры столь бесчисленные, как песок морских берегов, и кто без труда ведёт их все, как пастух ведёт стадо!

Если же, напротив, звёзды — лишь светильники, зажжённые для нас, — какая же это сила, которую ничто не утомляет и для которой ничто не трудно! Какая роскошь, чтобы дать человеку, в этом крошечном уголке вселенной, столь изумительное зрелище! Среди этих звёзд я вижу Луну, которая будто бы разделяет с солнцем заботу освещать нас. Она появляется вовремя с остальными звёздами, когда солнце спешит нести день в другое полушарие. Так ночь, несмотря на свои тени, всё же имеет свет — тусклый, но мягкий и полезный. Этот свет заимствован у солнца, хотя оно невидимо. Всё в мире устроено с таким искусством, что соседний с Землёй шар, столь же тёмный, как она сама, служит зеркалом, отражающим солнечные лучи и возвращающим их нам, когда солнце освещает другие народы.

Скажут: движение звёзд определяется неизменными законами. Я соглашусь. Но именно этот факт и есть доказательство того, что я утверждаю. Кто дал всей природе законы столь постоянные и столь благие — законы такие простые, что можно подумать, будто они установились сами собой, и столь плодотворные, что нельзя не признать в них чудесного искусства? Откуда это управление вселенской машиной, которая непрестанно трудится для нас, хотя мы и не думаем об этом? Кому приписать согласованность столь множества глубоко продуманных пружин, стольких тел — больших и малых, видимых и невидимых, — которые действуют заодно, чтобы служить человеку?

Малейшее нарушение в одной частице этой машины разрушило бы всю природу. Колёса и шестерёнки часов не соединены с такой точностью и искусством. Что же это за замысел — столь обширный, последовательный, прекрасный, благодетельный? Необходимость этих законов, вместо того чтобы заставить меня отказаться от поиска их Творца, лишь усиливает моё восхищение. Должна была быть рука одновременно мудрая и могущественная, чтобы вложить в Своё творение порядок столь простой и плодотворный, постоянный и полезный.

Я не боюсь повторить вместе с Писанием: «Каждая звезда спешит туда, куда посылает её Господь, и когда Он говорит, они с трепетом отвечают: “Вот мы!”.

19. О животных

Но обратим же взгляд на животных, ещё более достойных восхищения, чем небеса и звёзды. Существуют бесчисленные виды. У одних только две ноги; у других — четыре; у третьих — очень много. Одни ходят; другие ползают; другие летают; другие плавают; некоторые умеют летать, ходить и плавать одновременно.

Крылья птиц и плавники рыб подобны веслам, которые рассекают волны воздуха или воды, и которые ведут тело, плавающее у птицы или рыбы, структура которого напоминает корабль. Но крылья птиц покрыты перьями с пухом, который раздувается на воздухе, а в воде утяжелился бы; напротив, плавники рыб имеют твёрдые и сухие окончания, которые рассекали воду, не впитывая её, и не утяжелялись при намокании. Некоторые птицы, плавающие, как лебеди, поднимают крылья и всё оперение вверх, чтобы не намочить его, и чтобы оно служило им словно парусом. Они умеют поворачивать это оперение против ветра и плыть, как корабли, к ветру, когда он им не благоприятствует. Водоплавающие птицы, такие как утки, имеют на лапах большие перепонки, которые раздвигаются и образуют «снегоступы» для ног, чтобы не проваливаться в болотистые берега рек.

Среди этих животных хищники, такие как львы, обладают самыми большими мышцами на плечах, бёдрах и ногах; поэтому они гибки, ловки, сильны и быстры в броске. Кости их челюстей огромны относительно остального тела. У них есть зубы и когти, которые служат им ужасным оружием для разрывания и поедания других животных. По той же причине хищные птицы, например орлы, имеют клюв и когти, способные пробить всё. Мышцы их крыльев чрезвычайно развиты и очень твёрды, чтобы придать крыльям более сильное и быстрое движение. Поэтому эти животные, хотя довольно тяжёлые, легко поднимаются в облака и срываются, как молния, на любую добычу.

Некоторые животные имеют рога; их главная сила сосредоточена в пояснице и шее. Другие умеют лишь брыкаться. Каждый вид имеет свои оружия нападения и защиты. Их охота — это своего рода война между ними ради пропитания. У них есть и свои правила, и свой порядок. Один носит, как черепаха, свой дом, в котором родился; другой строит свой, как птица, на самых высоких ветках деревьев, чтобы уберечь птенцов от наземных животных. Он даже помещает гнездо в самые густые листья, чтобы скрыть его от врагов. Ещё один, как бобр, строит убежище на дне водоёма и умеет возводить плотины, чтобы сделать его недоступным для наводнения. Другой, как крот, рождается с острым и заострённым носом, чтобы пробивать даже твёрдую землю и выкапывать подземное убежище. Лиса умеет рыть нору с двумя выходами, чтобы её не застали врасплох и чтобы избежать ловушек охотника.

Пресмыкающиеся устроены иначе. Они изгибаются и сворачиваются с помощью мышц; они лезут, обвиваются, сжимают и цепляются за встречные тела; скользят тайно повсюду. Их органы почти независимы друг от друга; поэтому они живут даже после того, как их разрубят. Как говорит Цицерон, птицы с длинными ногами имеют также длинную шею, чтобы можно было опустить клюв к земле и брать пищу. Верблюд устроен так же. У слона, чья шея была бы слишком тяжела, если бы была такой же длинной, как у верблюда, есть хобот — ткань из нервов и мышц, которую он вытягивает, убирает и сгибает во всех направлениях, чтобы хватать предметы, убирать и отталкивать их; именно поэтому латиняне называли хобот «рукой».

Некоторые животные кажутся предназначенными для человека. Собака рождена, чтобы её ласкали, чтобы она подчинялась человеку, чтобы дарить приятное чувство общества, дружбы, верности и нежности, чтобы охранять всё, что ей доверяют, преследовать других животных и приносить их человеку, не оставляя себе ничего. Лошадь и другие подобные

животные подчинены человеку, чтобы помогать ему в работе и нести тяжести. Они рождены, чтобы носить, идти и облегчать человеку труд. Слабо пушистые животные имеют очень толстую и твёрдую кожу, как чешую; у других есть настоящие чешуи, накладывающиеся друг на друга, как черепица, которые раскрываются или сжимаются по необходимости. Эти шкуры и чешуи служат человеку.

Так, в природе не только растения, но и животные созданы для нашего пользования. Даже дикие звери приручаются или, по крайней мере, боятся человека. Если бы все страны были населены и устроены должным образом, не было бы мест, где звери нападали бы на человека; дикие животные остались бы только в глухих лесах, где служили бы упражнением силы и ловкости людей, как игра, представляющая войну, без необходимости настоящей войны между народами. Заметим, что животные, вредные для человека, менее плодовиты, а полезные — более плодовиты. Убой коров и овец несравненно больше, чем убой медведей и волков; тем не менее, на земле медведей и волков гораздо меньше, чем коров и овец. Также, как отмечает Цицерон, самки каждого вида имеют вымя в соответствии с числом детёнышей, которых они обычно вынашивают: чем больше детёнышей, тем больше источников молока предусмотрено природой.

Пока овцы растят шерсть для нас, шелкопряды ткут богатые ткани и отдают их, сгорая в своих коконах; они создают своего рода гроб, заключаясь в своём творении, а затем возрождаются в новой форме, чтобы продолжить род. Пчёлы собирают нектар ароматных цветов для меда и хранят его в порядке, который может служить нам примером. Многие насекомые превращаются то в муху, то в червя. Даже если кажутся бесполезными, они служат разнообразию природы и её пользе для наблюдательного человека. Что может быть красивее и величественнее, чем это огромное множество «республик животных», столь хорошо устроенных, каждая со своей конструкцией? Здесь не должно быть войны.

Наблюдение показывает, как мастерство творца превосходит простую материю: всё поражает, даже самые маленькие мошки. Если они кажутся неудобными, стоит помнить, что человеку необходимы некоторые трудности наряду с удобствами; иначе он бы ослабел и забыл себя, если бы ничто не сдерживало его удовольствий и не развивало терпение.

20. Превосходное устройство всех тел, составляющих вселенную

Рассмотрим теперь чудеса, которые проявляются одинаково как в самых больших телах, так и в самых малых. С одной стороны, я вижу Солнце, которое в тысячи раз больше Земли; я вижу его в пространствах, по сравнению с которыми оно само лишь сверкающий атом. Я вижу другие светила, возможно, ещё больше его, которые вращаются в других, ещё более удалённых от нас пространствах. За пределами всех этих пространств, которые уже невозможно измерить, я смутно различаю ещё другие светила, которые невозможно сосчитать или отличить. Земля, на которой я нахожусь, — лишь точка по сравнению с этим целым, в котором невозможно найти границу.

Это целое устроено так совершенным образом, что нельзя сдвинуть ни один атом, не нарушив работу всей этой огромной машины; и оно движется с таким прекрасным порядком, что само движение поддерживает разнообразие и совершенство. Должна быть рука, которой ничего не стоит, и которая не устает вести это творение на протяжении стольких веков, и пальцы которой играют со вселенной, как говорит Писание.

21. Чудеса бесконечно малых тел

С другой стороны, творение не менее чудесно в малом, чем в великом. Я нахожу в малом не меньшую степень бесконечности, которая поражает и превосходит меня. Найти в червячке, как и в слоне или ките, чётко организованные конечности; там есть голова, тело, ноги,

ступни, сформированные так же, как у самых больших животных! В каждой части этих живых атомов есть мышцы, нервы, вены, артерии, кровь; в этой крови — «духи», разветвлённые части и жидкости; в этих жидкостях — капли, сами состоящие из множества частей, причём невозможно остановиться в этом бесконечном составе столь крошечного целого.

Микроскоп открывает нам в каждом известном объекте тысячи объектов, ускользнувших от нашего зрения. Сколько же ещё скрыто внутри каждого предмета, которое сам микроскоп не способен обнаружить! Что бы мы увидели, если бы могли постоянно усовершенствовать инструменты, поддерживающие наше слишком слабое и грубое зрение? Но восполним недостаток зрения воображением; пусть воображение само станет своего рода микроскопом, показывающим в каждом атоме тысячи новых невидимых миров. Оно не сможет постоянно создавать новые открытия в малых телах; оно устанет и уступит место множеству чудес, скрытых даже в крошечном органе клетки.

22. Строение животного

Обратимся к машине животного: в ней есть три вещи, которые невозможно слишком превозносить: В ней есть средства защиты от нападающих; Она способна обновляться через питание; Она может продолжать свой род через размножение. Рассмотрим эти три аспекта.

23. Об инстинкте животного

Животные обладают тем, что называют инстинктом: они приближаются к полезным объектам и избегают вредных. Не будем пытаться понять, в чём состоит этот инстинкт, ограничимся простым фактом, без рассуждений. Маленький ягнёнок чует мать издалека и бежит к ней. Он ужасается при приближении волка и убегает прежде, чем успеет его разглядеть. Охотничья собака почти безошибочно находит по запаху след оленя.

В каждом животном есть мощный импульс, который внезапно активирует «духи», напрягает все нервы, делает суставы более гибкими и невероятно увеличивает силу, ловкость, скорость и хитрость при внезапной опасности, чтобы убежать от угрозы. Речь здесь не о том, обладают ли животные разумом. Я не затрагиваю философских вопросов. Движения, о которых я говорю, полностью не осознанны, даже в человеческом теле.

Если человек, танцующий на канате, будет рассуждать о законах равновесия, его рассуждения заставят его потерять равновесие, которое он сохраняет без рассуждений, и разум лишь уронил бы его на землю. То же и с животными. Если сказать, что они рассуждают, как люди; это не ослабляет моего доказательства.

Их рассуждение никогда не сможет объяснить движения, которыми мы восхищаемся. Будет ли сказано, что они знают тончайшие правила механики, наблюдают с точностью, когда нужно бегать, прыгать, плавать, прятаться, скрывать след, защищаться сильнейшей частью тела? Будет ли сказано, что они знают математику, неизвестную людям? Смогут ли они сознательно выполнять эти стремительные, точные движения, которые люди совершают без изучения и мысли?

Это инстинкт, скажут. Я согласен; это действительно инстинкт. Но этот инстинкт — удивительная проницательность и ловкость, не в животном, которое не рассуждает, а в высшей мудрости, которая им управляет. Этот инстинкт или мудрость, которая заботится о животном в неосознанных действиях, где оно не может ни думать, ни следить, даже если было бы разумным, — это мудрость Создателя, сотворившего эту машину.

Не говорите больше об инстинкте или природе; эти имена лишь красивые слова. В том, что называют природой и инстинктом, есть высшее мастерство и искусство, тень которых — всё, что человек может создать. Несомненно, что в животных существует множество полностью неосознанных движений, выполняемых по тончайшим правилам механики.

Что бы вы сказали о часах, которые своевременно убегают, прячутся, защищаются и спасаются, когда их хотят сломать? Разве вы не восхитились бы мастерством часовщика? Разве поверили бы, что пружины этих часов сформировались, были пропорциональны, устроены и соединены случайным образом? Говорить о природе или инстинкте этих часов, которые точно показывают время хозяину и убегают от желающих сломать их, — не объяснение, а лишь красивое слово.

24. О питании

Что может быть прекраснее машины, которая сама себя постоянно восстанавливает и обновляет? Животное, ограниченное в своих силах, быстро истощается от труда, но чем больше оно трудится, тем сильнее ощущает потребность возместить силы обильной пищей. Пища ежедневно возвращает ему утраченную силу. Внутрь тела вводится чуждое вещество, которое превращается в своё через своего рода метаморфозу. Сначала оно разжевывается и превращается в некую жидкость; затем очищается, словно просеивается через сито, чтобы отделить всё грубое; потом достигает центра, или очага «духов», где становится более тонким и превращается в кровь; наконец, течёт по бесчисленным разветвлениям, орошая все части тела; проникает в плоть и становится плотью самой.

Так пища, когда-то неодушевлённая, поддерживает жизнь животного и становится самим животным. Части, которые она составляла раньше, испарились через незаметное и непрерывное потоотделение. Четыре года назад этот конь был лишь телом; теперь то, что было сеном и овсом, стало тем же гордым и сильным животным. По крайней мере, он считается тем же конём, несмотря на этот незаметный переход вещества.

25. О сне

К пище присоединяется сон. Животное прекращает не только все внешние движения, но и все основные внутренние процессы, которые могли бы чрезмерно рассеять «духи»; остаются лишь дыхание и пищеварение. Любое движение, которое расходует силы, приостанавливается, а движения, направленные на их восстановление, продолжаются свободно.

Этот отдых, своего рода волшебство, повторяется каждую ночь, пока тьма препятствует труду. Кто придумал эту паузу? Кто так точно определил процессы, которые должны продолжаться, и исключил все, что следует прервать? На следующее утро все прошлые усталости словно исчезают. Животное работает, как будто никогда не уставало, и обладает живостью, призывающей к новому труду.

Благодаря этому обновлению нервы снова полны «духов», тело остаётся гибким, кожа цела, хотя казалось бы, что она должна изнашиваться. Живой организм животного изнашивает окружающие неодушевлённые тела, даже самые прочные, но сам не изнашивается. Если бы это обновление было совершенным, оно означало бы бессмертие и вечную молодость. Но так как оно несовершенно, животное постепенно теряет силы и стареет, ибо всё созданное носит отпечаток ничтожества, из которого оно возникло, и имеет конец.

26. О размножении

Что может быть более удивительным, чем размножение животных? Посмотрите на отдельные особи: ни одно животное не бессмертно; все стареют, проходят, исчезают. Но виды сохраняются, остаются постоянными и неизменными в непрерывной смене поколений.

Ни львы, ни тигры, ни кабаны, ни медведи не возникают случайно в пещерах или лесах. Собаки и кошки также не появляются сами по себе; коровы и овцы не рождаются сами в хлевах и на пастбищах. Каждое животное обязано своим рождением определённому самцу и самке своего вида. Виды сохраняются почти одинаковыми на протяжении веков. Никакой вид за три тысячи лет не исчез; и ни один не размножается в избытке, угрожающем другим видам.

Если бы виды хищников размножались чрезмерно, они уничтожили бы виды оленей, овец, коз, коров и даже людей. Кто так точно поддерживает равновесие, чтобы ни один вид не исчезал и не размножался слишком сильно? Продолжение рода каждого вида — чудо, к которому мы слишком привыкли. Что бы мы сказали о часовщике, если бы его часы сами производили новые часы бесконечно, или о зодчем, который создавал бы дома, рождающие новые дома? Так обстоит дело с животными. Они могут быть машинами, как часы, но их Создатель вложил в них способность воспроизводиться через соединение двух полов.

Очевидно и бесспорно, независимо от философских систем, что случайное соединение атомов никогда не создаёт ни львов, ни тигров, ни медведей, ни слонов, ни оленей, ни коров, ни овец, ни кошек, ни собак, ни лошадей; они рождаются только от своих сородичей. Самцы и самки, производящие потомство, не являются авторами искусства, проявляющегося в их составе. Они лишь слепые, невольные инструменты, участвующие в создании удивительного произведения, совершенно им чуждого и неизвестного.

Нужно искать причину этого мастерства либо в самом произведении, либо в его Создателе. Как я вижу в часах точность хода, превосходящую мои знания, так и в животных, совершающих действия с большей точностью, чем у меня, я заключаю, что это мастерство заключено либо в машине, либо в её Создателе, а не в самих животных.

27. О совершенстве инстинкта у животных

Несмотря на отдельные ошибки животных, их инстинкт остаётся восхитительным и безошибочным в определённых пределах. Не отвечайте, что инстинкт животных ошибочен в некоторых случаях. Разумеется, животные не могут быть безошибочны во всём; но удивительно, что они безошибочны во многих вещах. Если бы они были безошибочны во всём, их разум был бы бесконечно совершенен, и они были бы божествами.

В творениях всесильного Создателя не может быть абсолютного совершенства; иначе Бог создал бы существа, подобные себе, что невозможно. Следовательно, Он может вложить разум в творения лишь с определёнными пределами. Предел не является доказательством отсутствия порядка или разума. То, что я иногда ошибаюсь, не значит, что я не разумен; так же, если животное не безошибочно во всём, это не значит, что в нём нет разума, а лишь то, что его разум ограничен. Факт остаётся: в действиях машины есть упорядоченность, чудесное мастерство, промышленная точность, достигающая безошибочности в некоторых вещах. Кому приписать это мастерство: машине или её Создателю?

28. О душе животных

Имеют ли животные душу или нет — вывод остаётся тем же. Если утверждать, что у животных есть души, отличные от их тел, нужно спросить: как эти души прикреплены к телам? Кто мог так точно соединить сущности, столь различные по природе, в тесную и регулярную гармонию?

Если же полагать, что материя может иногда мыслить, а иногда нет, в зависимости от её устройства, нужно спросить: кто установил точные условия и границы движения, при которых материя начинает мыслить? Кто рассчитал размеры, и формы каждой части, чтобы сохранить пропорции целого? Если вы скажете, что это случайность, вы превращаете её в

источник самой разума. Столь трудно признать очень разумную причину, от которой происходит всякий разум, и легче утверждать, что чистый разум есть следствие самой слепой причины в материи, которая по себе неспособна к знанию!

29. Взгляды древних на душу и знание животных

Философия древних, хотя и несовершенная, всё же предвидела эту проблему. Они считали, что божественный дух, присутствующий во вселенной, действует повсюду, особенно в животных, как душа в теле, и что это «влияние» — то, что мы называем инстинктом — поддерживает жизнь всего живого.

Древние утверждали, что эти искры божественного духа являются источником размножения: животные получают их при рождении, а при смерти они возвращаются к небу и участвуют в числах звёзд. Вергилий поэтически выражает это, говоря о пчёлах, которым приписывают душу и участие в Божественном. Стоики и Платон полагали, что весь мир — разумное живое существо, философ и бог, а Цицерон утверждает, что природа, охватывающая всё, должна обладать разумом, следовательно, мир — это Бог. Таким образом, философы, удаляясь от поэтов, всё же приписывали жизнь, разум и замысел всем частям вселенной, даже тем, которые кажутся неживыми.

30. О человеке

Не будем задерживаться на животных, ниже человека; пора изучить человека, чтобы найти в нём образ Творца. В природе есть два типа существ: разумные и неразумные. Человек объединяет их оба: он имеет тело, как неодушевлённые существа, и дух, способный к самопознанию и восприятию окружающего. Если существует первичное существо, создавшее всё из ничего, человек является его образом, поскольку в нём сосредоточены все реальные совершенства обеих форм бытия. Но образ — это лишь образ, тень истинного совершенного существа. Начнём изучение человека с тела. «Я не знаю, — говорила мать в Писании, — как вы сформировались в утробе моей». Сущность человека не создана родителями; мастерство Создателя проявляется в сложном и регулярном устройстве тела.

31. О строении тела человека

Тело человека создано из праха земного, но восхищаемся рукой, которая его сформировала. Печать мастера отпечатана на творении; он, кажется, получил удовольствие, создавая шедевр из такой «низкой» материи. Кости поддерживают мышцы и плоть; нервы и сухожилия управляют движениями. Мышцы сокращаются и удлиняются, обеспечивая точные и регулярные движения. Кости соединены в суставах, связаны нервами и сухожилиями. Даже после смерти соединения сохраняются долго. Мозг — источник всех нервов; «духи» (импульсы) проходят по ним мгновенно до конечностей, обеспечивая силу и координацию движений. Они текут равномерно или импульсивно, в зависимости от потребностей, бесконечно варьируя позы, жесты и действия тела.

32. О коже

Посмотрим на тело: в некоторых местах оно покрыто нежной и тонкой кожей, которая украшает тело. Если бы эта кожа, придающая приятный вид и мягкий цвет, была удалена, тело стало бы отвратительным и вызывало ужас. В других местах кожа более плотная и толстая, чтобы выдерживать нагрузки этих частей тела. Например, кожа подошвы стопы гораздо грубее, чем кожа лица; кожа затылка — толще, чем лобная часть головы. Кожа пронизана множеством отверстий — пор, через которые выделяются пот и испарения, но кровь никогда не выходит наружу. Кожа достаточно прозрачна, чтобы придавать лицу живой,

мягкий и привлекательный цвет. Если бы кожа была менее плотной и однородной, лицо выглядело бы кровавым, как содранным. Кто смог смешать и сбалансировать эти цвета, чтобы создать такую прекрасную окраску, которую художники восхищаются и никогда не могут полностью воспроизвести?

33. О венах и артериях

В человеческом теле находятся бесчисленные ветви: одни несут кровь от центра к крайним частям и называются артериями; другие возвращают её от крайних частей к центру и называются жилами. По этим различным ответвлениям течёт кровь — жидкость мягкая, маслянистая и, благодаря этой своей маслянистости, способная удерживать самые тонкие духи, так же как в смолистых телах сохраняются самые утончённые и духовные эссенции. Эта кровь орошает плоть, как источники и реки орошают землю. Пройдя фильтрацию в тканях, она возвращается к своему истоку — более медленная и менее насыщенная духами; но в этом истоке она вновь обновляется и утончается, чтобы вновь без конца циркулировать.

34. О костях и их соединениях

Обратите внимание на строение и пропорции конечностей. Ноги и бедра — это крупные кости, соединённые и удерживаемые нервами и сухожилиями. Они образуют устойчивые колонны, поддерживающие всё тело, но при этом гибкие. Коленная чашечка (надколенник) круглой формы специально расположена в суставе, чтобы защищать соединение при сгибании колена. Каждая кость имеет основание из соединённых частей, позволяющее сгибаться или оставаться прямой. Ступня состоит из нервов, сухожилий и мелких костей, обеспечивающих одновременно гибкость и прочность. Пальцы ног с суставами и ногтями помогают ощущать поверхность, удерживать равновесие и поддерживать тело при наклоне или ходьбе.

Позвоночник состоит из отдельных позвонков, соединённых друг с другом, что делает его одновременно гибким и прочным. В центре каждой позвонка есть отверстие для прохождения спинного мозга, по которому передаются «духи» (импульсы) к конечностям. Кости твёрды, сохраняются даже после разложения остальных тканей, имеют множество отверстий для облегчения веса и содержат костный мозг для питания. Концы костей утолщены, образуя «полу-суставы», чтобы облегчить вращение одной кости относительно другой.

35. Об органах

В грудной клетке расположены главные органы: лёгкие, сердце и органы пищеварения. Лёгкие — губчатые, легко расширяются и сжимаются, обеспечивая постоянный поток воздуха, как работающий мех. Воздух необходим для поддержания внутренней температуры и обновления организма. Пищеварение готовит пищу к превращению в кровь. Пища в желудке смешивается, переваривается и превращается в жидкость — «хиль», которая поступает в сердце, где приобретает форму, живость и цвет крови. Твёрдые остатки пищи отделяются и выводятся, чтобы не мешать организму и органам чувств. Даже в самых скромных функциях организма проявляется мастерство Создателя, что делает человеческое тело неисчерпаемым источником удивления.

36. О внутренних частях

Истинно, что внутренние части человека не столь приятны для взора, как внешние; но отметим, что они и не предназначены быть видимыми. Согласно цели искусства, должно было быть так, чтобы их невозможно было обнажить без ужаса, и чтобы человек не мог

раскрыть и ранить эту машину в другом человеке без сильного отвращения. Именно этот ужас рождает в сердцах сострадание и человеколюбие, когда один человек видит другого раненного. Добавьте, со святым Августином, что во внутренних частях есть такая соразмерность, порядок и искусность, которые пленяют внимательный ум ещё больше, чем внешняя красота может усладить глаза тела. Это внутреннее устройство человека, одновременно столь отвратительное и столь дивное, есть именно то, чем оно должно быть, чтобы показать глину, обработанную рукой Божественной. В нём видны вместе — и хрупкость создания, и искусство Творца.

37. О руках и их употреблении

От верха этого столь драгоценного сооружения, которое мы описали, свисают две руки, оканчивающиеся кистями и обладающие совершенной симметрией между собой. Руки прикреплены к плечам так, что имеют свободное движение в этом суставе. Они также сочленены в локте и в запястье, чтобы могли сгибаться и вращаться с быстротой. Руки имеют ровно ту длину, какую нужно, чтобы достигать всех частей тела. Они жилисты и полны мускулов, чтобы могли вместе с поясницей часто действовать и выдерживать самые тяжёлые труды тела.

Кисти — это сплетение сухожилий и косточек, вставленных одна в другую, имеющих всю силу и гибкость, необходимые для того, чтобы ощупывать ближайшие предметы, хватать их, держаться за них, бросать, притягивать, отталкивать, распутывать и отделять одно от другого. Пальцы, концы которых вооружены ногтями, созданы для того, чтобы разнообразием и тонкостью своих движений совершать самые удивительные искусства. Руки и кисти служат также для того, чтобы, в зависимости от того, вытянуты они или согнуты, помогать телу наклоняться, не подвергаясь падению. Механизм имеет в самом себе, независимо от всех мыслей, приходящих впоследствии, своего рода пружину, которая заставляет её мгновенно находить равновесие во всех противоположных положениях.

38. О шее и голове.

Над телом возвышается шея, твёрдая или гибкая, смотря по желанию. Когда нужно нести тяжёлую ношу на голове — шея делается жёсткой, как если бы состояла из одной кости. Когда нужно наклонить или повернуть голову — шея сгибается во все стороны, как будто все её кости разъединяются. Эта шея, умеренно поднятая над плечами, без труда несёт голову, которая господствует над всем телом. Если бы она была меньше, то не соответствовала бы всей машине; если бы больше — помимо того, что была бы непропорциональной и безобразной, её тяжесть давила бы на шею и могла бы привести к падению человека в ту сторону, куда она чуть склонялась бы.

Голова, укреплённая со всех сторон очень толстыми и твёрдыми костями для лучшей охраны драгоценного сокровища, которое она заключает, вставлена в позвонки шеи и имеет весьма быструю связь со всеми другими частями тела. Она содержит мозг — влажную, мягкую и пульповидную субстанцию, составленную из нежных и переплетённых волокон. Здесь находится центр чудес, о которых мы скажем впоследствии. Череп подобран равномерно и с точной симметрией для двух глаз, двух ушей, рта и носа. Есть нервы, предназначенные для ощущений, которые осуществляются почти во всех этих отверстиях. Нос, не имеющий собственных нервов для восприятия запаха, снабжён решетчатой костью, чтобы пропускать запахи до мозга.

Среди органов чувств главные — двойные, чтобы сохранить с одной стороны то, что может быть утрачено с другой в случае несчастья. Эти два органа одного чувства расположены симметрично — спереди или по бокам — чтобы человек мог пользоваться ими с одинаковым удобством направо, налево или прямо перед собой, то есть туда, куда обращают его

суставы при ходьбе и действиях. Кроме того, гибкость шеи делает возможным поворот всех этих органов в одно мгновение в любую сторону. Вся задняя часть головы, которая менее всего способна защитить себя, наиболее толстая; она украшена волосами, служащими одновременно укреплением против воздействия воздуха. Но волосы спадают и на лоб — чтобы сопровождать лицо и придавать ему больше грации.

Лицо — это та сторона головы, что зовётся передней, и где основные органы чувств собраны с таким порядком и соразмерностью, что делают его весьма прекрасным, если только какой-либо случай не повредит столь правильному произведению. Два глаза равны и расположены посредине, по обе стороны головы, чтобы без труда замечать издалека, направо и налево, все внешние предметы, и чтобы удобно бодрствовать ради безопасности всех частей тела. Точная симметрия, с которой они помещены, составляет украшение лица. Тот, кто их создал, зажёг в них некое небесное пламя, которому ничто в природе не подобно. Глаза — это своего рода зеркала, где, в глубине сетчатки, без смешения отражаются поочерёдно все предметы мира, чтобы то, что мыслит в человеке, могло видеть их в этих зеркалах. И хотя мы воспринимаем все предметы двойным органом, мы никогда не видим их как двойные, ибо два нерва, служащие зрению, суть лишь две ветви, соединяющиеся в один ствол, подобно тому, как две дужки очков сходятся в верхней части, которая их соединяет.
Глаза украшены двумя равными бровями; и чтобы они могли открываться и закрываться, они покрыты веками, окаймлёнными ресницами, защищающими столь нежную часть.

39. О лбе и других частях лица

Лоб придаёт всему лицу величие и грацию; он служит для возвышения черт. Без носа, помещённого посреди, всё лицо было бы плоским и безобразным. Можно судить о таком безобразии, когда видишь людей, у которых эта часть лица повреждена. Нос помещён непосредственно над ртом, чтобы удобнее различать по запаху всё, что пригодно для питания человека. Две ноздри служат одновременно для дыхания и обоняния. Посмотрите на губы: их живой цвет, свежесть, форма, расположение и соразмерность с другими чертами украшают всё лицо. Рот, благодаря соответствию своих движений с движениями глаз, оживляет лицо, веселит его, печалит, смягчает, тревожит — и выражает каждую страсть видимыми признаками.

Кроме того, что губы открываются, чтобы принимать пищу, они служат ещё и тем, что своей гибкостью и разнообразием движений разнообразят звуки, образующие речь. Когда губы размыкаются, они открывают двойной ряд зубов, которыми рот украшен: эти зубы — это маленькие кости, упорядоченно вставленные в обе челюсти; а челюсти имеют один «пружинный» механизм, чтобы открываться, и другой — чтобы закрываться, так что зубы, подобно мельнице, дробят пищу, подготавливая её к перевариванию. Но эта раздробленная пища проходит в желудок по каналу, отличному от того, которым проходит дыхание; и эти два канала, хотя и расположены рядом, не имеют ничего общего.

40. О языке и о зубах

Язык — это сплетение мелких мускулов и нервов, столь гибких, что он изгибается, подобно змею, с невообразимою подвижностью и гибкостью; он делает в устах то, что делают пальцы, или что делает смычок мастера на музыкальном инструменте: он касается то зубов, то нёба. Есть канал, идущий внутрь шеи, от нёба до груди: это кольца из хрящей, плотно вставленных один в другой и выстланных изнутри очень гладкой оболочкой или мембраной, чтобы лучше отражать звук воздуха, выталкиваемого лёгкими. Этот канал, со стороны нёба, имеет отверстие, открытое, как флейта, щелью, которая расширяется или сужается, когда нужно, чтобы сделать голос громче или яснее.

Но чтобы пища, имеющая свой собственный проход, не проникала в дыхательный канал, существует своего рода клапан, который, словно подъемный мост, прикрывает отверстие голосового канала, пропуская пищу так, что ни одна мельчайшая частица, ни капля не попадает в упомянутую щель. Этот клапан чрезвычайно подвижен и тонко складывается, так что, дрожа над этим полуоткрытым отверстием, он производит все самые мягкие модуляции голоса. Этого малого примера достаточно, чтобы показать, мимоходом и без подробностей анатомии, насколько чудесно искусство внутренних частей. Этот орган, как я его только что описал, — совершеннейший из всех музыкальных инструментов, и все прочие только настолько совершенны, насколько его подражают.

41. Об обонянии, вкусе и слухе; о памяти.

Кто сможет объяснить тонкость органов, посредством которых человек различает бесчисленные вкусы и запахи тел? Но как может быть, что столь многие голоса одновременно ударяют в моё ухо, не смешиваясь, и что эти звуки, исчезнув, оставляют во мне столь живые и отчётливые образы того, чем они были? С какой заботой Творец наших тел дал нашим глазам влажное и текучее покрытие, чтобы их можно было закрывать, и почему Он оставил наши уши открытыми? «Это, — говорит Цицерон, — потому, что глаза должны закрываться от света для сна, а уши должны оставаться открытыми, когда глаза закрыты, чтобы предупреждать нас и пробуждать шумом, если нам грозит опасность быть застигнутыми врасплох».

Кто тот, кто в одно мгновение запечатлевает в моём глазу небо, море, землю, находящиеся почти в бесконечном удалении? Как в столь малом органе могут разместиться и различаться верные образы всех предметов вселенной — от солнца до атомов? Субстанция мозга, которая сохраняет с порядком столь живые представления бесчисленных объектов, поражавших нас с тех пор, как мы появились на свете, — разве она не есть величайшее чудо? Справедливо восхищаются изобретением книг, где сохраняется память о стольких событиях и собрание стольких мыслей; но какое сравнение может быть между самой прекрасной книгой и мозгом учёного человека?

Без сомнения, этот мозг — сокровищница бесконечно более драгоценная и более прекрасного замысла, чем любая книга. В этом малом хранилище находятся, как по зову, все нужные образы: их призывают — они являются; их отпускают — они скрываются, неведомо куда, и исчезают, чтобы дать место другим. Человек закрывает и открывает своё воображение, как книгу: он будто перелистывает её страницы; переходит внезапно с конца на начало; имеет даже нечто вроде указателей в памяти, чтобы знать, где находятся отдельные, отдалённые образы. Эти неисчислимые знаки, которые дух человека читает внутренне с такой быстротой, не оставляют никаких видимых следов в мозге, который можно вскрыть. Эта дивная книга — не что иное, как мягкая субстанция или своего рода клубок из нежных и переплетённых нитей. Какая рука сумела скрыть в этой, казалось бы, бесформенной глине столь драгоценные и столь прекрасно расположенные образы?

42. О пропорции человеческого тела

Таков в общем человеческий организм. Я не вхожу в подробности анатомии, ибо моя цель — лишь открыть искусство природы одним взглядом, без всякой науки. Тело человека, несомненно, могло бы быть гораздо больше или гораздо меньше. Если бы, например, он имел всего один фут высоты, большинство животных оскорбляли бы его, растаптывая под ногами. Если бы он был высок, как самые большие колокольни, малое число людей за несколько дней израсходовали бы все припасы страны; они не нашли бы ни лошадей, ни иных животных, способных их нести или везти в повозках; не нашли бы достаточно

материалов, чтобы строить дома, соответствующие их росту; на земле могло бы быть лишь немного таких людей, и им недоставало бы большинства удобств.

Кто установил меру человеческого роста столь точно? Кто определил размеры всех других животных в соразмерности с человеком? Человек — единственное живое существо, которое стоит прямо на ногах. Благодаря этому он имеет благородство и величие, отличающее его, даже внешне, от всех живущих на земле. Не только его облик благороднее, но он и сильнейший, и наиболее искусный из всех — соразмерно своей величине. Если рассмотреть внимательно тяжесть и массу большинства самых страшных зверей, окажется, что они имеют больше материи, чем человеческое тело; и, однако, сильный человек обладает большей телесной силой, чем большинство свирепых животных: они опасны для него только зубами и когтями.

Но человек, не имеющий в своих членах столь мощного природного оружия, имеет руки, ловкость которых превосходит всё, что природа дала животным, — для того, чтобы делать себе оружие. Так человек пронзает стрелами, или ловит в сети, или сковывает самых сильных и яростных животных; он даже умеет приручать их в неволе и забавляться с ними, как хочет: он заставляет львов и тигров ласкаться к себе, ездит верхом на слонах.

43. О душе. Только она, из всех существ, мыслит и познаёт

Но тело человека, кажущееся шедевром природы, несравнимо с его мыслью. Несомненно, есть тела, которые не мыслят: никто не приписывает познания камню, дереву, металлу, хотя всё это, без сомнения, тела. Настолько естественно считать, что материя не может мыслить, что всякий непредубеждённый человек не может не рассмеяться, когда ему утверждают, будто животные — лишь чистые машины, ибо он не может вообразить, чтобы чистые машины обладали теми знаниями, которые, как кажется, в них видят; ему кажется детской игрой — разговаривать с куклами, если приписывать сознание чистым механизмам.

Оттого древние, которые не знали ничего реального, кроме тел, всё же утверждали, что душа человека происходит из пятого элемента — некоей безымянной и неизведанной здесь сущности, неделимой и неизменной, вполне небесной и божественной, ибо они не могли представить, чтобы земная материя четырёх элементов могла мыслить и познавать саму себя. «Аристотель полагает, что существует некая пятая природа, из которой состоит ум. Ибо он считает, что способность мыслить, предвидеть, учиться и учить не может содержаться ни в одном из четырёх элементов, и потому допускает пятое начало, безымянное» — Цицерон, Tusculanae quaestiones, I, 40.

44. Может ли материя мыслить, или нет — результат один и тот же.

Но допустим всё, что угодно, и не будем спорить ни с одной философской школой. Вот альтернатива, которой не может избежать ни один философ: либо материя может стать мыслящей без всякого добавления к себе, либо она не может мыслить, и то, что мыслит в нас, есть иное существо, соединённое с нею. Если материя может стать мыслящей без всякого добавления, то надо, по крайней мере, признать, что не всякая материя мыслящая, и что даже та материя, которая ныне мыслит, не мыслила пятьдесят лет назад.

Так, например, материя тела юноши не мыслила за десять лет до его рождения; придётся сказать, что материя может приобрести мысль благодаря определённому устройству и движению своих частей. Возьмём, например, материю камня или кучи песка: эта часть материи вовсе не мыслит; чтобы заставить её мыслить, нужно расположить, упорядочить, привести в движение все её части в определённом направлении и в определённой мере. Кто

нашёл с такой точностью это соотношение, эту конфигурацию, этот порядок, это движение — именно в том смысле и в той степени, выше или ниже которых материя уже не мыслит?

Кто придал столь правильные и точные изменения низкой и бесформенной материи, чтобы из неё образовать тело ребёнка и сделать его постепенно разумным? Если же, напротив, скажут, что материя не может быть мыслящей без прибавления к ней чего-то иного, и что нужно другое существо, соединённое с нею, — я спрошу: что это за другое существо, которое мыслит, тогда как материя, к которой оно присоединено, лишь движется?
Вот две природы весьма различного рода: одну мы познаём лишь посредством форм и движений, другую — посредством восприятий и рассуждений.
Одна не даёт представления о другой, и их понятия не имеют ничего общего.

45. Об объединении души и тела, автором которого может быть только Бог

Откуда происходит, что столь несходные существа — тело и душа — соединены в человеке столь тесно? Почему движения тела вызывают мгновенно и неизменно определённые мысли в душе, а мысли души — столь же мгновенно и неизменно — определённые движения тела? Почему это столь стройное единство длится семьдесят, восемьдесят лет, не прерываясь ни на миг? Почему сочетание двух столь различных начал создаёт состав столь совершенный, что многие склонны считать его единым и неделимым целым?

Какая рука могла соединить эти две крайности? Они не могли соединиться сами собой. Материя не могла заключить союз с духом, ибо у неё нет ни мысли, ни воли. Но и дух не помнит, чтобы заключал союз с материей, — и не мог бы быть связан с тем, чего не помнит. Если бы он добровольно подчинил себя материи, он подчинялся бы лишь тогда, когда захотел бы. Однако очевидно, что он зависит от тела помимо своей воли и не может освободиться, кроме как уничтожив тело.

Даже если бы дух сам пожелал связать себя с материей, из этого не следовало бы, что материя стала бы зависеть от духа. И всё же в действительности эта зависимость взаимна: ничто не столь очевидно, как власть духа над телом — он хочет, и тело движется, как будто ведомое мощными машинами. И ничто не столь очевидно, как власть тела над духом — тело движется, и душа вынуждена ощущать удовольствие или боль. Какая сила, одинаково властная над обоими естествами, могла навязать им столь точный и нерушимый союз?

Скажут ли, что это — случай? Но можно ли осмысленно это произнести? Мог ли случай соединить части тела с духом? Если дух может «приклеиться» к частям тела — значит, он сам имеет части, то есть является телом, что уже было отвергнуто. Если же дух не имеет частей, то ничто не может привязать его к частям тела, и случай не в силах их соединить.

Итак, альтернатива остаётся: если дух и тело — не более чем разновидность материи, откуда в ней вдруг возникает способность мыслить? Кто дал ей то, чего у неё не было? Если же они — две разные природы, какая сила, превосходящая их обе, могла соединить их, не спрашивая их воли? Кто владеет такой властью над духами и телами, кто держит их в столь чудесном порядке и согласии? Только Бог.

46. Власть души над телом — верховная

Власть духа над телом — верховная, хотя и ограничена. Простое желание души — без усилия, без подготовки — приводит в движение всё тело. Как Бог сказал: «Да будет свет — и стал свет», так и душа говорит себе внутренне: «Да движется тело!» — и оно движется. Все органы подчиняются как будто слышат повеление. Это самая простая и действенная сила, какую можно представить. Ничто подобное не встречается ни в одном известном существе.

Именно такую силу приписывают Богу по отношению к миру. Приписывать ли её слабому человеческому духу? Но если бы он имел её по собственной природе, почему властвует лишь над одним телом, а не над другими? Кто дал ему власть над одним телом и не дал над остальными? Опять ли случай?

47. Власть души над телом — не только верховная, но и слепая

Эта власть, столь верховная, одновременно — слепа. Крестьянин, ничего не знающий об анатомии, управляет своим телом не хуже философа. Его душа приказывает нервам и мускулам, о которых он ничего не знает. Он не видит их, не различает, но не ошибается. Канатоходец лишь хочет — и кровь и нервы действуют с точностью, хотя он не имеет представления о том, какие органы задействованы. Он не знает, что такое нерв. Его душа управляет машиной тела без знания её устройства. Какое чудо! Дух повелевает тому, чего не знает, и что не может знать; при этом ему повинуются безошибочно. Какая слепота — и какая мощь! Слепота от человека, но сила — от Бога.

Душа может хотеть двигать предметы вокруг себя — и не может сдвинуть ни одно атома. Только одно тело, её собственное, ей повинуется. Очевидно, что не она сама дала себе эту власть. Святой Августин говорит: «Душа оживляет тело, но не знает, как; она не знает, почему одни нервы движутся по её воле, а другие — нет; она не знает, как это делает. Мы делаем — и не знаем, как. Мы слишком высоки по отношению к себе, чтобы себя понимать».

48. Власть души над телом проявляется, особенно в образах, запечатлённых в памяти

Мы особенно видим власть души над телом в памяти. Человек хранит в себе образы всех тел, всех предметов, которые видел за годы жизни. Его мозг — словно зал картин, где все полотна появляются и исчезают по его воле. Душа вызывает их, удаляет, располагает, не зная, где они находятся. Она не знает, что они такое, и всё же находит их безошибочно.

В памяти царит чудесный порядок: одни образы приходят, другие скрываются, но не теряются. Душа чувствует, что они где-то рядом. Она узнаёт забытое — помнит своё забывание. Она может представить лицо человека в разном возрасте, соединяя прошлое и настоящее. Всё, что она когда-либо восприняла — свет, звуки, запахи, формы, — хранится в ней. Она может воскресить радость тридцатилетней давности — и при этом не радоваться; или вызвать боль — и не страдать. Она может переживать, не чувствуя. Это — власть духа над временем, над памятью, над самим собой.

Августин говорит: «Я помню, что когда-то знал то, чего теперь не знаю; я помню своё неведение. Когда ищу — я как бы ухожу из себя; когда нахожу — возвращаюсь к себе. Но где я ищу, если не в себе? И что ищу, если не самого себя?» Так открывается глубина, поражающая ум. В этой бездне человеческого духа сияет отпечаток Бога.

49. Две тайны памяти и мозга

Вот, следовательно, два одинаково непостижимых чуда: первое — что мой мозг есть некая книга, где заключено почти бесконечное число образов и знаков, расположенных с порядком, которого я не создавал и который не мог быть создан случаем. Я его не создавал, ибо никогда не имел ни малейшей мысли ни писать что-либо в своём мозгу, ни придавать какой-либо порядок образам и знакам, которые я там начертал: я думал лишь о том, чтобы видеть предметы, когда они поражали мои чувства. Случай также не мог создать столь чудесную книгу; всё человеческое искусство слишком несовершенно, чтобы когда-либо достичь такой высшей степени совершенства. Какая же рука могла её составить?

Второе чудо, которое я нахожу в своём мозгу, — это то, что мой дух читает с такой лёгкостью всё, что ему угодно, в этой внутренней книге. Он читает знаки, которых не знает. Никогда я не видел следов, отпечатанных в моём мозгу; и сама субстанция моего мозга, которая как бы является бумагой книги, мне совершенно неизвестна. Все эти бесчисленные знаки перемещаются и затем вновь принимают своё место, чтобы повиноваться мне: у меня есть сила, почти божественная, над произведением, которое я не знаю и которое само неспособно знать; то, что ничего не понимает, понимает мою мысль и исполняет её в тот же миг. Мысль человека не имеет власти над телами — я это вижу, обозревая всю природу. Есть только одно тело, которое моя простая воля движет, как если бы она была божеством, — и она приводит в действие все самые тонкие его механизмы, не зная их. Кто же соединил её с этим телом и дал ей такую власть над ним?

50. Дух человека соединяет в себе величие и слабость; его величие состоит в двух пунктах. Первое — дух имеет идею бесконечного.

Завершим эти замечания коротким размышлением о сущности нашего духа. Я нахожу в нём непостижимое сочетание величия и слабости. Его величие — реально: он соединяет без смешения прошедшее с настоящим и проникает своими рассуждениями вплоть до будущего; он имеет идею тел и идею духов; он имеет даже идею бесконечного, ибо утверждает обо всём, что ему свойственно, и отрицает всё, что ему несвойственно. Скажите ему, что бесконечное треугольно, — он вам без колебаний ответит, что то, что не имеет никаких границ, не может иметь никакой формы.

Попросите его указать первую из единиц, составляющих бесконечное число, — он ответит сразу, что в бесконечном не может быть ни первой, ни последней, ни начала, ни конца, ни числа, потому что, если можно было бы обозначить первую или последнюю единицу, можно было бы прибавить к ней другую, и тем самым увеличить число. Но число не может быть бесконечным, если оно может быть увеличено, и если можно обозначить предел в том месте, где возможно прибавление.

51. Дух познаёт конечное только посредством идеи бесконечного

Именно в бесконечном мой дух познаёт конечное. Кто говорит: «человек болен», — говорит: человек, который не имеет здоровья; кто говорит: «человек слаб», — говорит: человек, которому недостаёт силы. Невозможно постигнуть болезнь, которая есть лишь лишение здоровья, не представляя себе самое здоровье как некое действительное благо, которого этот человек лишён; невозможно постигнуть слабость, не представляя себе силу, как реальное преимущество, которого у этого человека нет.

Невозможно постигнуть тьму, которая не есть ничего положительного, иначе как отрицая и, следовательно, представляя свет дня, который вполне реален и положителен. Точно так же невозможно постигнуть конечное, не приписав ему границу — то есть чистое отрицание большей протяжённости. Следовательно, конечное есть лишь лишение бесконечного; и невозможно было бы представить себе лишение бесконечного, если бы мы не представляли самого бесконечного, как невозможно представить болезнь, если не представлять здоровье, которого она есть лишение. Откуда же в нас эта идея бесконечного?

52. Во-вторых, идеи духа универсальны, вечны и неизменны.

О, как велик дух человека! Он носит в себе нечто, чем бесконечно удивляется и превосходит самого себя; его идеи — универсальны, вечны и неизменны. Они универсальны, ибо, когда я

говорю: невозможно быть и не быть; целое больше своей части; линия, совершенно круглая, не имеет ни одной прямой части; между двумя данными точками прямая — кратчайшая; центр совершенного круга равноудалён от всех точек окружности; равносторонний треугольник не имеет ни тупого, ни прямого угла — все эти истины не допускают ни одного исключения. Не может существовать бытия, линии, круга или угла, которые не соответствовали бы этим правилам. Эти правила существуют во все времена, или, вернее, до всякого времени, и будут всегда по ту сторону всякой мыслимой длительности.

Пусть вселенная разрушится и исчезнет; пусть не останется даже ни одного духа, способного рассуждать о существах, линиях, кругах и углах, — всё же останется вечно истинным само по себе, что одно и то же не может быть и не быть; что совершенный круг не может иметь никакой прямой части; что центр совершенного круга не может быть ближе к одной стороне окружности, чем к другой, и т. д. Можно не думать об этих истинах, и даже могло бы случиться, что не существовало бы ни вселенной, ни духа, способного их постигать; но эти истины оставались бы неизменными сами по себе, хотя бы ни один дух их не знал, — так же как солнечные лучи остались бы реальными, даже если бы все люди были слепы и никто не имел глаз, чтобы ими пользоваться.

Говоря, что два и два — четыре, — говорит святой Августин, — не только убеждаешься, что говоришь истину, но и понимаешь, что это утверждение было истинным всегда и будет истинным вечно. Эти идеи, которые мы носим в глубине себя, не имеют границ и не могут их терпеть. Нельзя сказать, что сказанное мною о центре совершенных кругов верно только для некоторого числа кругов; это утверждение истинно с очевидной необходимостью для всех кругов, до бесконечности. Эти безграничные идеи никогда не могут измениться, стереться в нас или быть искажены; они — основа разума. Невозможно, как бы ни старался человек, всерьёз усомниться в том, что эти идеи ясно ему показывают.

Например, я не могу серьёзно сомневаться, что целое больше своей части, что центр совершенного круга равноудалён от всех точек окружности. Идея бесконечного пребывает во мне, как идеи числа, линий, кругов, целого и части. Изменить наши идеи — значило бы уничтожить сам разум. Будем же судить о нашем величии по этому неизгладимому образу бесконечного, запечатлённому в нас. Но, чтобы столь реальное величие не ослепило и не возгордило нас опасно, поспешим обратить взор на нашу слабость.

53. Слабость человеческого духа

Этот же самый дух, который без конца созерцает бесконечное и в законе бесконечного — всё конечное, в то же время бесконечно невежествен во всех предметах, которые его окружают. Он глубоко не знает самого себя; он идёт как бы на ощупь во мраке бездны; он не знает ни того, что он есть, ни того, как соединён с телом, ни того, как имеет такую власть над всеми механизмами тела, которых не знает. Он не знает собственных мыслей и собственную волю: он не знает с уверенностью ни во что верит, ни чего хочет. Часто ему кажется, что он верит и хочет то, чего он не верил и не хотел. Он ошибается — и лучшее в нём то, что он способен это признать. К заблуждению мысли он присоединяет беспорядок воли и вынужден стенать под гнётом своей испорченности.

Вот дух человека — слабый, неуверенный, ограниченный, полный ошибок. Кто же вложил идею бесконечного, то есть совершенного, в столь ограниченное и исполненное несовершенств существо? Сам ли он дал себе эту столь высокую и чистую идею, которая сама есть как бы представление бесконечного? Какое конечное существо, отличное от него, могло дать ему нечто столь несоразмерное всему, что заключено в пределах? Предположим, что дух человека — как зеркало, в котором отпечатываются образы всех близких тел: кто же мог поместить в нас образ бесконечного, если бесконечное никогда не

существовало? Можно ли поместить в зеркало образ вымышленного предмета, который никогда не стоял перед ним?

Этот образ бесконечного — не беспорядочная масса конечных предметов, которую дух по ошибке принимает за подлинное бесконечное: это истинное бесконечное, о котором мы имеем представление. Мы знаем его столь хорошо, что отличаем его от всего, чем оно не является, и никакая хитрость не может поставить на его место другой предмет. Мы знаем его столь хорошо, что отвергаем от него всякое свойство, указывающее на малейший предел. Мы знаем его столь хорошо, что именно в нём познаём всё остальное, как ночь — через день, и болезнь — через здоровье. Ещё раз: откуда происходит столь великое представление? Берём ли мы его из ничто? Может ли ограниченное существо вообразить и изобрести бесконечное, если бесконечного нет?

Наш дух, столь слабый и ограниченный, не мог сам создать этот образ, для которого не существовало бы образца. Ни один из внешних предметов, которые нас окружают, не мог дать нам этот образ, ибо они могут дать нам только то, что сами суть — а они все ограниченны и несовершенны. Откуда же мы берём этот отчётливый образ, который не похож ни на что из того, что мы есть и что знаем здесь, вне нас? Откуда он нам? Где же это бесконечное, которое мы не можем постичь, потому что оно действительно бесконечно, и которое мы, тем не менее, не можем не признать, потому что отличаем его от всего, что ниже его? Где оно? Если бы его не существовало, могло бы оно запечатлеться в глубине нашего духа?

54. Мысли человека — это неизменные правила его суждения

Но, помимо идеи бесконечного, у меня есть ещё всеобщие и неизменные понятия, которые служат правилом для всех моих суждений. Я не могу судить ни о чём, не обращаясь к ним, и не во власти моей — судить вопреки тому, что они мне представляют. Мои мысли, далеко не способные исправить или насильно изменить это правило, сами исправляются вопреки моей воле этой высшей нормой, и неизбежно подчиняются её решению. Как бы я ни напрягал ум, я никогда не могу прийти к сомнению, что дважды два — четыре, что целое больше своей части, что центр совершенного круга находится на равном расстоянии от всех точек окружности. Я не свободен отрицать эти утверждения; и если я их отрицаю, то во мне есть нечто выше меня, что силой возвращает меня к цели. Это твёрдое и неизменное правило столь внутренне и столь интимно, что я склонен принять его за самого себя; но оно выше меня, ибо исправляет меня, выправляет, заставляет остерегаться самого себя и напоминает мне о моей бессилии.

Это нечто, что вдохновляет меня в каждый час — если только я его слушаю; и я никогда не ошибаюсь иначе, как переставая его слушать. То, что меня вдохновляет, постоянно удерживало бы меня от всякой ошибки, будь я послушен и нетороплив, — ибо это внутреннее вдохновение научило бы меня правильно судить о вещах, доступных моему пониманию, и о которых мне нужно составить мнение. Относительно других — оно научило бы меня воздерживаться от суждений; и этот второй урок не менее важен, чем первый. Это внутреннее правило есть то, что я называю моим разумом. Но я говорю о своём разуме, не постигая всей силы этих слов, как говорю о природе и об инстинкте, не понимая, что значат эти выражения.

55. Что такое разум

Поистине, мой разум во мне, ибо я должен постоянно обращаться внутрь себя, чтобы его найти; но высший разум, который исправляет меня, когда я в нём нуждаюсь, и к которому я

обращаюсь, не мой, и не составляет части меня самого. Это правило совершенно и неизменно; я же изменчив и несовершенен. Когда я ошибаюсь — оно не теряет своей прямоты; когда я исправляюсь — не оно возвращается к цели, а я, ибо оно никогда не уклонялось, но имеет надо мной власть возвращать и восстанавливать меня. Это внутренний учитель, который заставляет меня молчать или говорить, верить или сомневаться, признавать ошибки или утверждать истины. Слушая его — я учусь; слушая самого себя — я заблуждаюсь. Этот учитель везде: его голос слышен от одного конца вселенной до другого, для всех людей, как и для меня. Пока он исправляет меня во Франции — он исправляет других людей в Китае, Японии, Мексике и Перу, по тем же самым принципам.

56. Разум один и тот же у всех людей всех времён и всех стран

Двое людей, никогда не видевших друг друга, не слышавших один о другом и не имевших общих источников знаний, говорят на двух концах земли об известных истинах так, будто сговорились. Можно с уверенностью предсказать в одном полушарии, что ответят в другом. Люди всех стран и времён, каково бы ни было их воспитание, неизбежно вынуждены мыслить и говорить одинаково. Учитель, который постоянно нас наставляет, заставляет всех нас мыслить одинаково. Но стоит нам поспешить с суждением, не слушая его голос с недоверием к самим себе, — мы произносим мечты, полные безумия.

Так то, что кажется нам наиболее своим — наш разум, — на деле наименее нам принадлежит и более всего заимствовано. Мы непрестанно получаем, и каждое мгновение вдыхаем высший разум, как воздух, который, будучи чужд нашему телу, поддерживает жизнь; или как видим всё окружающее при свете солнца, лучи которого чужды нашим глазам. Этот высший разум властвует, до известной степени с абсолютным могуществом, даже над самыми неразумными людьми и делает так, что все они, несмотря на себя, согласны в определённых истинах. Он заставляет дикаря Канады мыслить во многом так же, как мыслили греческие и римские философы; он делает, что китайские геометры нашли почти те же истины, что и европейцы, хотя эти народы были друг другу неизвестны. Он делает, что в Японии, как и во Франции, судят, что дважды два — четыре; и не нужно бояться, что какой-либо народ изменит мнение об этом.

Он делает, что люди и ныне мыслят о многом так же, как и четыре тысячи лет назад. Он даёт одинаковые мысли людям, исполненным взаимной ревности и вражды: он соединяет людей всех веков и стран вокруг некоего неподвижного центра и удерживает их едиными посредством неизменных правил, называемых первыми началами, несмотря на бесконечное разнообразие мнений, рождаемых их страстями, рассеянностью и капризами. Он делает, что, как бы ни был испорчен человек, он ещё не осмелился назвать добродетель — пороком, и вынужден притворяться справедливым, искренним, умеренным, благодетельным, чтобы снискать уважение других.

Никто не может заставить себя уважать то, что хотел бы уважать, или презирать то, что хотел бы презирать. Никто не может преодолеть эту вечную преграду истины и справедливости. Внутренний учитель, которого зовут разумом, порицает эти попытки с абсолютной властью. Он не допускает их и знает, как ограничить самую дерзкую глупость людей. После стольких веков владычества порока добродетель всё ещё называется добродетелью — и не может быть лишена имени своими самыми свирепыми врагами.

Отсюда то, что порок, хотя и торжествует в мире, вынужден скрываться под маской лицемерия и ложной добродетели, чтобы снискать уважение, которого не смеет ожидать, явившись открыто. Так, несмотря на всю свою дерзость, он вынужден отдавать принужденную дань добродетели, желая украситься её лучшими чертами, чтобы получить

почести, которые принадлежат ей. Добродетельных людей осуждают, но даже самые порочные не могут изгладить в себе идею истинной добродетели. Ещё не было человека на земле, который смог бы убедить других или самого себя, что достойнее быть лживым, чем искренним, злобным и буйным, чем умеренным и благодетельным.

57. Разум в человеке — независим от человека и выше его.
Внутренний и вселенский Учитель говорит всегда и повсюду одни и те же истины, чтобы исправлять все наши заблуждения. Мы — не этот Учитель; правда, мы часто говорим без него и выше него, но тогда мы ошибаемся, лепечем, не понимаем самих себя, боимся признать ошибку и затыкаем уши, опасаясь унижения его упрёком. Несомненно, человек, который боится быть исправленным этим неподкупным разумом и постоянно заблуждается, когда ему не следует, — не есть этот совершенный, универсальный и неизменный разум, который его исправляет. Во всём мы находим в себе два начала: одно даёт, другое принимает; одно ошибается, другое исправляет; одно склоняется к ложному, другое выпрямляет.

Это переживание, понятое превратно, и привело к ошибке маркионитов и манихеев. Каждый ощущает в себе ограниченный, подчинённый разум, который заблуждается, стоит ему выйти из подчинения, и который исправляется, лишь возвращаясь под власть другого, высшего, всеобщего и неизменного разума. Всё в нас носит печать разума подчинённого, ограниченного, заимствованного — разума, которому каждое мгновение нужно быть выправленным другим. Все люди разумны одной и той же разумностью, которая сообщается им в различных степенях. Есть немногие мудрецы; но мудрость, из которой они черпают, едина.

58. Первичная истина освещает все умы, сообщаясь им
Где же она, эта мудрость, где этот разум — общий и в то же время высший, чем все ограниченные и несовершенные разумы человеческого рода? Где этот оракул, который никогда не умолкает, против которого бессильны все суетные предрассудки народов? Где этот разум, к которому непрестанно нужно обращаться и который опережает нас, внушая желание услышать его голос? Где этот живой свет, который просвещает всякого человека, приходящего в мир? Где этот чистый и тихий свет, который не только озаряет открытые глаза, но и открывает слепые, исцеляет больные, даёт глаза тем, кто их не имел, и внушает любовь к свету даже тем, кто боится его видеть?

Каждый глаз видит этот свет, и не увидел бы ничего, если бы не видел его, ибо только через него и при его чистых лучах видит всё остальное. Как чувственное солнце освещает тела, так солнце разума освещает все умы. Субстанция человеческого глаза — не есть свет; напротив, глаз каждое мгновение заимствует свет у солнечных лучей. Так и мой дух — не есть первичный разум, универсальная и неизменная истина: он лишь орган, через который проходит этот первоначальный свет, и который им освещается. Есть солнце духов, которое озаряет их всех гораздо лучше, чем видимое солнце освещает тела: это солнце истины даёт нам вместе и свой свет, и любовь к свету, чтобы мы его искали. Это солнце истины не оставляет ни одной тени; оно светит в обоих полушариях, ночью так же, как днём; оно не распространяет лучей извне — оно живёт в каждом из нас.

Никто не может отнять его лучей у другого: оно одинаково видно, где бы человек ни находился. Никто не должен говорить другому: «Отойди, ты загораживаешь мне солнце, ты лишаешь меня моей доли». Это солнце никогда не заходит и не терпит иных облаков, кроме тех, что порождаются нашими страстями; это день без тени. Оно освещает даже дикарей в самых тёмных пещерах; нет такого больного и слепого, чтобы он не шёл хоть при слабом

отблеске этого внутреннего солнца совести. Этот всеобщий свет открывает и представляет нашему разуму все предметы: и мы можем судить о них только через него, как не можем видеть тела иначе, как при лучах солнца.

59. По свету первичных истин человек судит, что истинно, а что ложно

Люди могут говорить нам, чтобы наставить нас, — но мы можем верить им лишь постольку, поскольку находим в их словах некое соответствие с тем, что говорит нам внутренний учитель. После того как они исчерпали все свои рассуждения, нужно всегда возвращаться к Нему и слушать Его для окончательного решения. Если бы кто-нибудь сказал нам, что часть равна целому, от которого она отделена, — мы не смогли бы не рассмеяться, и он сделался бы для нас жалким, вместо того чтобы убедить нас.

В глубине самих себя, советуясь с внутренним учителем, мы должны находить те истины, которые нам преподают, то есть которые нам сообщают извне. Таким образом, собственно говоря, существует лишь один истинный учитель, который учит всему, и без которого ничему нельзя научиться. Остальные учителя лишь возвращают нас в эту внутреннюю школу, где говорит Он один. Там мы получаем то, чего у нас не было; там мы узнаём то, чего не знали; там мы вновь обретаем то, что утратили в забытьи; в этой внутренней глубине нашего существа Он хранит в нас некие знания, словно погребённые, — знания, которые пробуждаются в нужный момент; там же мы отвергаем ложь, в которую прежде верили.

Далеко от того, чтобы судить этого Учителя, мы, напротив, именно Им судимы — и судимы верховно во всех вещах. Это Судья бескорыстный и выше нас самих. Мы можем отказаться слушать Его и оглушить себя, но если слушаем, — не можем Ему противоречить. Ничто менее всего не похоже на человека, как этот невидимый Учитель, который наставляет и судит его с такой строгостью и совершенством. Таким образом, наш разум — ограниченный, неуверенный, ошибающийся — есть лишь слабое и мгновенное вдохновение первичного, высшего и неизменного разума, который с мерой сообщается всем разумным существам.

60. Высший разум, пребывающий в человеке, есть сам Бог.

Нельзя сказать, что человек даёт себе мысли, которых у него прежде не было; ещё менее можно сказать, что он получает их от других людей, ибо несомненно, что ничто внешнее он не может принять, не найдя этого также в собственной глубине, советуясь внутри себя с началами разума, чтобы увидеть, не противоречит ли им сказанное. Следовательно, существует внутренняя школа, где человек получает то, что не может ни дать себе сам, ни ожидать от других людей, столь же живущих заимствованным, как и он.

Итак, я нахожу в себе два разума: один — это я сам, другой — выше меня. Тот, что есть я, весьма несовершенен, ошибочен, не уверен, предвзят, поспешен, склонен к заблуждениям, изменчив, упрям, невежественен и ограничен; наконец, он не обладает ничем, кроме заимствованного. Другой же — общий всем людям и выше их: он совершенен, вечен, неизменен, всегда готов сообщаться во всех местах и исправлять все заблуждающиеся умы; наконец, он не может быть ни исчерпан, ни разделён, хотя отдаёт себя всем, кто желает его. Где же этот совершенный разум, который столь близок ко мне и столь отличен от меня? Где он? Он должен быть чем-то реальным, ибо ничто (le néant) не может быть совершенным, ни совершенствовать несовершенные природы. Где же этот высший разум? Не есть ли он тот Бог, которого я ищу?

61. Новые ощутимые следы Божества в человеке, извлечённые из его знания единства

Я нахожу в себе и другие следы Божества; вот один из самых трогательных. Я знаю неисчислимые числа и отношения между ними. Откуда приходит мне это знание? Оно столь отчётливо, что я не могу в нём всерьёз сомневаться и немедленно исправляю без

колебаний всякого, кто ошибается в вычислении. Если кто скажет, что 17 и 3 составляют 22, — я поспешу ему ответить: 17 и 3 составляют только 20; и тотчас он побеждён своим собственным светом и соглашается с моей поправкой. Тот же Учитель, который говорит во мне, чтобы исправить его, говорит тотчас и в нём, чтобы сказать ему, что он должен уступить. Это не два Учителя, заранее условившихся согласовать нас; это нечто неделимое, вечное, неизменное, что говорит в одно и то же время с неодолимой убеждённостью в обоих.

Ещё раз — откуда приходит мне столь верное представление о числе? Все числа — это только повторения единиц. Любое число есть составление или повторение единицы: число два — это две единицы; число четыре — это единица, повторённая четыре раза. Следовательно, невозможно постичь никакое число, не постигнув единство, которое составляет сущностное основание всякого возможного числа. Но как я могу познать хоть одну реальную единицу? Я никогда не видел её и не представлял себе посредством чувств. Пусть я возьму мельчайший атом — он всё равно должен иметь фигуру, длину, ширину и глубину; верх, низ, левую и правую стороны и т. д. Верх — не низ; одна сторона — не другая. Этот атом, следовательно, не есть истинная единица; он состоит из частей. А составное — это реальное число, множество существ; оно не есть реальная единица, а лишь собрание существ, из которых одно не есть другое.

Следовательно, я никогда не узнал — ни глазами, ни ушами, ни руками, ни даже воображением, — чтобы в природе существовало какое-либо подлинное единство. Напротив, мои чувства и воображение никогда не представляют мне ничего, кроме составного, ничего, что не было бы множеством. Всякая единица ускользает от меня непрестанно; она убегает, словно под чарами. Поскольку я ищу её в бесчисленных делениях атома, несомненно, у меня есть о ней ясное представление; и именно благодаря этой простой и ясной идее я прихожу — повторяя её — к познанию стольких других чисел. Но раз она ускользает от меня во всех делениях тел природы, отсюда ясно следует, что я не познал её ни через чувства, ни через воображение, ни через впечатления от тел.

Более того, даже если бы я не хотел искренне признать, что имею ясную идею единства, лежащего в основе всех чисел, потому что они — лишь повторения или совокупности единиц, мне всё же пришлось бы допустить, что я знаю множество чисел с их свойствами и отношениями. Я знаю, например, сколько составляют 900 000 000, соединённые с 800 000 000 другой суммы. Я не ошибаюсь; и я с уверенностью исправил бы другого, кто бы ошибся.
Однако ни мои чувства, ни воображение никогда не могли представить мне ясно все эти миллионы вместе. Образ, который они мне дали бы, не походил бы больше на семнадцать сотен миллионов, чем на число гораздо меньшее.

Откуда же приходит мне столь отчётливая идея чисел, которые я никогда не мог ни ощутить, ни вообразить? Эти идеи, независимые от тел, не могут быть телесными и не могут быть восприняты телесным субъектом. Они открывают мне природу моей души, которая принимает то, что бестелесно, и принимает это внутри себя бестелесным образом. Откуда мне приходит столь нематериальная идея даже о самих телах? Я не могу, по своей собственной природе, внести её в себя; ибо то, что во мне познаёт тела, — бестелесно и познаёт их не через посредство телесных органов, как чувства и воображение; следовательно, то, что мыслит во мне, должно быть, так сказать, лишено всякой телесной природы.
Как же я мог познать существа, не имеющие никакого сродства по природе с моей мыслящей субстанцией? Несомненно, некое существо, высшее этих двух столь различных природ и заключающее их обе в своём бесконечном существе, соединило их в моей душе и дало мне идею природы, совершенно отличной от той, что мыслит во мне.

62. Идея единства доказывает, что существуют субстанции, которые не материальны, и что есть абсолютно единое существо — Бог

Что касается единства, кто-то, быть может, скажет, что я познаю его не через тела, а лишь через духа; что, следовательно, мой дух, будучи един, и познавая себя истинно, даёт мне идею единства — и что именно через это, а не через тела, я получаю понятие о едином. Но вот мой ответ: по меньшей мере из этого уже следует, что я познаю субстанции, которые не обладают протяжением и делимостью, и которые мыслят. Это уже чисто бестелесные природы, к числу которых я должен отнести и мою душу. Кто соединил её с моим телом? Эта душа не есть существо бесконечное; она не существовала всегда; она мыслит лишь в известных пределах. Кто её создал? Кто научил её познавать тела, столь отличные от неё самой? Кто дал ей столь большую власть над определённым телом, и кто, напротив, дал этому телу столь большую власть над ней?

Откуда я знаю, что эта мыслящая душа действительно едина, что она не имеет частей? Я не вижу её. Скажут ли мне, что именно в этой невидимой и непостижимой сущности я ясно понимаю, что такое единство? Напротив, я познаю не от моей души, что значит быть единым, но именно через уже имеющуюся у меня ясную идею единства я исследую, едина ли моя душа или делима.

Кроме того, во мне присутствует ясная уверенность совершенного единства, которое далеко превосходит то, что я нахожу в своей душе; ведь она часто оказывается как бы разделённой между двумя мнениями, двумя склонностями, двумя противоположными привычками. Это внутреннее раздвоение — не свидетельствует ли оно о некотором множестве или составности? Душа, кроме того, имеет, по крайней мере, последовательный состав мыслей, одна из которых совершенно отличается от другой. Я же постигаю единство неизмеримо более совершенное — если позволено так выразиться: я постигаю Существо, которое никогда не изменяет своей мысли, которое мыслит всё сразу, в котором нельзя найти никакого, даже последовательного, состава.

Без сомнения, именно эта идея совершенного и высшего единства побуждает меня искать некоторое подобие единства в духах и даже в телах. Эта идея, всегда присутствующая в глубине меня, врождённа мне; она есть совершенный образец, по которому я ищу всюду хотя бы несовершенные копии единства. Эта идея о сущем, едином, простом и неделимом в высшей степени — есть идея Бога. Я познаю, следовательно, Бога с такой ясностью, что, познавая Его, я ищу во всех созданиях и во мне самом отпечаток и подобие Его единства. Тела имеют, так сказать, след этого единства, хотя он и исчезает при делении их частей; духи же имеют большее сходство с ним, хотя и обладают последовательным составом мыслей.

63. Зависимость и независимость человека. Его зависимость доказывает существование Творца.

Но есть ещё одна тайна, которую я ношу в себе и которая делает меня непостижимым для себя самого: с одной стороны, я свободен, а с другой — зависим. Рассмотрим эти две вещи, чтобы узнать, можно ли их согласовать. Я существо зависимое: независимость есть высшая степень совершенства. Быть самим по себе — значит носить в себе источник собственного бытия, ничего не заимствуя от другого. Предположите существо, в котором соединены все мыслимые вами совершенства, но которое всё же заимствовано и зависимо, — оно будет менее совершенно, чем то, в котором вы усматриваете лишь простую независимость. Ведь нет сравнения между существом, которое существует само по себе, и существом, существующим лишь взаймы, лишь по дару бытия.

Это позволяет мне увидеть несовершенство того, что я называю моей душой. Если бы она существовала сама по себе, она бы ничего не заимствовала извне: ей не нужно было бы учиться, чтобы избавиться от невежества, или исправляться, чтобы избавиться от ошибок; ничто не могло бы ни исправить её пороки, ни вдохновить её на добродетель, ни сделать её волю лучше, чем она была изначально. Такая душа всегда обладала бы всем, что способна иметь, и никогда не могла бы ничего получить извне. Точно так же она ничего бы не могла потерять: ибо то, что существует само по себе, необходимо всегда остаётся тем, чем оно есть. Следовательно, моя душа не могла бы впадать ни в невежество, ни в заблуждение, ни в порок, ни в ослабление воли; но также не могла бы ни учиться, ни исправляться, ни становиться лучше.

А я испытываю прямо противоположное. Я забываю, ошибаюсь, сбиваюсь с пути; теряю видение истины и любовь к добру; я повреждаюсь и уменьшаюсь. С другой стороны, я возрастаю, приобретая мудрость и добрую волю, которых прежде не имел. Этот внутренний опыт убеждает меня, что моя душа не есть существо само по себе и независимое, то есть необходимое и неизменное во всём, чем оно обладает. Откуда же приходит это моё внутреннее возрастание? Кто может совершенствовать моё бытие, делая меня лучшим, а следовательно — больше, чем я был?

64. Добрая воля может происходить только от высшего Существа

Способность хотеть, без сомнения, уже есть некоторая степень бытия, блага или совершенства; но добрая воля, или доброе хотение, — это более высокая степень добра. Ведь можно злоупотребить волей, чтобы хотеть злого: обманывать, вредить, творить несправедливость; между тем как доброе хотение есть доброе употребление самой воли, которое может быть только благим. Следовательно, добрая воля есть самое драгоценное в человеке; она придаёт ценность всему остальному; в ней, так сказать, весь человек: «в этом всё человек» (Еккл., XII, 13).

Мы уже видели, что наша воля не существует сама по себе, так как подвержена утратам и возрастаниям в степени добра или совершенства. Мы видели, что она благо низшего порядка по сравнению с доброй волей, ибо лучше хорошо хотеть, чем просто иметь волю, способную как к добру, так и ко злу. Как могу я, слабое, несовершенное, заимствованное и зависимое существо, дать себе самому высшую степень совершенства, если очевидно, что низшее приходит ко мне от Первого Существа? Могу ли я вообразить, что Бог даёт мне меньшее благо, а я сам себе — большее? Откуда я возьму эту высшую степень совершенства, чтобы её себе дать? Из небытия, которое составляет моё собственное основание? Скажу ли я, что другие духи, примерно равные моему, её мне дают? Но ведь эти ограниченные и зависимые существа, подобные мне, не могут дать себе ничего; тем более — дать другому.

Поскольку они не существуют сами по себе, у них нет истинной силы ни надо мной, ни над моими несовершенствами, ни над самими собой. Следовательно, необходимо, не останавливаясь на них, подняться выше и найти Первопричину, плодотворную и всемогущую, которая могла бы дать моей душе добрую волю, которой у неё нет.

65. Творец, как причина всех изменений в творениях, есть также источник всякого доброго хотения

Добавим ещё одно рассуждение. Первое Существо является причиной всех изменений в своих творениях. Действие, как говорят философы, следует за бытием. Существо, зависимое в самой основе своего бытия, не может быть иным, как зависимым во всех своих

действиях. Случайное следует за существенным. Тот, кто есть источник самого бытия, есть также источник всех его модификаций. Так Бог является реальной причиной всех сочетаний, комбинаций и движений всех тел во вселенной: по поводу одного тела, которое Он приводит в движение, Он движет другое; Он всё создал — и всё действует в Своём творении.

Так вот, хотение есть модификация воль, как движение есть модификация тел. Скажем ли мы, что Бог — реальная, непосредственная и полная причина движения всех тел, но не является столь же реальной и непосредственной причиной доброго хотения всех воль? Разве эта модификация, самая возвышенная из всех, будет единственной, которую Бог не производит в Своём творении и которую творение производит само по себе, независимо? Кто может так думать? Моё доброе хотение, которого вчера не было, а сегодня есть, — не от меня самого; оно приходит от Того, кто дал мне саму волю и бытие.

Как хотение есть совершеннее, чем просто бытие, так доброе хотение совершеннее самого хотения. Переход от возможности к добродетельному действию есть наивысшее совершенство в человеке. Возможность есть лишь равновесие между добром и злом, подвешенность между ними; переход к действию — есть решение в пользу добра и, следовательно, высшее благо. Способность быть как добрым, так и злым приходит от Бога — в этом нет сомнения. Скажем ли мы, что решающий шаг к наибольшему добру исходит не от Него или менее от Него? Всё это ясно доказывает слова Апостола: «Бог производит в вас и хотение, и действие по Своему благоволению» (Флп. 2:13). Вот зависимость человека; теперь поищем его свободу.

66. О свободе человека

Я свободен, и я не могу в этом сомневаться: у меня есть внутренняя, непоколебимая уверенность, что я могу хотеть или не хотеть, что во мне есть выбор — не только между хотением и нежеланием, но и между различными желаниями, касающимися множества предметов, которые мне представляются. Я чувствую, что нахожусь, как говорит Писание, в руке собственного совета. Этого уже достаточно, чтобы показать, что моя душа не плотская. Всё, что есть тело или принадлежит телесному, ничто не определяет само по себе, но, напротив, определяется во всём законами, называемыми физическими, — необходимыми, непреодолимыми и противными тому, что я называю свободой.

Отсюда я заключаю, что моя душа имеет природу, совершенно отличную от природы моего тела. Кто мог соединить взаимным союзом две столь различные природы и удерживать их в столь точном согласии во всех их действиях? Эта связь может быть создана, как я уже замечал, только существом высшим, которое соединяет эти два рода совершенств в своём бесконечном совершенстве.

67. В чём состоит свобода человека

Не то же самое происходит с этой модификацией моей души, которую называют волей, как с модификациями тел. Тело ничем не изменяет само себя; оно изменяется единственно силой Бога. Оно не движется — его движут; оно ничем не действует — им действуют, если можно так выразиться. Таким образом, Бог — единственная реальная и непосредственная причина всех различных модификаций тел. С духами — не так: моя воля определяет саму себя. Определять себя к хотению — значит изменять себя; следовательно, моя воля изменяет саму себя. Бог может предупредить мою душу, но не даёт ей хотение тем же образом, каким даёт движение телам.

Если Бог изменяет меня, я изменяю себя вместе с Ним; я реальная причина вместе с Ним моего собственного хотения. Моё хотение столь принадлежит мне, что винить можно только меня, если я не хочу того, что должно хотеть. Когда я чего-либо хочу — я властен не хотеть этого; когда не хочу — я властен захотеть. Я не принуждён в своём хотении и не могу быть принуждён: ибо я не могу хотеть вопреки себе того, чего хочу, — ведь само хотение

исключает всякое принуждение. Помимо свободы от всякого принуждения, я обладаю также свободой от всякой необходимости. Я ощущаю, что моё хотение, так сказать, имеет два лезвия — оно может по своему выбору обратиться либо к «да», либо к «нет», к одному предмету или к другому. Я не знаю иной причины моего хотения, кроме самого моего хотения: я хочу потому, что хочу хотеть; и ничто не находится так в моей власти, как хотеть или не хотеть.

Если бы даже моя воля не была принуждена, но была бы необходима, она была бы столь же непреодолимо определена к хотению, как тела к движению. Необходимость для воли была бы столь же непреложна, как и для движения тел. Тогда нельзя было бы более упрекать волю за её хотение, чем тело — за его движение. Воля, подчинённая необходимости, хотя и не была бы принуждённой, всё же была бы волей, от которой нельзя было бы воздержаться, и за которую нельзя было бы винить того, кто её имеет. Предшествующее знание не даёт подлинной свободы: ведь воля может быть предварена познанием различных предметов и, тем не менее, не иметь никакого действительного выбора.

Даже само рассуждение и колебание были бы лишь пустой игрой, если бы я раздумывал между двумя решениями, будучи в действительной невозможности принять одно и в действительной необходимости принять другое. Наконец, не может быть никакого серьёзного и реального выбора между двумя предметами, если оба они не даны в данный момент как возможные, так что я могу взять или оставить тот, который пожелаю.

68. Воля может сопротивляться благодати, и свобода есть основание заслуги и вины

Когда я говорю, что я свободен, я утверждаю, что моё хотение полностью во власти моей, и что Бог оставляет мне его, чтобы я обращал его, куда пожелаю; что я не определён, как другие существа, но определяю себя сам. Я понимаю, что если это первое Существо предупреждает меня, внушая мне добрую волю, я остаюсь господином, способным отвергнуть это настоящее вдохновение, каким бы сильным оно ни было; я могу лишить его действия и отказать ему в согласии. Я понимаю также, что, отвергая это вдохновение ко благу, я имею действительную и непосредственную способность не отвергать его — так же, как я имею способность встать, когда сижу, или закрыть глаза, когда они открыты.

Предметы могут привлекать меня всем своим очарованием, побуждая хотеть их; причины хотеть могут представляться мне во всём своём блеске и силе; первое Существо может также влечь меня самыми убедительными своими внушениями — но, наконец, среди всех этих воздействий предметов, причин и даже вдохновения высшего Существа я всё же остаюсь господином своей воли — хотеть или не хотеть. Эта свобода не только от принуждения, но и от необходимости, это владычество над собственными актами — вот то, что делает меня неизвиняемым, когда я хочу зло, и достойным похвалы, когда хочу добро.

Вот основание всякой заслуги и вины; вот что делает справедливым наказание или награду; вот что побуждает увещевать, обличать, угрожать, обещать. Это — основание всей общественной жизни, всякого учения и всякого нравственного закона. Всё человеческое существование покоится на предположении, что ничто не находится в большей власти нашей воли, чем сама воля, и что у нас есть этот свободный выбор, эта сила, как бы с двумя лезвиями, эта избирательная способность между двумя путями, которые лежат прямо под нашей рукой.

Эту истину поют пастухи и земледельцы на горах; ею руководствуются торговцы и ремесленники в своём труде; её изображают актёры на сцене; её признают судьи в своих советах; её учат учителя в школах; ни один здравомыслящий человек не может серьёзно поставить её под сомнение. Эта истина запечатлена в глубине наших сердец; её признают даже те философы, которые хотели бы поколебать её пустыми рассуждениями. Внутреннее

её свидетельство столь же очевидно, как и первых принципов, которые не нуждаются в доказательствах и сами служат доказательством для менее ясных истин.

69. Характер Божества проявляется в зависимости и независимости человека

Соберём теперь вместе две одинаково несомненные истины: я зависим от Первого Существа даже в своём хотении, и тем не менее я свободен. Что же это за зависимая свобода? Как можно понять хотение, которое свободно и в то же время дано Первым Существом? Я свободен в своём хотении, как Бог — в Своём. В этом, главным образом, я есть Его образ и подобие. Какая это величина, родственная бесконечности! Вот черта самой Божественности — как бы отблеск её. Это нечто вроде божественной силы, которой я обладаю относительно своего хотения; но я — лишь образ этого столь свободного и столь могущественного Существа. Образ Божественной независимости не есть сама её реальность: моя свобода — лишь тень свободы Первого Существа, от Которого я получил бытие и через Которого действую.

С одной стороны, способность, которую я имею — хотеть зло, — есть менее власть, чем слабость и немощь моей воли: это способность падать, унижаться, уменьшать степень своего совершенства и бытия. С другой стороны, способность хотеть добро не есть абсолютная способность, ибо я имею её не из самого себя. Поскольку свобода есть не что иное, как способность, заимствованная способность делает лишь заимствованную и зависимую свободу. Существо столь несовершенное и заимствованное может быть только зависимым. Как же оно свободно? — Вот глубокая тайна! Его свобода, в которой я не могу сомневаться, свидетельствует о его совершенстве; его зависимость — то ничто, из которого оно произошло.

70. Печать Божественности в Его творениях

Мы только что видели следы Божественности — или, лучше сказать, саму печать Бога — во всех так называемых творениях природы. Когда не стремятся излишне утончать рассуждение, то с первого взгляда замечают руку, которая есть первый двигатель всех частей вселенной. Небеса, земля, звёзды, растения, животные, наши тела, наши души — всё показывает порядок, точную меру, искусство, мудрость, дух, превосходящий нас, как бы душу всего мира, которая ведёт всё к своим целям мягкой и невидимой, но всесильной силой. Мы увидели, так сказать, архитектуру вселенной, гармоничное соотношение всех её частей; и простого взгляда достаточно, чтобы в каждой вещи — в муравье не менее, чем в солнце — различить мудрость и силу, желающую явиться даже в своих самых скромных творениях. Вот что прежде всего видят даже самые неучёные люди. Что же было бы, если бы мы проникли в тайны физики и произвели рассечение внутренних частей животных, чтобы обнаружить там совершенную механику?

Глава III. Ответ на возражения эпикурейцев

71. Возражение эпикурейцев, приписывающих всё случайности

Я слышу, как некоторые философы возражают мне, что вся эта речь о том, что искусство проявляется во всей природе, — всего лишь вечный софизм. Вся природа, скажут они мне, служит человеку, это правда; но вы делаете неправильный вывод, что она была создана с искусством для пользы человека. Это хитроумно — обманывать самого себя, чтобы найти то, что никогда не существовало. Дальше они продолжат: правда, человеческая изобретательность использует бесчисленное множество вещей, которые предоставляет природа и которые удобны человеку; но природа не создавала всё это специально для его удобства.

Например, деревенские жители каждый день карабкаются по острым выступам скал на вершину горы; однако это не значит, что эти скалы были вырезаны искусно, как лестница, для удобства человека. Точно так же, когда человек находится в поле во время грозы и встречает пещеру, он использует её как дом, чтобы укрыться; но это не значит, что эта пещера была создана специально, чтобы служить людям жильём. Так и весь мир: он был сформирован случайно и без замысла; но люди, найдя его таким, какой он есть, сумели приспособить его к своим нуждам. Таким образом, искусство, которым вы хотите восхищаться в творении и его творце, существует только в людях, которые после факта умеют использовать всё, что их окружает.

Безусловно, это самое сильное возражение, которое могут выдвинуть эти философы; и я считаю, что они не могут жаловаться на то, что я его ослабил. Но мы увидим, насколько оно само по себе слабо, если его внимательно рассмотреть: простого повторения того, что я уже сказал, будет достаточно, чтобы это доказать.

72. Ответ

Что бы сказали о человеке, который, хвастаясь тонкой философией, вошёл бы в дом и утверждал, что он создан случайно, а человеческая изобретательность не приложила руку для удобства его использования, только потому, что существуют пещеры, отдалённо напоминающие этот дом, и которые человек не вырезал? Ему показали бы все части этого дома. «Видите эту большую дверь во двор? — сказали бы ему. — Она больше всех остальных, чтобы повозки могли войти. Этот двор достаточно просторен, чтобы развернуть повозки перед выходом. Лестница сделана с низкими ступенями, чтобы подниматься легко; она поворачивает к нужным этажам. Окна, расположенные через определённые промежутки, освещают всё здание; они застеклены, чтобы не пропустить ветер вместе со светом; их можно открывать, чтобы впустить свежий воздух в тёплое время года».

«Крыша защищает здание от непогоды; стропила под наклоном, чтобы дождь и снег легко сходили; черепица наложена так, чтобы укрыть балки. Полы на разных этажах позволяют увеличить жилое пространство, располагая помещения друг над другом. Камины сделаны так, чтобы зимой разводить огонь, не поджигая дом, и выводить дым без вреда для жителей. Комнаты устроены так, чтобы они не мешали друг другу; большая семья может жить здесь без того, чтобы кто-то проходил через чужие комнаты; жильё хозяина главное. Здесь есть кухни, кладовые, конюшни, амбары. В комнатах — кровати для сна, стулья для сидения, столы для письма и еды. Такой труд должен быть произведён искусным архитектором, ведь всё здесь удобно, красиво, пропорционально, комфортабельно; ему, безусловно, помогали умелые рабочие».

«Ничуть не больше, — ответил бы философ, — вы сами себя обманываете. Правда, этот дом приятен, пропорционален и удобен; но он возник сам по себе с такими пропорциями. Случай собрал камни в этом порядке; он возвёл стены, собрал каркас, пробил окна, расположил лестницу. Не верьте, что рука человека приложила хотя бы долю усилий: люди лишь использовали это, когда нашли готовым. Они воображают, что это сделано для них, потому что видят, как можно приспособить это к удобству; но всё, что они приписывают замыслу воображаемого архитектора, — лишь эффект их собственного изобретения после того, как они увидели готовое. Этот дом, такой регулярный и продуманный, возник точно так же, как пещера; и люди, найдя его готовым, используют его, как укрытие в бурю в пустыне».

Что можно подумать о странном философе, если он будет упорно утверждать, что этот дом не демонстрирует никакого искусства? Читая миф о Амфионе, который, с помощью гармонии, возводил стены Фив, можно смеяться над этой поэтической выдумкой; но эта выдумка не так невероятна, как та, что отстаивал бы описанный человек. По крайней мере, можно было бы представить, что гармония, состоящая в движении тел, могла бы, благодаря

каким-то тайным свойствам природы, сдвинуть камни в определённом порядке, создав некоторую регулярность. Но и это объяснение шокирует разум; оно всё равно менее абсурдно, чем утверждение философа, что дом возник сам по себе.

73. Продолжение. Сравнение мира с хорошо построенным домом

Но почему стоит смеяться меньше, если утверждают, что мир возник сам по себе, как этот выдуманный дом? Здесь речь идёт не о пещере, созданной случайно; речь о доме, где проявляется совершенная архитектура. Даже самое маленькое животное устроено и организовано гораздо более чудесно, чем самый прекрасный дом. Путешественник, входя в Сайид (земля древних Фив со «сотней ворот»), ныне пустынную, нашёл бы колонны, пирамиды, обелиски с неизвестными надписями. Сказал бы он сразу: «Здесь никогда не жили люди; руки человека не трудились здесь; это случай создал колонны, поставил их на пьедесталы, увенчал капителями с точными пропорциями; это случай скрепил блоки в пирамидах и высек надписи?» Нет, он сказал бы с полной уверенностью: «Эти великолепные руины — остатки великой архитектуры древнего Египта».

Так же действует простой взгляд на вселенную. Можно запутать себя после, пустыми рассуждениями, чтобы затемнить самое очевидное; но простой первый взгляд решает всё. Такое творение, как мир, никогда не возникает само по себе; кости, сухожилия, вены, артерии, нервы, мышцы, из которых состоит тело человека, обладают большим искусством и пропорцией, чем вся архитектура древних греков и египтян. Глаз даже наименьшего животного превосходит механическую работу всех мастеров вместе взятых. Если бы мы нашли часы в песках Африки, никто серьёзно не сказал бы, что случай создал их; и нет стыда в том, чтобы утверждать, что тела животных, превосходящие все часы, — это лишь прихоть случая.

74. Другое возражение эпикурейцев, исходящее из вечного движения атомов

Я не игнорирую рассуждение, которое могут привести эпикурейцы. «Атомы, — скажут они, — имеют вечное движение; их случайное взаимодействие должно было уже за эту вечность исчерпать бесконечное число комбинаций. Кто говорит о бесконечности, говорит о том, что она охватывает всё без исключения. Среди этих бесконечных комбинаций атомов, которые уже последовательно возникли, обязательно должна была появиться та, которая образует нынешний мир».

Итак, по их логике, мир должен был принять именно эту форму чуть раньше или чуть позже. В бесконечности времени должны содержаться все возможные системы; ни одна из них не может не появиться, если атомы взаимодействуют случайным образом. В бесконечном многообразии природных явлений именно этот мир возник в своём порядке: он нашёл своё место. Конкурс атомов, который создал его, потом разрушит его, чтобы создать другие системы, в бесконечном числе возможных вариантов. Этот мир не мог не найти своего места, ведь все должны найти своё место по очереди. Из этого следует, что нет никакого «химического» искусства в творении, которое случай должен был сделать таким, как оно есть.

Пример прояснит мысль: представьте себе бесконечное число последовательных комбинаций букв алфавита, образованных случайно. Все возможные комбинации содержатся в этом бесконечном множестве. Но «Илиада» Гомера — всего лишь одна из комбинаций букв. Значит, она тоже должна оказаться в этом бесконечном множестве. Если человек захочет найти в «Илиаде» искусство, он будет ошибаться. Он может восхищаться гармонией стихов, величием выражений, пропорциями частей поэмы — всё это не изменит того, что комбинация букв, образующая «Илиаду», могла появиться просто случайно, без

участия Гомера. Это возражение справедливо передано, без ослабления, и требует внимательного рассмотрения.

75. Ответ на возражение, исходящее из вечного движения атомов

Нет ничего более абсурдного, чем говорить о последовательных комбинациях атомов, бесконечных по числу. Бесконечное никогда не может быть последовательным или делимым. Дайте мне число, которое вы называете бесконечным; я могу показать двумя способами, что это не истинная бесконечность:

1. Я могу отнять от него одну единицу: оно станет меньше, а значит, конечным; любое меньшее, чем бесконечность, имеет предел, за которым можно было бы продолжать. Любое конечное число плюс конечное не даёт бесконечности. Если бы одна единица, добавленная к числу, делала его бесконечным, следовало бы сказать, что конечное почти равно бесконечному — абсурд.

2. Я могу добавить к числу одну единицу и увеличить его; но то, что можно увеличить, не может быть бесконечным, потому что истинное бесконечное не имеет предела.

Следовательно, никакое делимое множество не может быть по-настоящему бесконечным. На этом основании весь роман эпикурейской философии разваливается. Не может быть ни делимого тела, истинно бесконечного по протяжённости, ни числа, ни последовательности, которые были бы настоящей бесконечностью. Следовательно, не может быть бесконечного числа последовательных комбинаций атомов.

Если бы эта химера бесконечности была реальна, все возможные комбинации атомов, разумеется, встречались бы в ней; значит, было бы верно, что можно приписать чистый случай всему, что создаёт наивысшее мастерство. Если бы на необитаемом острове обнаружились дворцы с совершенной архитектурой, мебель, часы и сложнейшие механизмы, никто не смог бы заключить, что там были люди и создали всё это. Следовало бы сказать: «Возможно, одна из бесконечных комбинаций атомов случайно создала эти произведения без участия человека». Это была бы логическая, но абсурдная выводная цепочка из принципов эпикурейцев.

Когда люди, руководствуясь естественной прямотой своего разума, заключают, что такие творения не могут возникнуть случайно, они явно, хотя и смутно, подразумевают: атомы не вечны и в их случайном взаимодействии не было бесконечной последовательности комбинаций. Если бы таковое предположить, нельзя было бы отличить произведения искусства от случайных комбинаций, возникших, как броски костей.

76. Эпикурейцы путают произведения искусства с произведениями природы

Все люди, которые естественно предполагают различие между произведениями искусства и тем, что возникает случайно, тем самым, хотя и не глубоко обдумав, признают, что комбинации атомов не были бесконечными; и их предположение верно. Эта бесконечная последовательность комбинаций атомов, как я уже показывал, — химера, более абсурдная, чем любые абсурды, которые кто-либо пытался объяснить этим ложным принципом. Ни одно число, ни последовательное, ни непрерывное, не может быть бесконечным. Из этого ясно следует:

- Атомы не могут быть бесконечны по числу.
- Последовательность их движений и комбинаций не могла быть бесконечной.
- Мир не мог быть вечным.

Необходимо найти точное и определённое начало этих последовательных комбинаций. Необходимо найти первый индивидуум для каждого вида, первую форму каждой порции материи, составляющей вселенную; а поскольку последовательные изменения этой материи могут быть лишь в конечном числе, следует допускать только те комбинации, которые обычно возникают «случайно», если не признавать наличие высшей мудрости, которая устроила более сложные и разумные сочетания, которые случай не мог бы создать.

Древние эпикурейцы и современные дарвинисты утверждают, что все комбинации атомов должны реализоваться в бесконечности времени. Это чистая гипотеза. Чтобы это произошло, нужна была бы высшая сила, как при лотерее, чтобы все варианты проявились: одни раньше, другие позже; иначе некоторые комбинации могут никогда не произойти. Например, монета может выпасть только орлом или решкой, но вовсе не обязательно, что оба события должны произойти; возможно, что она многократно выпадает орлом и никогда не выпадет решкой. А что говорить о бесконечно более сложных комбинациях атомов, составляющих живую клетку или целый организм? Притязание на необходимость реализации всех возможных комбинаций — всего лишь мечта.

77. Эпикурейцы предполагают всё, что им вздумается, без доказательств

Философы-эпикурейцы настолько слабы в своей системе, что они могут её сформировать только в том случае, если они предоставляют без доказательств всё самое невероятное. Сначала они предполагают вечные атомы; это как раз то, что нужно доказать. Откуда они берут, что атомы существуют всегда и сами по себе? Быть самим собой — это высшее совершенство. С каким правом они без доказательств предполагают, что атомы обладают вечным, неизменным существованием в своей основе? Если каждый атом уникален и абсолютно отличен от других, каждому пришлось бы носить в себе вечность и независимость от всех других. Даже если допустить, что атомы могут образовать некоторые простые комбинации «случайно» и в ограниченном числе, но более сложные и разумные сочетания — результат руководящей мысли. Например, карты могут случайно раздаваться игрокам, но их формы, числа и масти не могли быть случайными.

78. Предположения эпикурейцев ложны и фантастичны

Следует ли ещё предполагать, что атомы сами по себе обладают движением? Это гипотеза ради построения системы, более фантастической, чем сказки. Если мы представляем тело, мы его полностью понимаем без предположения о его движении; мы видим его в покое, и идея остаётся ясной: оно имеет части, форму и размеры. Невозможно предполагать, что все тела постоянно движутся, и что если какие-то части материи двигаются меньше других, то вся масса всегда движется одинаково. Это пустые слова, основанные на не проверяемых допущениях. Кто доказал, что вся масса материи движется одинаково? Одна только возможность предполагать — не является доказательством. Даже если мы видим камень неподвижным, как нам докажут, что внутри него нет атома, который движется? Эпикурейцы опираются лишь на маловероятные предположения, а не на реальные наблюдения.

79. Движение не является сущностной характеристикой тел

Идём ещё дальше. Допустим, ради излишней снисходительности, что все тела природы сейчас находятся в движении. Следует ли из этого, что движение необходимо для них и что ни одно тело никогда не может быть в покое? Следует ли, что движение сущностно для каждой части материи? Если тела движутся не одинаково, если одни двигаются заметнее и сильнее, чем другие, если одно и то же тело может двигаться больше или меньше в разные

моменты, если тело, находящееся в движении, передаёт своё движение соседнему телу, которое находилось в покое или двигалось настолько слабо, что это было незаметно, — тогда необходимо признать, что изменение движения, то возрастающее, то убывающее, не является сущностной характеристикой тел.

То, что является сущностным для существа, всегда остаётся в нём одинаковым. Движение, которое изменяется в телах, которое после увеличения замедляется до полного исчезновения, которое теряется, передаётся другому телу и действует на него как чуждое, не может быть частью сущности тел. Следовательно, тела совершенны в своей сущности без необходимости приписывать им какое-либо движение. Даже если наука показывает, что движение в природе постоянно, это не делает движение сущностным для тел. Тела не могут сами создавать движение, а только получать его извне. Любое тело остаётся неподвижным, пока другое не воздействует на него.

80. Законы движения, предполагаемые эпикурейцами, не делают движение сущностным

Некоторые скажут: законы движения определяют, что одно тело воздействует на другое. Но где эти законы записаны? Кто их установил и делает неизменными? Они не вытекают из сущности тел, так как можно представить тела в покое, даже абсолютно инертные, неспособные создать движение сами или сопротивляться ему. Даже если более крупное тело перемещает меньшее, это не объясняет причины: тело и тело полностью независимы друг от друга. Любые законы, по которым большие массы тянут за собой меньшие, — лишь привычка, а не необходимость.

81. Для объяснения движения нужно обратиться к первому двигателю

Материя не может быть ни бесконечной, ни вечной. Следовательно, нужно найти первый атом, в котором движение возникло, и первый акт соединения атомов, сформировавший первую комбинацию. Вопрос: кто придал этот первый толчок? Кто запустил «машину» Вселенной? Бесконечный круг объяснений невозможен; в конечном, ограниченном мире круг причин должен иметь начало: первый атом, первый момент движения и первый двигатель должны быть определены.

82. Ни один закон движения не основан на сущности тел

Все законы движения, которые не имеют причин в самой сущности тел, являются случайными и произвольными. Нет ни одного движения, которое было бы сущностным для тела. Даже то, что меньшие тела движутся под влиянием больших, не имеет причины в сущности тел. Линия прямого движения, которую эпикурейцы считали «естественной», тоже случайна. Она могла быть круговой или в любом направлении. Кто определил направление и характер движения? Только тот, кто дал телам движение, которого они не имели по своей сущности.

83. Эпикурейцы не могут сделать никаких выводов даже при максимальной уступчивости

Допустим, что движение является свойством тел, что движение по прямой линии присуще всем атомам, что атомы обладают разумом и волей. Даже при такой максимальной уступчивости:

- Все атомы должны двигаться вечно.
- Все атомы должны двигаться одинаково.

- Все атомы должны двигаться по прямой линии.
- Все это должно происходить по «неизменной и сущностной» правилам.

Даже при этом эпикурейцы не смогут объяснить, как возникают сложные комбинации и структура материи.

84. Атомы не могут соединяться с помощью движения, которое им дают эпикурейцы

Атомы, имеющие различные формы (круглые, крючковатые, треугольные и т.д.), движутся строго по прямой линии и не могут отклоняться. Даже если поставить острые крючки рядом друг с другом, они будут двигаться параллельно, никогда не соединяясь и не сцепляясь.

Следовательно, за всю вечность не может возникнуть ни сцепления, ни комбинации атомов при прямолинейном движении.

85. «Клинамэн» — выдумка, вводящая эпикурейцев в грубое противоречие

Чтобы спастись, эпикурейцы придумали clinamen — лёгкое отклонение движения атомов от прямой линии, позволяющее им сталкиваться и соединяться. Но если движение по прямой линии было сущностным, никакое отклонение невозможно. Клинамэн нарушает сущность материи и противоречит самим принципам эпикурейцев. Эпикурейцы создают систему на основе фантазии: линии прямого движения и clinamen — оба являются чистыми выдумками. Более того, эти «сновидения» противоречат друг другу. В итоге их система строится на несостоятельной фантазии, где каждое допущение ничем не оправдано, и никакой реальный закон природы не объясняется.

86. Странная абсурдность эпикурейцев, которые хотят объяснить душу через склонение атомов

Как высшее чудо заблуждения, эпикурейцы осмеливаются объяснять этим «clinamen» — которые сами по себе не поддаются объяснению — то, что мы называем душой человека и его свободной волей. Они сводятся к утверждению, что это происходит по линии, куда их вес их ведет, и при этом не указывают никакой причины, которая могла бы вызвать это отклонение. Они думают, что достигли результата, но получают лишь отвержение и презрение всех здравомыслящих людей. На первый взгляд может удивить, что Цицерон придает такое значение опровержению столь ничтожной доктрины, и что мы сами так долго на ней настаиваем. Но эта детская теория — вечный софизм, с помощью которого мы поддаемся искушению отдалить Бога от себя и подавить драгоценный, характерный инстинкт, делающий человека религиозным и моральным существом.

Современный эпикурейский подход, укрепленный научным оправданием древней гипотезы атомов, вводит не вертикальное падение и не едва заметное отклонение, а реальную силу — молекулярное притяжение в формах когезии и сродства. Он опирается на бесспорные факты физики и химии. Но даже с этим научным аппаратом утверждение, что животные и растения возникли спонтанно, то есть путем простого первоначального объединения молекул без провидческого замысла, и развились под влиянием внешних факторов — воздуха, воды, тепла и т. д., без участия или плана разумного архитектора, — остается таким же произвольным, как самые абсурдные высказывания древнего эпикуреизма. Опровержения Цицерона применимы к нему с той же силой.

Примечание к цитате: лёгкое отклонение атомов (clinamen) объясняется Лукрецием как то, что душа не имеет внутренней необходимости, принуждающей её к действиям; это всего лишь случайное отклонение атомов в пространстве или времени. Эта философия странна: атомы, если движутся по прямой линии, не живы, не способны к знанию и воле; если же они

отклоняются, они вдруг становятся живыми, мыслящими и разумными, сами — интеллектуальные души, способные размышлять и принимать решения. Какие метаморфозы, более абсурдные, чем у поэтов! Какова же должна быть религия, если её доказывают такими детскими принципами философии, которая осмеливается её оспаривать?

87. Эпикурейцы ослеплены, пытаясь объяснить свободу человека отклонением атомов

Посмотрим, насколько эти философы обманывают сами себя. Что они могут найти в клинанте, что хоть как-то объясняет свободу человека? Эта свобода не воображаема; нужно сомневаться во всём, что нам ближе всего и что известно с полной очевидностью, чтобы усомниться в свободной воле. Я чувствую, что свободен сидеть или встать и идти; я ощущаю это с такой полной уверенностью, что никогда не смогу серьёзно усомниться и предал бы себя, если бы осмелился сказать обратное. Нужно сомневаться в нашей свободе, чтобы сомневаться в Божестве. Следовательно, невозможно серьёзно сомневаться в Боге, ибо никто не может сомневаться в своей собственной свободе. Если же мы признаём, что люди действительно свободны, легко показать, что свобода человеческой воли не может состоять в какой-либо комбинации атомов.

Если нет Первого Двигателя, задавшего материи произвольные законы движения, движение должно быть необходимым для тел, и все законы движения так же неизбежны, как сущности самих тел. Все атомы должны двигаться по прямым линиям без отклонений; любое отклонение невозможно, потому что другой атом имеет такую же неизбежную предопределённость следовать прямой линии. Следовательно, все атомы должны бесконечно двигаться по параллельным линиям, не сталкиваясь друг с другом. Даже если бы клинанте существовал, он был бы так же необходим, как и прямая линия, и не объяснял бы свободу человека.

Свобода не может находиться в телах и локальных движениях; её нужно искать в невещественном существе, которое соединено с моим телом и управляет им. Кто же соединил эти два столь разных начала, если не Сверхъестественная Сила? Даже эпикурейцы, которые предполагают сцепление атомов, должны признать, что мыслящее, свободное существо — не агрегат атомов и, следовательно, невещественно. В конечном счёте, их система рушится собственными руками.

88. Необходимо признать руку Первой Причины в мире, не останавливаясь на вопросе о дефектах

Всё в мире носит отпечаток божественного: небеса, земля, растения, животные, а особенно люди. Всё показывает целеустремлённость, цепочку вторичных причин, управляемых высшей причиной. Мы не критикуем великое произведение Бога; кажущийся нам «дефект» часто обусловлен свободной волей человека или тем, что Бог использует зло для совершенствования добра. То, что нам кажется недостатком в отдельной части, может быть украшением в целом замысле, который мы не можем охватить своим ограниченным разумом.

Каждое событие как отдельный символ слишком велик, чтобы понять его отдельно. Полная картина — лишь во взгляде на всё в целом. Так же, как тело человека требует разных частей (не только глаза, но и руки и ноги), так и вселенная требует солнца для дня и луны для ночи. Истинная оценка приходит при рассмотрении целого, а не отдельных частей. Даже истинные «недостатки» творения лишь указывают на его происхождение из ничто; совершенство принадлежит лишь Богу. Всё вне Бога несовершенно, и эта несовершенство указывает на конечность творения.

89. Сравнение недостатков картины с несовершенствами вселенной
Заключают ли, что произведение живописи создано случайностью, когда замечают в нём тени или даже некоторые небрежности кисти? Говорят: «Живописец мог бы лучше закончить эти тела, эти драпировки, эти дальние планы». Верно — эта картина не вполне совершенна по правилам. Но какая же это была бы безумная мысль — сказать: «Эта картина не абсолютно совершенна, следовательно, это лишь нагромождение красок, созданное случайностью, и никакая рука художника над ней не трудилась!» То, чего постыдились бы сказать о плохо написанной, почти безыскусной картине, не стыдятся говорить о вселенной, где сверкает множество непостижимых чудес, исполненных порядка и соразмерности.

Пусть человек исследует мир сколько угодно; пусть спустится к мельчайшим подробностям; пусть рассечёт анатомию самого презренного животного; пусть рассмотрит вблизи малейшее зёрнышко пшеницы, посеянное в землю, и то, как этот зародыш умножается; пусть внимательно наблюдает, с какой предусмотрительностью бутон розы раскрывается к солнцу и закрывается к ночи — во всём он найдёт больше замысла, порядка и искусства, чем во всех произведениях рук человеческих. Самое то, что называют «искусством людей», есть лишь слабое подражание великому искусству, которое мы именуем законами природы и которое безбожники не постыдились назвать «слепым случаем».

Стоит ли удивляться, что поэты одушевляли всю вселенную — давали ветрам крылья, солнцу стрелы, изображали реки, спешащие в море, и деревья, поднимающиеся к небу, чтобы побеждать солнечные лучи густотой своей тени? Эти образы перешли даже в обиходный язык, так естественно человеку чувствовать присутствие искусства, которым исполнена вся природа. Поэзия лишь приписала неодушевлённым созданиям намерение Творца, совершающего всё в них. Из образного языка поэтов эти идеи перешли в языческую теологию, где теологи были поэтами. Они предположили в самих тварях, даже лишённых разума, некое искусство, силу и мудрость, которые назвали numen. У них реки стали богами, источники — наядами, леса и горы имели своих особых божеств, цветы имели Флору, плоды — Помону. Чем беспристрастнее человек созерцает природу, тем более открывает в ней неисчерпаемый источник мудрости, словно самую душу вселенной.

90. Необходимо заключить, что существует Первое Существо, создавшее вселенную
Что из этого следует? Заключение приходит само собой. «Если требуется столь великая мудрость и проницательность, — говорит Минуций Феликс, — даже чтобы заметить порядок и чудесный замысел устройства мира, то сколь больше их потребовалось, чтобы этот мир создать!» Если столь восхищают философы, открывающие лишь малую часть тайн той мудрости, которая всё сотворила, — как же можно быть столь слепым, чтобы не восхищаться ею самой?

91. Причины, по которым люди не признают Бога во вселенной
Вот великий предмет — весь мир, где Бог, словно в зеркале, предстает человечеству. Но одни (говорю о философах) — рассеялись в своих мыслях; всё для них обратилось в суету. Изощряясь в тонких рассуждениях, многие из них утратили даже ту истину, которую можно естественно и просто найти в себе, без нужды в философии. Другие, опьянённые страстями, живут в постоянном рассеянии. Чтобы узреть Бога в Его творениях, нужно хотя бы быть внимательным к ним. Страсти ослепляют до такой степени не только дикие народы, но и те, что кажутся наиболее цивилизованными, что они не видят самого света, который их озаряет. В этом отношении египтяне, греки и римляне были не менее ослеплены и одурманены, чем самые грубые дикари: они, как и те, погребли себя в мире чувственного, не поднимаясь

выше, и развивали ум лишь затем, чтобы услаждать себя более тонкими ощущениями, не желая замечать, откуда исходят эти наслаждения.

Так живут люди на земле: не говори им ничего — они не думают ни о чём, кроме того, что льстит их страстям и тщеславию. Их души становятся столь тяжёлыми, что уже не могут вознестись ни к какому бесплотному предмету. Всё, что нельзя осязать, видеть, вкушать, слышать, чувствовать или считать, кажется им призрачным. Эта немощь души, обращаясь в неверие, кажется им силой; их гордость радуется тому, что они сопротивляются тому, что естественно поражает прочих людей. Это всё равно что чудовище гордилось бы тем, что создано вопреки обычным законам природы, или слепорождённый хвалился бы тем, что не верит в свет и в цвета, которые все остальные видят.

92. Молитва к Богу

О, мой Боже! Если столь многие не находят Тебя в этом прекрасном зрелище всей природы, которое Ты им даёшь, — это не потому, что Ты далёк от каждого из нас. Каждый из нас касается Тебя, словно рукой; но чувства и страсти, что они возбуждают, захватывают всё внимание ума. Так, Господи, Твой свет сияет во тьме, но тьма столь густа, что не вмещает его. Ты являешь Себя повсюду, и повсюду рассеянные люди пренебрегают Тобой. Вся природа говорит о Тебе и звучит Твоим святым именем, но она говорит глухим, оглушённым собственным шумом. Ты близ них и внутри них, но они, беглецы, странствуют вне самих себя, далеко от собственного сердца. Войдя в себя, они нашли бы Тебя — о сладкий свет! о вечная красота, всегда древняя и всегда новая! О, источник чистейших утешений! О, жизнь чистая и блаженная всех, кто живёт истинно!

Но нечестивцы теряют Тебя лишь потому, что теряют самих себя. Увы! Твои дары, которые указывают им на руку, откуда исходят, забавляют их настолько, что мешают видеть саму руку. Они живут Тобой — и живут, не помышляя о Тебе; точнее, умирают рядом с Жизнью, не питаясь ею, ибо что иное есть смерть, как не неведение о Тебе? Они засыпают на Твоих отеческих коленях и, полные ложных снов, не чувствуют могучей руки, что их поддерживает.

Если бы Ты был телом бесплодным, бессильным и бездушным — цветком, что увядает, рекой, что течёт, домом, обречённым на разрушение, или металлом, лишённым пользы, обладающим лишь блеском, — они бы Тебя заметили и приписали бы Тебе, безумно, силу доставлять им удовольствие, хотя истинное наслаждение не может исходить от вещей неодушевлённых, не имеющих его в себе, ибо Ты — его единственный источник. Если бы Ты был лишь грубым, тленным существом, массой без силы, тенью бытия — тогда Твоя призрачная природа занимала бы их тщеславие: Ты стал бы предметом, соразмерным их низким и грубым мыслям. Но так как Ты слишком внутри них самих, где они никогда не бывают, — Ты становишься для них Богом сокрытым.

Порядок и красота, которые Ты изливаешь на лица созданий, служат словно покровом, скрывающим Тебя от их больных глаз. Свет, который должен был бы их озарять, ослепляет их; и лучи солнца мешают им видеть само солнце! Поскольку Ты — истина слишком высокая и чистая, чтобы пройти через грубые чувства, люди, уподобленные зверям, не могут Тебя постигнуть; как будто человек не познаёт каждый день мудрость и добродетель, о которых ни одно чувство не может дать свидетельства, ибо у них нет ни звука, ни цвета, ни вкуса, ни формы, ни какой-либо чувственной черты. Почему же, о мой Бог, должны мы сомневаться в Тебе более, чем в этих вещах столь реальных и столь очевидных, истинность которых предполагается несомненной во всех самых серьёзных делах жизни, хотя и они, как и Ты, ускользают от наших слабых чувств?

О, нищета! О, ужасная ночь, что покрывает детей Адама! О чудовищное ослепление! О переворот всей человеческой природы! Человек имеет глаза — но лишь для того, чтобы видеть тени, и истина кажется ему призраком. То, чего нет, становится для него всем; то, что есть всё, кажется ему ничем. Что вижу я во всей природе? Бога, Бога повсюду — и только Бога. Когда я размышляю, Господи, что всё бытие в Тебе, Ты поглощаешь и растворяешь, о бездна истины, всю мою мысль; я уже не знаю, чем я становлюсь: всё, что не Ты, исчезает, и едва остаётся во мне хоть немного, чтобы я мог найти самого себя.
Кто не видит Тебя — не видел ничего; кто не вкушает Тебя — не чувствовал никогда ничего: он как будто не существует; вся его жизнь — лишь сон. Восстань, Господи, восстань! Да растает пред лицом Твоим враги Твои, как воск, и исчезнут, как дым. Горе душе нечестивой, далёкой от Тебя, без веры, без надежды, без вечного утешения! Уже счастлива та, что ищет Тебя, что вздыхает и жаждет Тебя; но совершенно счастлива та, на которую падает свет Твоего лица, чьи слёзы отерла Твоя рука, и чьи желания уже насытила Твоя любовь! Когда же это будет, Господи? О прекрасный день без тучи и без конца, где Ты Сам будешь солнцем и прольёшься в моё сердце потоком блаженства! При этой сладкой надежде мои кости ликуют и восклицают: «Кто подобен Тебе?» — моё сердце тает, и плоть моя изнемогает, о Боже сердца моего, моя вечная доля!

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.
ДЕМОНСТРАЦИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ И АТРИБУТОВ БОГА, ИЗВЛЕЧЁННАЯ ИЗ НАШЕЙ ИДЕИ БЕСКОНЕЧНОГО БЫТИЯ

Введение

Эта вторая часть не является продолжением первой. «Она лишь набросок великого труда, который покойный аббат Фенелон начал в молодости и не завершил» (Де Рамсе, предисловие к изданию 1748 г.). Даже если бы у нас не было неопровержимого свидетельства ближайшего доверенного лица Фенелона о его мыслях, внимательное чтение показало бы, что эти две части — разные произведения, не связанные между собой, написанные одной рукой в разное время и под разными вдохновениями. Молодой Фенелон, очарованный яркой простотой рассуждений метода, предпринял попытку довести до совершенства демонстрацию души и Бога, предложенную Декартом. Он тогда написал весьма картезианский трактат о Существовании и свойствах Бога.

Позже, благодаря непрерывному развитию своего гения, он пришёл к более справедливой оценке софистической гипотезы всеобщего фиктивного сомнения и обратился к Цицерону, святому Августину и здравому смыслу. Он заново начал ту же демонстрацию, уже не через знаменитый энтюмем «Я мыслю, следовательно, существую», а через познание природы. В этом втором труде, прочитанном под заголовком «Демонстрация, извлечённая из познания природы», Фенелон полностью отказался от картезианства: вместо того чтобы, как Декарт, ставить под сомнение свидетельства чувств и авторитет общих понятий, он принимает их как основу всей аргументации.

Он не только признаёт авторитет чувств, сознания и разума, но и многократно осуждает как неразумное и невозможное всеобщее сомнение, столь прославляемое в его первом труде. Примеры из Первой части, где это отречение от картезианского принципа ясно проявляется: «Я свободен и не могу в этом сомневаться. У меня есть внутреннее и непоколебимое убеждение, что могу хотеть и не хотеть, что во мне существует выбор не только между хотеть и не хотеть, но и между различными желаниями в отношении множества представляемых объектов». (§ 66)

«Внутренняя очевидность этой истины (что мы свободны) подобна очевидности первых принципов, не требующих доказательств и служащих сами доказательством для менее ясных истин». (§ 68)

«Невозможно, как бы ни напрягал ум, всерьёз усомниться в том, что идеи ясно представляют нам реальность. Например, я не могу серьёзно сомневаться, что целое больше части и т.д». (§ 52)

«У меня есть универсальные и неизменные понятия, которые являются правилом всех моих суждений. Я не могу судить о чём-либо без их совета, и мне не под силу противоречить им. Мои мысли, далеко не способные исправить или создать это правило, сами исправляются им вопреки мне и непобедимо подчинены его решению. Как бы я ни старался, я никогда не смогу усомниться, что дважды два — четыре, что целое больше части и т.д». (§ 54)

«Величие человеческого разума реально. Он соединяет без смешения прошлое с настоящим, и разум проникает через рассуждение в будущее. У него есть идея тел и идея духов; у него есть идея самого Бесконечного». (§ 50)

«Когда не стремишься усложнять, сразу видишь руку, которая является первопричиной всех частей вселенной». (§ 70)

«Некоторые философы, слишком тонко рассуждая, утратили даже истину, которую можно естественно и просто найти в себе, без философии». (§ 94)

Сложно быть менее картезианцем.

В своих «Письмах о религии», написанных в конце жизни, Фенелон несколько раз показывал, что исцелился от картезианского энтузиазма, вдохновившего трактат о Существовании и атрибутах Бога: «Если бы просвещённый человек собрал во всех книгах святого Августина все возвышенные истины, которыми этот отец словно случайно поделился, этот тщательно отобранный сбор был бы гораздо выше Медитаций Декарта, хотя эти Медитации — величайшее усилие духа этого философа». (Письмо IV, конец предисловия)

«Скажите человеку здравого смысла, что время, которое он называет бодрствованием, возможно, лишь более глубокий сон, чем ночь; убедите его, что он пробудится лишь после смерти сна всей жизни, которая есть сон, как он пробуждается каждое утро после сна ночи… — вы поставите его в невозможность вам ответить, но он всё равно не сможет поверить и сомневаться в том, что вы ему опровергаете; он рассмеётся вашей тонкостью, почувствует, что ваше тонкое рассуждение лишь запутывает ясную истину вместо того, чтобы прояснить нечто тёмное». (Письмо VI, § 2)

Необходима истинная преданность просвещению молодых читателей и делу философии, чтобы указывать, как мы это делаем, на серьёзные несовершенства в труде Фенелона, даже в его наброске. Эти несовершенства объясняют, почему первые редакторы, несмотря на уважение и почтение к памяти Фенелона, позволяли себе изменять и урезать текст, который здесь приводится в соответствии с тщательной реставрацией издания Версаля и работы М. Госселена.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
МЕТОД, КОТОРЫЙ НУЖНО СЛЕДОВАТЬ В ПОИСКЕ ИСТИНЫ

1. Фиктивное всеобщее сомнение, чтобы принимать лишь истинное

Мне кажется, что единственный способ избежать всякой ошибки — это сомневаться без исключения во всём, в чём я не нахожу полной очевидности. Я потому сомневаюсь во всех своих предубеждениях: ясность, с которой я считал до сих пор, что вижу различные вещи, не является причиной считать их истинными. Я сомневаюсь во всём, что обычно называют впечатлениями органов чувств, привычными принципами, вероятностями: я не хочу верить ничему, если нет абсолютно достоверного основания; я хочу, чтобы это была единственная очевидность и полная уверенность в вещах, которые заставляют меня согласиться с ними; иначе я оставлю их в числе сомнительных.

2. Первая причина сомнения: сон

С принятым правилом я больше не полагаюсь на любые объекты, которые, как мне казалось, я наблюдал вокруг себя: возможно, они — лишь иллюзии. Я всегда признавал, что каждую ночь есть время, когда я кажусь видящим то, чего не вижу, и кажусь прикасающимся к тому, чего не касаюсь; я называл это временем сна. Но кто сказал мне, что я не сплю всегда, и что все мои восприятия — не сновидения?

Фенелон считает, что единственной очевидностью, на которую он теперь хочет полагаться, могут быть впечатления чувств и большинство привычных принципов, авторитет которых он теперь собирается пересмотреть. Очевидность — это когда мы видим и понимаем вещь ясно, без промежуточного рассуждения. Существуют три вида очевидности:

- Очевидность вещей, известных через чувства — очевидно, что солнце светит, что железо тонет в воде; не очевидно, что солнце в 1,4 миллиона раз больше земли.
- Очевидность внутреннего чувства (сознания) — очевидно, что длительное внимание утомляет меня; не очевидно, что моя душа бессмертна.
- Очевидность разума — очевидно, что две наложенные поверхности равны; не очевидно, что все треугольники с одинаковой основанием и высотой эквивалентны.

Таким образом, есть три источника очевидности: чувства, внутреннее чувство и чистый разум. Все три заслуживают доверия и законно формируют наше убеждение.

Софизм Декарта, которому Фенелон пытался следовать, заключается в игнорировании очевидности вещей, известных напрямую через чувства, и признании лишь одного очевидного принципа: «Я мыслю, следовательно, я существую», смешанного принципа, объединяющего внутреннее чувство («Я мыслю») и разум («То, что мыслит, существует»).

3. Вторая причина сомнения: бред

Если сон может вызывать иллюзии, которые дневное бодрствование обнаруживает, кто ответит мне, что само бодрствование не является иной формой сна, из которого я никогда не выхожу, и которую никакое другое состояние не может раскрыть? Чем отличается человек, который спит, от человека, доведённого лихорадкой до бреда? Спящий видит сны лишь несколько часов; потом он пробуждается и видит ошибочность своих снов. Больной в бреду переживает сновидения несколько дней; выздоровление — его пробуждение; ошибки он видит лишь после окончания болезни.

Есть ещё более длительные иллюзии, которые могут длиться всю жизнь. Неисправимый безумец будет всю жизнь видеть то, чего нет, и никогда не осознает своей ошибки; это сон всей жизни. Чтобы ставить под сомнение свои восприятия, нужно различать сновидение и реальное восприятие, иначе невозможно даже предположить, что такое иллюзия. Но мы можем об этом говорить, поскольку обладаем самосознанием и долей реальности, которую никто не может затемнить.

4. Сомнение невозможно на практике, но полезно в поиске истины

Ещё одно возможно: иллюзия, более длительная у безумца, чем у спящего, будет ещё более длительной и устойчивой у человека, который не спит и не бредит. Возможно, что даже в бодрствовании и при полном спокойствии я являюсь жертвой иллюзии, которая никогда не исчезнет, и что никакое другое состояние не выведет меня из этой вечной обманки. Что же делать? Хотя на практике невозможно сомневаться во всём, я буду стараться сохранять себя от иллюзий, сомневаясь во всём. Если практика заставляет меня принимать вещи без явного доказательства, я буду считать себя человеком, которого течение постоянно уносит, и который цепляется за деревья на берегу, чтобы удержаться.

Человек, почти засыпая, борется со сном, но сон всегда его ловит; пока он спит — разум исчезает, он видит смешные сны; как только пробуждается — видит свои ошибки, хотя через несколько минут снова погружается в них. Так я нахожусь между бодрствованием и сном, между философским сомнением, которое разумно, и обманчивым сном повседневной жизни. Чтобы защититься от непрерывной и непреодолимой иллюзии, я буду время от времени возвращаться к моему неизменному правилу: принимать лишь то, что несомненно. В эти моменты я отклоню все поспешные суждения и буду сомневаться как в себе, так и во всём, что кажется мне окружающим.

Суть: Разум должен верить только в очевидное, сомневаться только в сомнительном. До тех пор, пока не найдётся что-то неопровержимое чистым разумом, весь окружающий мир следует считать сомнительным. Такое состояние вызывает страх и изумление, но оно — единственное разумное состояние для поиска истины.

5. Затруднение, возникающее сначала из этого мнимого сомнения

Мне приходит мысль, которую я должен исследовать. Если существует Существо, от которого я получил своё «я», не должно ли оно быть добрым и истинным? Могло ли бы оно быть таковым, если бы обманывало меня, и если бы оно создало меня только для вечной иллюзии? Но кто сказал мне, что могущественное, злое и обманное Существо не создало меня? Кто сказал мне, что я не был создан случайно в состоянии, которое само по себе ведёт к иллюзии? Более того, как я могу знать, что я сам не являюсь добровольной причиной своей иллюзии?

Чтобы избежать ошибки, мне остаётся лишь никогда не судить и пребывать в всеобщем сомнении без исключения. Именно, когда я хочу судить, я подвергаю себя возможности обмана. Возможно, тот, кто дал мне жизнь, сделал это лишь для того, чтобы я вечно пребывал в сомнении. Возможно, я злоупотребляю своим разумом, перехожу пределы, которые мне даны, и отдаю себя ошибке всякий раз, когда хочу судить. Следовательно, я больше не буду судить, а буду исследовать всё, доверяя сомнению — как себе, так и Тому, кто меня создал, предполагая, что я был создан существом, превосходящим меня.

6. Первая установившаяся истина: существование того, кто сомневается

В этом сомнении, которое я хочу довести до предела, есть то, что останавливает меня. Сколько бы я ни хотел сомневаться во всём, невозможно сомневаться в том, существую ли я. Ничто не может сомневаться; и даже если бы я ошибался, из самой ошибки следует, что я что-то есть, ибо ничто не может ошибаться. Сомневаться и ошибаться — значит мыслить. Это «я», которое мыслит, сомневается, боится ошибиться, не осмеливается ни в чём судить, не могло бы всего этого делать, если бы его не было.

7. Ясная идея как принцип достоверности

Но почему я думаю, что ничто не может мыслить? Я сразу отвечаю себе: «Ничто» исключает всякое свойство, действие, способ бытия, а значит, и мысль, ибо мысль — это способ быть и действовать. Это кажется мне ясным. Но может быть, я слишком легко этим довольствуюсь. Идём дальше: вся ясность этого рассуждения опирается на знание того, что такое ничто, и на знание того, что такое мысль. Я ясно знаю, что ничто не может ничего, не делает ничего, не получает ничего и никогда не имело ничего; с другой стороны, я ясно знаю, что мыслить — значит действовать, делать что-то, иметь нечто. Следовательно, мысль никогда не может принадлежать ничто. Ясная идея мысли открывает мне несовместимость между ничто и мыслью.

8. Идея: что это такое

Но я говорю об идеях и ещё не знаю, что это такое. Это что-то, что я пока не могу чётко различить: это свет внутри меня, который не я сам, который исправляет меня, направляет или, возможно, обманывает, но который ведёт меня своей явной (истинной или ложной) очевидностью. Во всяком случае, это правило внутри меня, по которому я должен судить обо всём, если хочу судить; оно принуждает меня к суждению, как видно из примера с самим собой: мне невозможно воздержаться от суждения, что я существую, поскольку я мыслю; ясность идеи мысли делает невозможным сомневаться в моём существовании.

9. Невозможность сомневаться в вещах, представленных ясной идеей

Моё правило «никогда не судить, чтобы не ошибиться» может служить лишь в тех случаях, когда у меня нет ясной идеи. Но если у меня есть полностью ясная идея, эта ясность, истинная или ложная, принуждает меня судить; я больше не свободен колебаться. Даже если ясность идеи — иллюзия, я обязан ей подчиняться. Я довожу сомнение до предела, но не могу идти против ясных идей. Кто ещё более неверующий, пусть идёт дальше — но я вызываю его сомневаться в том, существует ли он. Чтобы в этом сомневаться, нужно верить, что можно мыслить и быть ничем. Разум имеет только свои идеи и не может выйти за их предел, чтобы опровергнуть их.

10. Три неоспоримые истины

Из ясной идеи моего существования через мысль я делаю три вывода:

- Никто добросовестный не может сомневаться в полностью ясной идее.
- Даже если наши идеи обманчивы, они неотвратимо ведут нас, когда ясность совершенна.
- В нас нет ничего, что даёт право сомневаться в достоверности ясных идей.

Следует остерегаться путать смутные идеи с ясными, но нельзя всерьёз сомневаться в том, что ясно представлено в наших идеях.

11. Могут ли ясные идеи нас обманывать

То, что я сказал, — лишь слабый свет в этой бездне тьмы; это не настоящий свет, а лишь начало. И как бы я ни желал света, я предпочитаю даже самую страшную тьму ложному свету. Чем ценнее истина, тем больше я боюсь её подделки. Но кто сказал, что моя разумная мера не сама по себе иллюзия, созданная могущественным обманным духом, превосходящим меня? Может быть, этот дух представляет как ясное то, что абсурдно; может быть, ничто способно мыслить, и я при этом ничто; возможно, одна и та же вещь

может одновременно существовать и не существовать; возможно, часть так же велика, как целое.

12. Противоречие идеи, что высший дух обманывает нас через ясные идеи

Я различаю мои свободные и изменчивые мнения и ясные идеи, которые я не могу изменить. Даже если они ложны, я не могу их исправить — я бессилен против самой себя. Тот, кто обвинит меня в заблуждении, если это обман, сам также неизбежно ошибается. Эта ошибка не случайна; это фиксированное состояние, данное природой. Разум, который нас обманывает, не внешний, а мы сами; и если мы существуют, то мы существуем как этот разум, который ошибается. Чтобы высший дух обманывал нас, он должен был бы создать природу, полностью подчинённую ошибке, не способную к истине. Это означало бы создание нового существа из ничего, которое полностью противоположно разуму. Такое Существо было бы всемогущим. Более того, оно должно было бы заставить ничто мыслить и верить, что оно существует, и даже сомневаться, будучи ничем — это больше, чем всемогущество.

Интеллект существует лишь в мере познания истины. Если бы в природе не было ничего истинного, соответствующего нашим идеям, наш интеллект и наше существование не имели бы реальности. Мы были бы ничто, которое сомневается, ошибается, мыслит и мыслит о своей мысли, ищет себя и теряется в себе. Вот это ничто обманул бы высший дух — и это было бы действительной сверх всемогущей способностью.

13. Существование нашего разумного духа доказывает существование какой-то истины

Если этот дух всесилен, то он не мог дать мне бытие иначе, как, только предоставив мне истинный разум; ведь только реальное и истинное может быть объектом разума. Таким образом, если допустить, что я существую и являюсь разумным существом, всесильный Создатель мог создать меня только, наделив разумением истины. Не стоит обсуждать, хотел ли Он меня обмануть или нет: даже если бы Он этого захотел, Он не смог бы. Он мог дать мне ограниченный разум и закрыть путь к постижению бесконечных истин, но не мог дать мне какой-либо степени бытия, не даровав при этом хотя бы части разума для постижения истины.

Причина, как я уже говорил, заключается в том, что небытие так же неспособно быть познанным, как и неспособно познавать. Если я мыслю, то должно существовать нечто, и то, о чём я мыслю, тоже должно быть чем-то. То, что я говорю о всесильном существе, тем более справедливо относительно случайности. Даже если бы случайность могла создать разумное существо и случайным образом заставить то, что не мыслило, начать мыслить, она не могла бы сделать так, чтобы разумное существо мыслило, не постигая ничего истинного. Ложь — это небытие, а небытие не является объектом мысли. Мы можем мыслить только о бытии и о том, что истинно, потому что бытие и истина — это одно и то же. Можно ошибаться частично, соединяя сущности без оснований, но полностью ошибиться невозможно: иначе мысль перестала бы существовать, не имея ни одного реального и истинного объекта.

14. Абсурдность всеобщего сомнения

Всё сводится к абсолютному отчаянию и к полному краху разума, если утверждать: одно и то же может одновременно быть и не быть; мыслить и не существовать; мыслить и не мыслить ничего. Или, иначе, нужно заключить, что первое Существо, каким бы всесильным оно ни было, не могло бы дать нам разум без того, чтобы одновременно не дать нам какой-либо доли истины как предмета нашего мышления. Я понимаю, что после этого рассуждения остаётся вопрос, можем ли мы мыслить, не существуя, и может ли одно и то

же одновременно быть и не быть; но, по крайней мере, ясно, что если эти вещи несовместимы, первое Существо не могло бы создать нас разумными, полностью лишив нас истины, даже если бы оно того захотело.

Кроме того, если это Существо создатель и всесильно, оно должно быть бесконечно совершенным. Оно не могло бы быть само по себе и извлекать что-либо из небытия, не обладая полнотой бытия в себе, поскольку бытие, истина, добродетель и совершенство — это одно и то же. Если оно бесконечно совершенное, оно бесконечно истинное; если оно бесконечно истинное, оно бесконечно противоположно заблуждению и лжи. Если бы оно создало мой разум ложным и неспособным к познанию истины, оно было бы по существу злым; следовательно, оно любило бы ошибку, и было бы её сознательной причиной. Создавая меня, оно имело бы целью лишь обман и иллюзию; значит, либо оно не могло бы так поступить, либо его не существует.

15. Невозможность всеобщей иллюзии

Я хорошо понимаю по своим снам, что могу быть создан, чтобы иногда пребывать в мимолётной иллюзии. Эта иллюзия, скорее приостановка моей способности рассуждать, чем настоящая ошибка. Во время этой иллюзии я не свободен: вскоре приходят ясные, точные и последовательные мысли, которые превосходят сновидение и уничтожают его. Следовательно, это состояние можно назвать мимолётной иллюзией и временной неспособностью рассуждать.

Но если бы дневное состояние обманывало меня так же, это было бы совсем иное: мой разум был бы по существу ложным, потому что все мои идеи, которые составляют основу моего разума и неизменны во мне, были бы противоположны истинному разуму. Это была бы ошибка сущности, из которой ничто не могло бы меня извлечь; нужно было бы создать меня заново и уничтожить все мои идеи, чтобы я смог постигнуть хотя бы малую истину; или, точнее, новое существо, которое начало бы видеть истину, вовсе не было бы мной: оно было бы новым созданием вместо меня после моего уничтожения.

16. Возможность мимолётной иллюзии

Я понимаю, что создатель и бесконечно совершенное Существо может иногда временно приостанавливать мой разум и свободу, давая мне смутные восприятия, которые исчезают и теряются друг в друге, как это бывает во снах. Эти временные ошибки, если их так назвать, вскоре исправляются фиксированными и обдуманными мыслями бодрствующего состояния. Я даже не уверен, можно ли назвать сновидения настоящим суждением или ошибкой; ведь при пробуждении мне кажется, что во сне я мыслил, рассуждал, боялся, надеялся, любил, ненавидел в соответствии с моими суждениями, но, возможно, мои суждения и акты воли во сне не были настоящими.

Во сне могут пробуждаться дневные образы в мозгу, которые случайно соединяются, создавая новые следы восприятий и временные ощущения без размышления и формального суждения. При пробуждении я воспринимаю эти следы и могу ошибочно полагать, что рассуждал во сне, хотя на самом деле этого не было. Даже если бы я и ошибался во сне, я не удивился бы, если бы бесконечно совершенное и истинное Существо поставило меня в такую необходимость; эти ошибки не влияют на свободные и разумные действия в жизни, не делают меня заслуг или греха, они быстро исправляются при бодрствовании и свободной воле.

17. Польза временной иллюзии

Я понимаю, что первое Существо может желать извлечь истину из ошибки, как извлекают добро из зла, позволяя мне во сне переживать обманчивые сны. Через этот опыт оно

показывает мне великие истины: что может лучше показать слабость моего разума и ничтожность моего духа, чем этот периодический и неизбежный сбой моих мыслей? Это своеобразное упорядоченное безумие, охватывающее треть моей жизни, предупреждающее меня в остальные две трети о необходимости быть осторожным и смирять гордыню.

Оно учит, что даже мой разум не принадлежит мне полностью, что он предоставлен мне и временно отнят, без возможности удержать его или вернуть, или противостоять иллюзии, вызванной его отсутствием. Этот период ошибок хорошо использован, если он ведёт меня к самопознанию и к мудрости, без которой мой разум — лишь безумие. Но какая сравнительная ценность этой мимолётной и полезной иллюзии по сравнению с состоянием непрерывной ошибки, когда мой ясный разум сам по себе был бы неисчерпаемым источником заблуждений и лжи? Существо, являющееся по сути ложным и никчемным, или, точнее, абсолютным ничто во всём, не может быть творением всеблагого, истинного и всесильного Создателя.

18. Всеобщее сомнение не надёжнее слепой доверчивости

Вот что мой разум показывает о самом себе, и вот что, кажется мне, я ясно осознаю каждый раз, когда его допрашиваю. Разве всеобщее и абсолютное сомнение, в которое я укрылся, надёжнее? Вовсе нет: потому что ошибаются так же, сомневаясь, когда следует верить, как и веря, когда следует ещё сомневаться. Сомневаться — значит судить, что не нужно ничего верить. Допустим, что нужно верить чему-то, а я напрасно колеблюсь: я ошибаюсь, сомневаясь во всём, и оказываюсь в подвешенном состоянии относительно истины, которая предстаёт передо мной.

Что мне делать? Последняя надежда отнята: мне не остаётся даже горького утешения, что, укрывшись в сомнении, я избегу ошибки. Где я? Что я такое? Куда я иду? Где остановлюсь? Но как я могу остановиться? Если я откажусь от разума, и если он вызывает у меня подозрение в том, что показывает мне самое ясное, я оказываюсь в крайней ситуации, сомневаясь, может ли одно и то же одновременно быть и не быть. Я не могу опереться ни на что, чтобы остановиться на таком ужасном склоне; придётся падать до дна этой бездны.

Ещё хуже: даже если бы я мог там задержаться, эта бездна, куда я упал, отталкивает меня, а сомнение кажется столь же подверженным ошибке, как и мои прежние убеждения. Если всесильное, бесконечно доброе и истинное Существо создало меня, чтобы я познавал истину посредством прямого разума, данного Им, то я неисправим, если ослепляю себя капризным сомнением: моё всеобщее сомнение — чудовище. Если же мой разум ложен, то я всё равно оправдан, следуя ему: ведь что я могу сделать лучше, чем верно пользоваться всем, что во мне есть, чтобы стремиться к истине? Разрешено ли мне сомневаться без всякого внутреннего и внешнего основания во всём, что мне кажется разумным, достоверным и очевидным во все времена?

Лучше следовать этой очевидности, которая ведёт меня неизбежно, которая не может вызвать подозрение с какой-либо стороны, которая согласуется со всем, что я могу представить о всесильном Создателе, который мог меня создать, и против которой я не нахожу никакого надёжного основания для сомнения, чем предаваться смутному сомнению, которое само может быть ошибкой и колебанием моего слабого разума, остающегося неуверенным из-за неспособности постигнуть истину твёрдым и постоянным взглядом.

19. Вопросы, которые следует разрешить

Итак, наконец, я решаю верить, что мыслю, поскольку сомневаюсь; и что я существую, поскольку мыслю: ведь небытие не может мыслить, и одно и то же не может одновременно

быть и не быть. Эти истины, которые я начинаю постигать и которые так трудно дались моему разуму, крайне малы. Если на этом останавливаться, я знаю в природе только самого себя, и эта изоляция наполняет меня ужасом. Более того, если я узнаю себя, я всё равно знаю себя очень мало. Правда, я существую как нечто, что познаёт себя и чья природа — познавать; но откуда я пришёл?

Из небытия ли я возник, или существовал всегда? Кто мог вызвать в моём разуме мысль? То, что мне кажется видеть вокруг, действительно ли существует? О, истина! Вы начинаете сиять для моих глаз. Я вижу слабый луч света, пробивающийся на горизонте среди глубокой и ужасной тьмы; пробейте мои мрак и постепенно распутайте хаос, в котором я погружён. Кажется, моё сердце честно перед Вами; я боюсь только ошибки; я боюсь, как противостоять очевидности, не веря тому, что заслуживает веры, так и слишком легко верить тому, что неясно. О, истина! Приди ко мне, явись вся чистая; позволь мне увидеть тебя, и я насыщусь при виде тебя!

ГЛАВА II. МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА

20. Четыре первые, совершенно достоверные истины

Все мои усилия усомниться больше не могут помешать мне верить в несколько истин. Первая — что я мыслю, когда сомневаюсь. Вторая — что я существую как мыслящее существо, то есть существо, чья природа — мыслить; ибо пока я знаю о себе только это. Третья, от которой зависят первые две — что одно и то же не может одновременно существовать и не существовать; ведь если бы я мог одновременно быть и не быть, я бы мог мыслить и не быть. Четвёртая — что мой разум состоит только в моих ясных идеях, и что я могу утверждать о вещи всё, что ясно содержится в идее этой вещи; иначе я не мог бы заключить, что существую, раз я мыслю.

Этот аргумент имеет силу лишь потому, что существование ясно содержится в идее мысли. Мыслить — это действие и способ бытия; следовательно, очевидно, что можно утверждать о вещи всё, что ясно содержится в её идее. Сомневаться здесь — не точность и сила разума в отношении сомнительного, а легкомыслие и нерешительность, непостоянство колеблющегося разума, который не способен удержать суждение, охватывает или следует ничему, у которого ускользает известная истина и который колеблется против своих самых совершенных убеждений всеми видами смутных мыслей.

21. Существуют ли вне меня другие умы и другие тела?

Имея этот непоколебимый фундамент, я рад узнать несколько истин; это моё истинное благо. Но я беден: мой разум сжат четырьмя истинами. Я почти ничего не знаю; то, что я не знаю, бесконечно. Но, возможно, постепенно я смогу извлечь из малого, что я знаю, какую-то часть этого бесконечного, пока мне неизвестного.

Я знаю то, что называю собой, мыслящим, и чему даю имя дух. Вне меня я пока ничего не знаю; не знаю, есть ли другие умы кроме моего, есть ли тела. Я полагаю, что вижу тело — то есть протяжённость, принадлежащую мне, которую я могу двигать, как хочу, и движения которой причиняют мне боль или удовольствие. Также я предполагаю, что вижу другие тела, похожие на моё, одни движутся, другие неподвижны. Но я твёрдо придерживаюсь моего неприкосновенного правила — неустанно сомневаться во всём, что хотя бы немного сомнительно.

Не только все эти тела, которые мне кажутся видимыми, но и все умы, которые, как мне кажется, находятся со мной в обществе, передают мне свои мысли и внимательны к моим, все эти существа могут быть ничем и быть лишь чистой иллюзией, происходящей

исключительно во мне самом: возможно, я один — вся природа. Не опыту ли я убедился, что когда сплю, мне кажется, что я вижу, слышу, трогаю, нюхаю, вкушаю то, чего нет, и никогда не будет? Всё, что впечатляет меня во сне, я несу внутрь себя; снаружи нет ничего истинного. Ни тела, которые я представляю себе, ни умы, которые я воображаю в обществе с моим, не являются ни умами, ни телами; они, так сказать, лишь моя ошибка. Кто мне снова скажет, что моя жизнь не сон и заклинание, которые ничто не может разорвать? Следовательно, по необходимости я должен вновь приостановить свой суд обо всех этих существах, которые кажутся мне сомнительными.

22. Когда и как я начал существовать?

Таким образом, отброшенный всем, что я представляю себе как внешнее, я возвращаюсь внутрь и снова поражён в этой внутренней пустоте. Я ищу себя, исследую себя: я ясно вижу, что существую; но не знаю, как я существую, начал ли я существовать и откуда возникло моё бытие.

О, чудо! Я уверен только в себе; и это «я», в котором я заключён, удивляет меня, превосходит меня, смущает и ускользает, когда я пытаюсь его удержать. Создал ли я себя сам? Нет, ибо чтобы создать, нужно быть; небытие ничего не создаёт. Следовательно, чтобы создать себя, я должен был существовать до того, как начал существовать — что явно противоречит. Всегда ли я существовал? Я существую сам по себе? Кажется, что не всегда; я знаю своё бытие только через мысль и являюсь мыслящим существом. Если бы я всегда существовал, я всегда бы мыслил; если бы я всегда мыслил, разве я не помнил бы о своих мыслях? То, что я называю памятью, — это то, что делает известным то, о чём думали ранее. Мысли обращаются внутрь себя; так что, мыслить значит осознавать мысль; и после того как мысль проходит, остаётся знание о ней, которое позволяет мне вновь её обнаружить, когда хочу; это то, что я называю воспоминанием. Следовательно, если бы я всегда мыслил, кажется, я помнил бы это.

Однако возможно, что какая-то неизвестная и внешняя причина, нечто могущественное и выше моего, воздействовало на мой ум, чтобы лишить его восприятия прошлых мыслей и вызвать то, что я называю забыванием. Действительно, некоторые мои мысли ускользают от меня так, что я больше их не нахожу; некоторые теряются настолько, что я считаю, что никогда не думал о них.

Но кто же этот чуждый и превосходящий мой ум, который мешал бы моей мысли так возвращаться к себе и осознавать себя, как она делает это естественно? В этой неопределённости я приостанавливаю свой суд, согласно моему правилу, и обращаюсь к другому пути. Существую ли я сам по себе или благодаря другому? Если я существую сам по себе, то я существовал всегда, ибо в себе содержу причину своего существования; то, что делает меня существующим сегодня, должно было делать меня существующим вечно и неизменно. Если же я существую благодаря другому, этого «другого» кто бы он ни был, он вывел меня из небытия в бытие. Говоря о переходе от небытия к бытию, подразумевается последовательность, в которой есть начало существования, и небытие предшествует бытию. Всё сводится к исследованию: существую ли я сам по себе или нет.

23. Принципы для распознавания того, существую ли я сам по себе или нет

Чтобы провести это исследование, я не могу обойтись без одной из моих главных правил, которая служит как бы универсальным ключом ко всей истине — это правило заключается в том, чтобы консультироваться со своими идеями и утверждать только то, что они ясно содержат.

Чтобы разобраться в этом, мне нужно собрать некоторые вещи, которые кажутся мне ясными. Существование, истина и доброта — это лишь одно и то же; вот доказательство. Добро и истина не могут соответствовать небытию, ибо небытие никогда не может быть ни истинным, ни добрым в какой-либо степени; следовательно, истина и доброта могут соответствовать только бытию. Аналогично, бытие может соответствовать только тому, что истинно: то, что полностью ложно, — ничто; а то, что частично ложно, существует лишь частично. То же самое и с добром: то, что лишь немного хорошо, имеет лишь малую степень бытия; что лучше — обладает большей степенью; то, что не имеет доброты, не имеет бытия. Зло — это ничто реально существующее; оно лишь отсутствие добра, как тень — отсутствие света.

Правда, есть вещи очень реальные и позитивные, которые называют плохими, не из-за их реальной и истинной природы, которая по своей сути добра во всём, что она содержит, а из-за лишения некоторых благ, которыми они должны обладать, но не обладают. Следовательно, я не могу ошибаться, полагая, что истина и доброта — это лишь бытие. Поскольку доброта и истина реальны, а другой реальности, кроме бытия, нет, ясно следует, что быть истинным, быть добрым и просто быть — это одно и то же; однако, поскольку я могу представить, что нечто может быть в большей или меньшей степени, я могу также представить, что оно более или менее истинно, более или менее добро.

24. Первое доказательство, выведенное из несовершенства человеческого бытия

Бытие, которое существует само по себе, совершенно. Обратившись к принципам, я возвращаюсь к мысли о бытии, которое существует само по себе, и обнаруживаю, что оно находится в высшей степени совершенства. То, что существует само по себе, вечно и неизменно; оно всегда содержит в себе причину и необходимость собственного существования. Оно не может получать что-либо извне: то, что оно получало бы извне, не могло бы сделать его тем же самым, и, следовательно, не могло бы его совершенствовать; ибо то, что имеет природу передаваемую и изменчивую, не может никогда составить одно целое с тем, что существует само по себе и не подвержено изменениям. Расстояние и несоответствие между такими частями было бы бесконечным; следовательно, они не могли бы вместе составить истинное целое.

Нельзя добавить что-либо к его истине, доброте или совершенству; оно само по себе является всем, чем может быть, и никогда не может быть меньше, чем оно есть. Быть таким значит существовать в высшей степени бытия и, следовательно, в высшей степени истины и совершенства. Если дать мне существование заимствованное и зависимое, и представить его бесконечно совершенным, оно всё равно будет бесконечно ниже того, что существует само по себе. Как велико различие между существом заимствованным, изменчивым, способным терять и приобретать, которое возникло из небытия и может туда вернуться, и существом необходимым, независимым, неизменным, которое не может получать что-либо извне, которое всегда существовало, будет всегда существовать и содержит в себе всё, что должно быть! Поскольку бытие, существующее само по себе, настолько превосходит совершенство всего созданного, оно пребывает в высшей степени бытия и, следовательно, бесконечно совершенна в своей сущности.

25. Существо, мыслящее во мне, не существует само по себе

Остаётся выяснить, то, что я называю «я», мыслящее, разумное и осознающее себя, является ли этим неизменным бытием, существующим само по себе. То, что я называю своим духом, крайне далёко от бесконечного совершенства. Я ошибаюсь, я сомневаюсь, я исправляюсь, по крайней мере, я думаю, что исправляюсь; я сомневаюсь, и часто сомнение, которое является несовершенством, оказывается для меня наилучшей стратегией. Иногда я

люблю свои ошибки, упорствую в них и боюсь их исправить; я впадаю в недобросовестность, говоря противоположное тому, что думаю. Я обучаюсь у других; меня поправляют, и это справедливо; таким образом, я принимаю истину от других. Но ещё хуже: я хочу, не хочу; моя воля изменчива, непостоянна и противоречива самой себе. Могу ли я считать себя совершенно совершенным среди стольких изменений и недостатков, среди стольких невежества и ошибок, как непроизвольных, так и произвольных?

26. Существует вне меня существо необходимое и бесконечно совершенное

Если очевидно, что я не бесконечно совершенен, очевидно и то, что я не существую сам по себе. Если я не существую сам по себе, значит, я существую благодаря другому; я уже ясно признал, что не мог произвести себя сам. Если я существую благодаря другому, то этот другой, который вывел меня из небытия в бытие, должен существовать сам по себе и, следовательно, быть бесконечно совершенен. То, что выводит нечто из небытия в бытие, должно не только существовать само по себе, но и обладать бесконечной мощью сообщать бытие; ведь между небытием и существованием есть бесконечная пропасть. Если что-то может добавлять к бесконечному, то способность создавать добавила бы бесконечно к бесконечному совершенству существа, существующего само по себе; следовательно, это существо, существующее само по себе, благодаря которому я существую, бесконечно совершенен — и это то, что называется Богом.

Все эти положения ясны, и ничто не может остановить меня в их рассуждении. Ведь чему я могу сомневаться? Разве не верно, что существующее само по себе полно и совершенно? Безусловно, это «бытие всего бытия» и, следовательно, бесконечно совершенен. Мой дух не существует сам по себе; он не находится в этом бесконечном совершенстве. Признавая это, я не должен бояться ошибиться; и я ошибся бы крайне грубо, если бы сомневался. Следовательно, несомненно, что я не существую сам по себе, а существую благодаря другому.

Ещё раз: если этот другой возник из небытия, он не мог вывести меня из него. Существо, существующее лишь благодаря другому, не может удерживать бытие само по себе, не говоря уже о том, чтобы даровать его тому, кто его не имеет. Создать то, чего не было, — значит распоряжаться бытием как своим собственным и обладать бесконечной мощью; никакая конечная сила не может сравниться с этой. Следовательно, существо, благодаря которому я существую, находится в высшей степени бытия и могущества; оно бесконечно совершенна, и у меня нет ни малейших оснований для сомнения.

27. Величие этой истины

Итак, наконец, первый луч истины озаряет мои глаза. Но какая это истина? Истина первичного бытия. О, истина, более драгоценная, чем все остальные, которые я мог бы открыть! Истина, заменяющая для меня все остальные! Нет, я больше ничего не игнорирую, ведь я познаю то, что есть всё, и всё, что не является им, ничто. О, универсальная, бесконечная, неизменная истина! Это ты, кого я познаю; это ты создала меня и сделала через себя! Я был бы, как будто меня нет, если бы не знал тебя. Почему я так долго тебя игнорировал? Всё, что я видел без тебя, не было истинным; ибо ничто не может иметь степени истины, кроме тебя, первичной истины. До сих пор я видел лишь тени; моя жизнь была лишь сном.

О, драгоценная истина! О, плодотворная истина! О, единственная истина! В тебе я нахожу всё, и моё любопытство удовлетворено. Из тебя исходят все существа, как из источника; в тебе я нахожу непосредственную причину всего: твою мощь, не имеющую границ, которая оставляет моей созерцательной способности ничтожное пространство. Я держу ключ ко

всем тайнам природы, открыв её Создателя. О чудо, объясняющее всё остальное! Ты непостижима, но делаешь всё понятным; ты непостижима, и я этому радуюсь. Твоя бесконечность удивляет и поражает меня; это моё утешение. Я счастлив опустить глаза, не в силах выдержать блеск твоей славы!

ВТОРОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, ВЫВЕДЕННОЕ ИЗ ИДЕИ БЕСКОНЕЧНОСТИ

28. У нас есть ясная и положительная идея бесконечности

Все, что я наблюдал до сих пор, показывает мне, что во мне есть идея бесконечности и бесконечного совершенства. Правда, я не могу исчерпать бесконечность и полностью её постичь, то есть узнать её в меру своей способности; я не должен удивляться этому, ибо я уже признал, что мой разум конечен, и, следовательно, он не может охватить то, что бесконечно постижимо.

Тем не менее, несомненно, что у меня есть ясная идея бесконечности; я очень отчетливо различаю, что ей соответствует, а что — нет; я никогда не включаю в неё свойства конечных чисел или величин. Сама идея бесконечности не является смутной или отрицательной; ведь бесконечность я не представляю просто как бесконечное исключение всех границ. Говоря о границе, мы отрицаем что-либо; напротив, отрицая это отрицание, мы утверждаем что-то очень положительное. Таким образом, термин «бесконечность», хотя в языке он кажется отрицательным (неконечное), на самом деле очень положителен. Само слово «конечное» истинно отрицательно, ибо граница означает полное отрицание всего, что может быть за ней. Следовательно, мне нужно привыкнуть рассматривать «конечное» как отрицательное, а «бесконечное» — как чрезвычайно положительное.

Даже если я возьму нечто конечное, каким бы огромным оно ни было, и попробую сделать его в воображении «бесконечным» за счёт превосходства всех измеримых величин, оно всё равно останется конечным в моём разуме; я ясно осознаю его границу и понимаю, что оно бесконечно отличается от истинной бесконечности.

Я не только имею идею бесконечности, но и представляю себе бесконечное совершенство. Совершенное и доброе — это одно и то же; доброта и бытие тоже одно. Быть бесконечно добрым и совершенным — значит быть бесконечным. Следовательно, я ясно постигаю бесконечно существующее и бесконечно совершенное существо. Я отчетливо отличаю его от любого ограниченно совершенного существа и никогда не соблазнюсь на «неопределённое совершенство», как не соблазняюсь на неопределённое тело. Следовательно, истина в том, что, хотя я конечен, во мне всегда есть идея, представляющая нечто бесконечное.

29. Эта идея может исходить только от бесконечно совершенного существа

Откуда у меня эта идея, столь возвышающаяся надо мной, превосходящая меня бесконечно, изумляющая меня, заставляющая исчезнуть перед самим собой, делающая бесконечность присутствующей? Откуда она взялась? Из небытия? Ничто конечное не может дать её мне, ибо конечное не представляет бесконечность, с которой оно бесконечно несходно. Если никакое конечное, каким бы великим оно ни было, не может дать мне идею истинного бесконечного, то, как же небытие могло бы её дать?

Очевидно также, что я не мог её создать сам; я, как и всё конечное, ограничен. Я не могу постичь, что изобретаю бесконечность, если никакой её нет; я даже не могу понять, что реально существующая бесконечность за пределами меня могла бы вложить в меня,

ограниченного, подобное отражение своей природы. Следовательно, идея бесконечности пришла ко мне извне, и я удивлён, что она смогла войти.

Откуда берётся это чудесное представление бесконечности, которое само является бесконечным и не похоже ни на что конечное? Оно во мне; оно выше меня; оно кажется всем, а я ничем. Я не могу его стереть, затемнить, уменьшить или противоречить ему. Оно во мне; я не поместил его туда, я нашёл его там, ибо оно уже было до того, как я его искал. Оно остаётся неизменным, даже если я не думаю о нём, а думаю о другом. Я нахожу его всякий раз, когда ищу, и оно появляется, даже если я не ищу. Оно не зависит от меня; это я завишу от него. Если я ошибаюсь, оно возвращает меня на путь; оно исправляет меня, корректирует мои суждения; и, хотя я его изучаю, я не могу ни исправить, ни усомниться, ни судить о нём — оно судит и исправляет меня.

Если то, что я воспринимаю, — это сама бесконечность, немедленно присутствующая в моём разуме, значит, бесконечность одновременно является причиной и объектом этой идеи. Если же это лишь представление бесконечности, оно должно быть бесконечно сходно с истинной бесконечностью, потому что конечное никогда не может быть её истинным образом. Следовательно, истинное представление бесконечности имеет в себе нечто бесконечное, чтобы быть её подобием.

Эта «образная бесконечность» сама по себе — второе божественное присутствие, подобное первому в бесконечном совершенстве. Как оно может быть воспринято и вместиться в моём конечном разуме? Кто создал это бесконечное представление бесконечности, чтобы дать его мне? Оно само себя создало? Нет оригинала, нет причины? Необходимо неизбежно заключить: это бесконечно совершенное существо непосредственно присутствует в моём разуме, когда я его постигаю, и оно само является идеей, которую я имею о нём.

30. Бесконечное существо одновременно является причиной и объектом этой идеи

Я уже обнаружил это, когда признал, что в природе должно существовать существо, существующее само по себе и, следовательно, бесконечно совершенное. Я признал, что я не это существо, ибо я бесконечно ниже бесконечного совершенства. Я признал, что оно вне меня, и что я существую через него. Теперь я понимаю, что оно дало мне представление о себе, заставив меня постичь бесконечное совершенство, в котором невозможно ошибиться; ибо любое ограниченное совершенство, которое встречается мне, я немедленно отвергаю и говорю: «Вы не мой Бог, вы не мое бесконечно совершенное существо, вы не существуете сами по себе; каково бы ни было ваше совершенство, за ним есть предел, и вы ничто».

Но это не относится к моему Богу, который есть всё; Он есть, и не перестает быть; Он есть, и для Него нет ни степени, ни меры; Он есть, и всё существует только через Него. Я постигаю это, и поскольку я постигаю, оно существует; ничто другое не может быть, кроме как через Него. Но удивительно и непостижимо, что я, слабый, ограниченный, несовершенный, могу это понять. Оно должно быть не только объектом моей мысли, но и причиной, заставляющей меня мыслить, как оно является причиной моего бытия, и оно поднимает конечное к мысли о бесконечном.

31. Идея бесконечности в конечном существе — чудо

Вот чудо, которое я всегда ношу в себе. Я сам — чудо. Не будучи ничем, или, по крайней мере, будучи существом заимствованным, ограниченным, преходящим, я держу от бесконечного и неизменного ту бесконечность, которую постигаю; я не могу понять самого себя. Я охватываю всё и не являюсь ничем; я ничто, которое знает бесконечность; мне не хватает слов, чтобы одновременно восхищаться и презирать себя. О, Бог! О, наибольшее

бытие всех существ! О, бытие, перед которым я существую так, словно меня нет! Ты являешься мне; и ничто, что не Ты, не может быть Тебе подобно. Я вижу Тебя: это Ты сам; и этот луч, исходящий от Твоего лица, насыщает моё сердце, ожидая полного дня истины.

ТРЕТЬЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, ВЗЯТОЕ ИЗ ИДЕИ НЕОБХОДИМОГО БЫТИЯ:

32. Надо следовать ясным идеям

Но основное правило всякой уверенности, которое я установил прежде всего, вновь явно открывает мне истину о первом существе. Я сказал, что если разум есть разум, то он состоит только в простой и верной проверке моих идей. Я не могу судить о разуме иначе, и через него я сужу обо всём. Если что-то кажется мне достоверным и очевидным, значит, мои идеи представляют это именно так, и я уже не вольный сомневаться. Если же что-то кажется ложным или абсурдным, значит, мои идеи этому противоречат. Одним словом, во всех моих суждениях — утверждаю ли я что-то или отрицаю — это всегда мои неизменные идеи определяют, что я думаю.

Следовательно, мне остаётся либо навсегда отказаться от всякого разума, чего я не могу сделать, либо без страха следовать своим ясным идеям. Когда я рассуждаю о том, может ли ничто мыслить, мне невольно хочется смеяться, вместо того чтобы исследовать это всерьёз. Почему? Потому что идея мышления явно содержит нечто положительное и реальное, что может принадлежать только бытию. Обычное внимание к этой идее делает мой вопрос явно нелепым. Аналогично и с другими вопросами. Спросите ребёнка четырёх лет, движется ли стол в комнате сам по себе, играет ли он как он сам — он засмеётся, вместо ответа. Спросите грубого крестьянина, дружат ли деревья с ним, давали ли коровы советы по домашним делам, умён ли его плуг — он ответит, что вы шутите. Действительно, все эти вопросы оскорбляют здравый смысл даже самого простого человека.

33. Что такое здравый смысл?

В чём состоит эта нелепость? В чём она точно выражается? Кто-то скажет: в оскорблении здравого смысла. Но что такое здравый смысл? Разве это не первичные понятия, которые все люди имеют одинаково о тех же вещах? Этот здравый смысл, вечно и повсеместно одинаковый, который предотвращает всякое пустое рассуждение, делает исследование некоторых вопросов смешным, заставляет смеяться вместо изучения, ограничивает человека в сомнении, каким бы усилием он ни пытался поставить себя в настоящее сомнение, — разве это не то, что я называю своими идеями? Вот они, эти идеи или общие понятия, которые я не могу ни оспаривать, ни проверять, но через которые я исследую и решаю всё, так что я смеюсь вместо ответа, когда мне предлагают что-либо явно противоречащее этим неизменным идеям.

Этот принцип постоянен, и только его применение может быть ошибочным: то есть нужно без колебаний следовать всем моим ясным идеям, но тщательно избегать принимать за ясную идею ту, которая содержит что-то неясное. И я намерен строго соблюдать это правило в предстоящих размышлениях.

34. Необходимое существо существует в действительности.

Я уже признал, что имею идею бесконечно совершенного существа; я вижу, что это существо существует само по себе, если оно существует; что оно необходимо; его нельзя представить иначе как существующим, потому что его сущность — существовать всегда само по себе. Если мы не можем представить его иначе, кроме как существующим, потому что существование заключено в его сущности, мы не можем представить его как

несуществующее или просто возможное. Ставить его вне актуального существования, в разряд возможного, значит разрушить идею о нём, изменить его сущность: это уже не оно, а другое существо, которое мы ошибочно принимаем за него; это разрушает предпосылку, это противоречие с самим собой.

Следовательно, либо мы полностью отрицаем, что имеем какую-либо идею о необходимом и бесконечно совершенном существе, либо признаём, что мы не можем представить его иначе, как в актуальном существовании, которое составляет его сущность. Если же мы действительно его представляем и не можем иначе — я должен заключить, следуя своему правилу, без страха ошибиться, что оно существует всегда и в настоящем.

35. Я имею идею необходимого существа

Несомненно, я имею идею этого существа, поскольку должно обязательно существовать одно такое. Если я сам не являюсь этим существом, значит, я получил существование через него. Я не только его представляю, но и ясно вижу, что оно должно быть в природе. Либо всё необходимо, либо одно необходимое существо создало всех остальных: в любом случае истинно, что нельзя обойтись без необходимого существа. Я представляю это существо и его необходимость.

36. В идее необходимого существа содержится настоящее существование

Идея, которую я имею, явно содержит настоящее существование. Я отличаю его от любого другого существа именно этим. Только через настоящее существование я его представляю: убери его — оно больше ничто; оставь — оно всё. Таким образом, это наличие явно заключено в его сущности, как существование заключено в мысли. Так же, как мысль предполагает бытие, быть самим по себе означает, что существование актуально и необходимо. Следовательно, простая идея бесконечно совершенного существа заставляет утверждать его актуальное существование, так же как идея моей мысли заставляет утверждать моё текущее существование.

Кто-то может возразить: «Это софизм. Даже если это существо необходимо, как узнать, что оно реально существует?» Такой вопрос показывает непонимание сути и термина. Здесь речь идёт о существовании Бога так же, как мы судим о качествах других существ: по тому, что соответствует их сущности. Если актуальное существование неразрывно с сущностью Бога, как разум неразрывно с человеком, следует заключить, что Бог существует сущностно, с той же уверенностью, с какой мы заключаем, что человек разумен по сути. Как только мы ясно видим, что существование необходимо для существа, мы не останавливаемся на сомнениях: необходимо прийти к заключению, что это существо существует актуально и сущностно, и никогда не может не существовать.

37. Простота этого доказательства — его сила

Если кто-то не понимает этот абстрактный рассудок из-за его предельной простоты и абстрактности, это не уменьшает силу доказательства, а, напротив, усиливает её: ведь оно не основано ни на каких вещах, которые могут обманывать чувства или воображение. Всё сводится к двум правилам: метафизическому — консультироваться с ясными и неизменными идеями, и диалектическому — выводить непосредственные следствия и утверждать точно то, что содержит ясная идея. Те, кто сомневается в такой очевидном заключении, просто не привыкли рассуждать над абстрактным и нечувственным; они попадают в привычное заблуждение, рассуждая о существовании Бога, как о качествах созданий, и не замечают, насколько это абсурдно.

Следует рассуждать о существовании, которое является сущностным, как мы рассуждаем о разуме, который сущностен для человека. Человеку не обязательно существовать, но если он существует, разумность обязательна; так же, для Бога актуальное существование

является сущностным: поэтому следует всегда утверждать о нём, что он существует актуально, поскольку сущности не меняются, а его сущность включает актуальное существование. Если внимательно смотреть на абстрактные вещи, очевидные сами по себе, то мы смеёмся над теми, кто сомневается, так же, как ребёнок смеётся, когда его спрашивают, движется ли стол сам по себе, разговаривает ли камень или разумна ли его кукла.

38. Молитва

Итак, истинно, о, мой Бог, что я нахожу Тебя повсюду. Я уже видел, что в природе должно быть необходимое и самосуществующее существо; что это существо необходимо, бесконечно и совершенно; что я не являюсь этим существом и был сотворён им; это уже было признанием Тебя и нахождением Тебя.

Но я нахожу Тебя ещё и другим способом: Ты, так сказать, выходишь из глубины моего существа со всех сторон. Эта идея, которую я ношу внутри себя о необходимом и бесконечно совершенном существе — что она говорит, если я прислушаюсь к сердцу? Кто поместил её туда, если не Ты? Или, вернее, не являешься ли Ты этой идеей? Может ли ложь и ничто представить мне высшую и универсальную истину? Разве эта бесконечная идея бесконечного в ограниченном уме не печать всемогущего Создателя, которую Он поставил на Своём творении?

Более того, не говорит ли мне эта идея, что Ты всегда актуален и необходимо существуешь, так же как другие мои идеи показывают, что другие вещи существуют или не существуют по Твоей воле? Я вижу столь же ясно Твое необходимое и неизменное существование, как вижу своё заимствованное и подверженное изменениям. Чтобы усомниться, нужно усомниться в самом разуме, который состоит только из идей; нужно отрицать сущность вещей и противоречить самому себе.

Все эти различные пути к Тебе, или нахождения Тебя во мне, связаны и поддерживают друг друга. Так, о, мой Бог, когда нет страха увидеть Тебя и глаза не болят от света, всё служит для того, чтобы открыть Тебя; вся природа говорит только о Тебе: невозможно её представить, не представив Тебя. В Вашем чистом и универсальном свете виден нижестоящий свет, через который освещаются все отдельные объекты.

ГЛАВА III. ОПРОВЕРЖЕНИЕ СПИНОСИЗМА (часть о бесконечной сущности и идее бесконечного совершенства):

39. Может ли бесконечное существо быть совокупностью всех существ?

У меня остаётся одна трудность, которую нужно прояснить: она внезапно возникает и погружает меня в неопределённость. Она выглядит так: у меня есть идея чего-то бесконечно совершенного; это действительно, и я ясно вижу, что эта идея должна иметь реальную основу — должно существовать что-то, что вложило в меня столь высокую идею. Всё, что ниже бесконечного, бесконечно этому несходно и потому не может дать такую идею. Следовательно, идея бесконечного совершенства приходит ко мне через реально существующее существо с бесконечной совершенной природой: это несомненно. Я считал, что нашёл первоисточник с помощью этого доказательства, но не могу ли я ошибаться?

Этот аргумент доказывает, что в природе реально есть нечто бесконечно совершенное; но он не доказывает, что эта бесконечная совершенность отделена от всех существ, которые, кажется, меня окружают. Возможно, множество существ, составляющих так называемую Вселенную, — это бесконечная масса, которая в целом содержит бесконечные

совершенства через своё разнообразие. Возможно, все её части, кажущиеся отдельными, на самом деле неотделимы от целого, и это бесконечное и неделимое целое содержит то бесконечное совершенство, идея которого у меня есть.

Чтобы развить эту мысль о неделимости целого, я представляю себе, что разделение частей не должно заставлять меня заключать, что какая-либо часть может быть когда-либо отделена от целого. Разделение частей — это всего лишь изменение положения, а не реальное деление. Чтобы части были реально разделены, они должны были бы перестать составлять одно целое. Пока одна часть, находящаяся на крайнем расстоянии от другой, связана с ней через все промежуточные части, нельзя говорить о реальном делении. Чтобы реально отделить часть от остальных, нужно вставить между ними реальное пространство — а это невозможно, если целое бесконечно: ведь где найти пустое пространство за пределами бесконечного? Следовательно, бесконечное целое будет неделимым как единое, хотя его части, рассматриваемые относительно соседних, могут казаться разделёнными.

Пример: круглый объект, вращающийся вокруг своей оси, остаётся неподвижным как единое целое, хотя каждая его часть находится в движении. Это даёт представление о моей мысли, хотя пример несовершенен: поверхность объекта взаимодействует с соседними телами, и всё тело изменяет положение. Для бесконечной массы ситуация иная: у неё нет границ и поверхности, она не соотносится с внешними телами; следовательно, как единое целое она неподвижна, хотя конечные части в своих отношениях друг к другу находятся в непрерывном движении.

Так бесконечное целое содержит все совершенства простой и неделимой природы и все чудеса природы делимой и изменчивой. Целое одно и неизменно по своей бесконечности; части бесконечно умножаются, создавая бесконечное разнообразие комбинаций. Одно и то же проявляется во всех возможных формах: это плодородие различных природ, где всё ново, всё вечно, всё изменчиво, всё неизменно. Разве не это собрание, это бесконечное целое, неделимое и неизменное, дало мне идею бесконечного совершенства? Зачем искать его где-то ещё, если так легко найти здесь? Зачем добавлять к окружающей меня Вселенной другую непостижимую природу, которую я называю Богом?

40 и 41. Бесконечное совершенство не может быть изменчивым и переменчивым

Вот, кажется, наибольшая трудность, и я искренне не упускаю ничего, что может её усилить; но при внимательном рассмотрении она растворяется. Если я предполагаю Вселенную бесконечной, я неизбежно верю, что целое изменчиво, если все отдельные части изменчивы. Правда, в такой бесконечной Вселенной нет поверхности или границы, которая вращалась бы, как окружность круга с неподвижным центром; но, поскольку все части этого бесконечного целого находятся в движении, то целое тоже должно находиться в движении, ведь целое — это просто собрание частей.

Нужно различать два вида движения: внешнее и внутреннее. Например, катим шар по плоскости — это внешнее движение: шар покидает одно место, чтобы попасть в другое. Такой вселенной, если она бесконечна, невозможно менять место целиком. Но в кастрюле кипящая вода движется внутренне: вода движется быстро, оставаясь в том же пространстве. Всё внутреннее движение создаёт перемены и отношения, подобные генерациям и разрушениям веществ.

Однако очевидно, что всё изменчивое целое не может соответствовать моей идее бесконечного совершенства; ведь простое, неизменное существо, без частей и границ, без изменений, включающее все совершенства в своей неподвижной простоте, гораздо совершеннее, чем бесконечное собрание изменчивых конечных существ. Следовательно,

очевидно, что идею бесконечно совершенного существа нужно искать в простой и неделимой природе, а не в хаосе, который поддерживается лишь непрерывными изменениями.

42. Составное не может быть бесконечным

Во-первых, нужно честно признать, что совокупность частей, реально различимых друг от друга, не может быть той суверенной и бесконечной единицей, идея которой у меня есть. Если бы это целое было действительно единым и простым, следовало бы сказать, что каждая часть — это целое. Но если каждая часть была бы целым, то она должна была бы быть реально бесконечной, неделимой, неподвижной, неизменной, не имеющей ни границ, ни изменений. Напротив, каждая часть ограничена, несовершенна, изменчива и подвержена множеству последовательных изменений.

Если предположить идентичность всех частей с целым, придётся признать явные абсурды: части перестают быть частями и становятся друг другом. Тогда воздух станет водой, небо — землёй, ночь и день будут смешаны, лёд горячим, огонь холодным, камень станет деревом, стекло — мрамором, а форма одного тела станет одновременно круглой, квадратной, треугольной и любой другой. Мои ошибки станут чужими, мои убеждения смешаются с чужими: я одновременно буду добродетельным и порочным, мудрым и глупым, знающим и незнающим.

Короче говоря, если бы все тела и мысли вселенной составляли одно простое, неделимое существо, пришлось бы спутать все идеи, смешать все свойства и отказаться от всех различий. Каждому телу пришлось бы приписывать мысли, а каждой мысли — телесные свойства; каждая часть должна была бы быть всем целым и одновременно каждой другой частью — чудовище, вызывающее ужас и смущение разума. Таким образом, очевидно, что составное существо не может быть бесконечным. Если целое — это сумма частей с их ограничениями и независимым существованием, оно ограничено. Если бы целое было бесконечным, оно должно быть совершенно единым и простым; тогда оно действительно было бы бесконечно совершенным.

43. Составное не может быть бесконечным (продолжение)

Если не признавать реальную идентичность всех существ вселенной, нельзя сделать из них реально единое целое, и следовательно нельзя получить бесконечное или совершенное. Каждое существо существует независимо. Если бы отдельный атом существовал сам по себе, он должен был бы быть бесконечно совершенен, ведь высшая степень бытия — это бытие в себе. Но ни один атом не бесконечно совершенен, поскольку совершенство достигается только в совокупности всей материи; значит, отдельный атом не может существовать сам по себе. Если он не существует сам по себе, он существует через другое, этим «другим» и является первая причина, которую мы ищем.

Также из этого следует, что всё составное должно иметь границы. Существо, полностью единое и простое, может быть бесконечным, потому что его единство не ограничено; наоборот, чем более оно едино, тем более совершенен. Но составное, имеющее конечные части, которые не идентичны друг другу и существуют независимо, можно представить без одной из частей; целое без этой части меньше, а меньшее не бесконечно. Нельзя создать бесконечное из конечного, просто добавив к нему ещё одну конечную часть. Вывод: всё составное не может быть бесконечным. Любое целое из реально различимых и измеримых частей всегда будет конечным. Любое число единиц, образующих совокупность, не может быть бесконечным.

44. Не может быть нескольких бесконечных

Попытка уклониться от этого рассуждения, утверждая, что в бесконечном есть бесконечности бесконечностей, — это ловкий трюк. Истинное понимание бесконечности показывает, что не может быть «больше» или «меньше», потому что бесконечное не поддаётся измерению. Думать, что несколько бесконечных больше одного, — это умалять бесконечное, потому что несколько не добавляют ничего к одному. Следствие: все составные «бесконечности» противоречат сами себе и не могут быть ни бесконечными, ни совершенными. Чтобы реализовать идею бесконечного совершенства, необходимо обратиться к простоте и единству: чем больше составных частей, тем слабее совершенство, которое они дают.

45. Идеи состава и бесконечного совершенства несовместимы

Я признал истину, в которой нельзя сомневаться: бытие и добродетель или совершенство — это одно и то же. Совершенство — это нечто положительное; несовершенство — лишь отсутствие положительного. Но единственное реально существующее и положительное — это бытие. Всё, что не является бытием, — ничто.

- Уменьшишь совершенство — уменьшаешь бытие.
- Уберёшь его полностью — уничтожаешь бытие.
- Увеличишь совершенство — увеличиваешь бытие.

Следовательно: малое — мало совершенное, большее — более совершенное, бесконечное — бесконечно совершенное.

Если бы существовало бесконечное составное, оно должно было бы обладать бесконечным совершенством. Но поскольку оно составное, оно не образует единую простую сущность, которой можно было бы приписать все совершенства частей. Вывод: составное бесконечное — абсурд, противоречие; оно не может быть по-настоящему бесконечно совершенным, поскольку отдельное простое существо было бы бесконечно совершеннее.

46. Состав несовместим с бесконечным совершенством (продолжение)

Чтобы убедиться, я беру совокупность всех тел, называемую вселенной, и предполагаю её бесконечной. Если она бесконечна в бытии, она должна быть бесконечна и в совершенстве. Но можно ли сказать, что бесконечная масса тел — бесконечно совершенна? Нет: эта масса, хотя и огромна, не осознаёт себя. То, что мыслит и познаёт себя, обладает большей степенью совершенства. Даже если допустить, что материальные тела могут мыслить, бесконечная масса вселенной всё равно не мыслит; мысль есть только у организованных существ. И эта мыслящая часть — более совершенна, чем остальная бесконечная масса.

Даже если представить бесконечное число мыслящих существ, снова возникают те же трудности: одно не идентично другому, можно удалить одно, не уничтожив остальные — и бесконечность исчезает. Все эти мыслящие существа несовершенны, могут ошибаться, сомневаться, противоречить себе. Какой смысл в таком «бесконечном совершенстве», если оно полно явных несовершенств?

47. Необходимо простое, неизменное бесконечное

Следовательно, мне необходимо другое бесконечное, чтобы удовлетворить идею, присутствующую во мне: бесконечное простое и неделимое, неизменное и без всяких модификаций — одно и всегда одинаковое. Всё, что не действительно неизменно, не

является единым: оно иногда одно, иногда другое — значит, это не одно существо, а несколько последовательных. Всё, что делимо, не является истинным и реальным бытием; это лишь состав и соотношение различных существ. Реальность бытия достигается только через истинное единство. Существо, существующее в высшей степени, должно быть единым и совершенным. Вывод: составное не может быть суверенно; искать истинное бесконечное нужно в совершенной простоте.

48. Молитва

«О, мое сокровище! О, бесконечная Единица, превосходящая все множества! Я потерял Тебя на мгновение, и это было хуже, чем потерять самого себя. Но теперь я нахожу Тебя с большей ясностью, чем когда-либо. Туча сомнений заслоняла мои глаза на мгновение, но твои лучи, о, вечная Истина, пробили её. Ничто не может наполнить мою идею, кроме Тебя, Единицы, перед которой все собранные числа — ничто. Я вновь вижу Тебя, и Ты меня наполняешь. Все ложные бесконечности оставались пустыми. В глубине сердца я буду вечно петь: кто равен Тебе?»

ГЛАВА IV. НОВОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА, ВЫВЕДЕННОЕ ИЗ ПРИРОДЫ ИДЕЙ

49. Что такое идея

Уже некоторое время я рассуждаю о своих идеях, не разобравшись до конца, что же такое идея: это, без сомнения, то, что мне наиболее близко, и в то же время, возможно, то, что я знаю меньше всего. В определённом смысле мои идеи — это я сам, ведь они — моя разумность. Когда какое-либо утверждение противоречит моим идеям, я ощущаю, что оно противоречит всему моему «я», и нет во мне ничего, что бы с ним согласилось. Так мои идеи и глубинная сущность моего «я» или моего разума кажутся мне одним и тем же. С другой стороны, мой разум изменчив, не определён, невежественен, склонен к ошибкам, делает поспешные выводы, привыкает верить тому, что он не понимает ясно, и судить, не обратившись должным образом к своим идеям, которые сами по себе верны и неизменны. Следовательно, идеи — это не я, и я не мои идеи.

Что же я должен думать о том, чем они являются? Они не являются отдельными существами, которые мне кажутся вокруг меня; ибо кто знает, реальны ли эти существа вне меня? Зато я не могу сомневаться в том, что идеи, которые я ношу в себе, очень реальны. Кроме того, все эти существа уникальны, случайны, изменчивы и мимолётны: мои идеи же универсальны, необходимы, вечны и неизменны. Даже если бы меня больше не было, чтобы размышлять об эссенциях вещей, их истина не перестала бы существовать: всегда будет верно, что ничто не мыслит, что одно и то же не может одновременно быть и не быть, что существовать самодостаточно более совершено, чем существовать через другого. Эти общие объекты неизменны и всегда доступны каждому, кто способен их увидеть: пусть у них и нет зрителей, но будь они видимы или нет, они всегда одинаково реальны.

Следовательно, эти истины, всегда присутствующие для любого открытого взгляда, не являются той ничтожной массой единичных и изменчивых существ, которые не существовали всегда и начинают существовать лишь на мгновения. Где же вы, мои идеи, столь близкие и столь далекие от меня, которые не я и не то, что меня окружает, поскольку то, что окружает меня, и то, что я называю «я», так несовершенно?

50. Всё, что есть универсальная идея, есть Бог сам

Что ж! Мои идеи — это Бог? Они выше моего разума, так как исправляют и улучшают его. В них присутствует характер Божества, ведь они универсальны и неизменны, как Бог. Они существуют по-настоящему, согласно принципу, который мы уже устанавливали: истинно

существует то, что универсально и неизменно. Если то, что изменчиво и временно, действительно существует, тем более должно существовать то, что неизменно и необходимо.

Следовательно, в природе должно быть нечто существующее и реальное, что соответствует моим идеям, что находится во мне, но не является мной, что выше меня, присутствует во мне даже тогда, когда я о нём не думаю; с чем я верю быть одиноким, будто я только с самим собой; и что, тем не менее, более присутствует и ближе мне, чем моё собственное внутреннее «я». Эта неведомая, удивительная и близкая сущность не может быть не чем иным, как Богом. Итак, универсальная и неделимая истина показывает мне частями все истины, которые я должен постичь.

Это во многом тонко и изощрённо, хотя и не строго философски. Как можно представить нечто более близкое, чем я сам? Что такое «неведомое удивительное»? Что такое универсальная истина, показывающая все истины? В бесконечности я вижу конечное: придавая бесконечности различные границы, я, так сказать, создаю для Творца различные ограниченные и ограниченные сущности. Тот же Бог, который даёт мне бытие, даёт мне и мысль, ибо мысль — это моё бытие. Тот же Бог, который делает меня способным мыслить, не только причина моей мысли, но и её непосредственный объект; Он одновременно бесконечно разумен и бесконечно постижим.

Как универсальный разум, Он черпает из небытия всякое актуальное познание; как бесконечно постижимый, Он является непосредственным объектом всякого актуального познания. Всё поэтому соотносится с Ним: разум и постижимость подобны бытию; ничто не существует без Него; следовательно, ничто не разумно и не постижимо иначе, как через Него. Но разум и постижимость реальны в существах, так же как и бытие; т.е. они существуют в творениях, потому что творения реально существуют. Всё, что есть универсальная и абстрактная истина, есть идея. Всё, что есть идея, есть Бог сам, как я уже признал.

51. Трудности, возникающие при этом утверждении

Остаётся объяснить несколько вещей:

- Как, будучи совершенным, Бог может давать нам несовершенные идеи;
- Как наши идеи, если они есть Бог, который прост, неделим и бесконечен, могут быть различны между собой и иметь определённые границы;
- Как мы можем познавать ограниченные сущности в существе, которое не может иметь границ;
- Как мы можем познавать отдельные индивидуальные существа, которые ничем не похожи на универсальные идеи, и которые, будучи очень реальными, содержат в себе собственную истину и постижимость.

52. Решение этих трудностей

Сначала необходимо предположить, что существо, существующее само по себе и дающее бытие всему остальному, содержит в себе полноту и совокупность бытия. Можно сказать, что оно абсолютно и максимально «существенно». Говоря о «максимальном бытии», я не имею в виду наибольшее количество существ; если бы оно было множественным, оно было бы несовершенным. Среди равных, одно всегда лучше, чем несколько. Множество не может создать совершенное единство. Говоря о множестве реально отличных частей, мы подразумеваем вещи, которые могут существовать отдельно и чьё объединение случайно; следовательно, целое может уменьшиться и даже полностью разрушиться, что неприемлемо для бесконечно совершенного существа.

Такое существо необходимо представить неизменным, чьё совершенство не может уменьшаться. Его следует представлять подлинно единым, подлинно простым, без состава, без деления, без числа, без последовательности и неделимым. Это совершенное единство эквивалентно бесконечному множеству, или, точнее, превосходит его бесконечно, поскольку никакое множество, как я уже отмечал, не может быть концептуально абсолютно совершенным.

Тем не менее, я имею идею о бесконечно совершенном существе: эта идея исключает всякий состав и делимость; она содержит в себе, по сути, совершенное единство. Следовательно, первое существо следует понимать как «всё» (non plures, sed plus omnibus) — не как множество, а как высшее во всём. Если оно бесконечно превосходит всё, но при этом остаётся единым, оно должно содержать в себе степени совершенства, которые не могут существовать в множестве. Иными словами, единое должно обладать бесконечно высокими степенями совершенства, которые бесконечно превосходят любое множество, каким бы большим и совершенным оно ни казалось.

53. Бог видит в Себе бесконечное множество степеней совершенства

Итак, если можно так выразиться, именно по степеням интенсивного совершенства, а не по множеству частей или совершенств, следует вознести Первое Существо до бесконечности. При этом я утверждаю, что Бог видит в Себе бесконечное множество степеней совершенства, которые являются правилом и образцом бесконечного числа возможных существ, которые Он может вывести из небытия. Эти степени не имеют реального различия между собой; мы называем их степенями, потому что, как можем, говорим о бесконечно простом Бытии, а человек, конечный и грубый, всегда спотыкается, когда говорит о бесконечном.

Существо, существующее вседостаточно и бесконечно, может своей бесконечной сущностью вызвать к существованию то, чего нет. Бесконечно совершенному существу чего-то не хватало бы, если бы оно не могло порождать что-либо вне Себя. Ничто так не характеризует бытие само по себе, как способность вывести из небытия и привести к актуальному существованию. Эта всемогущая плодовитость, чем более непостижима для нас, тем ярче и сильнее характеризует бесконечное Существо.

Это Существо, существующее бесконечно, видит, поднимаясь к бесконечности, все различные степени, которым Оно может сообщать бытие. Каждая возможная степень коммуникации образует возможную эссенцию, соответствующую этой степени бытия, которая в Боге неделима со всеми остальными. Эти бесконечные степени, неделимые в Нем, могут делиться до бесконечности в творениях, создавая бесконечное разнообразие видов. Каждый вид будет ограничен в степени бытия, соответствующей этим бесконечным и неделимым степеням, которые Бог знает в Себе.

Эти степени, которые Бог видит в Себе ясно и видит вечно одинаково, потому что они неизменны, — это постоянные модели всего, что Он может создать вне Себя. Вот источник настоящих универсалий, родов, различий и видов; и одновременно — неизменные модели Божьих дел, которые мы используем для того, чтобы быть разумными. Когда Бог показывает нам в Себе эти различные степени с их свойствами и вечными отношениями между ними, это сама бесконечная истина Бога является непосредственным объектом нашего восприятия, показывая пределы или степени, которым Он может сообщать свое бытие.

54. Почему наши идеи несовершенны

Восприятие этих степеней бытия Бога — это то, что мы называем консультацией наших идей. Исходя из этого, легко понять, почему наши идеи несовершенны. Бог не показывает нам все бесконечные степени бытия в Себе; Он ограничивает нас лишь теми, которые мы

должны познавать в этой жизни. Таким образом, мы видим бесконечность только ограниченно, через те степени или пределы, которым Она может сообщать Себя в творении.

Следовательно, у нас лишь небольшое число идей, каждая из которых ограничена определенной степенью бытия. Правда, мы видим эту степень бытия, которая образует род или вид, абстрагированно от любого изменчивого индивида, и с универсальностью без пределов; но этот универсальный род не является высшим родом; это лишь конечная степень бытия, которую можно бесконечно сообщать индивидам, которых Бог пожелает породить в этой степени.

Так наши идеи — это постоянная смесь бесконечного бытия Бога, которое является нашим объектом, и пределов, которые Он всегда дает каждому творению, хотя Его плодовитость способна создавать существа бесконечно. Таким образом, даже несовершенные в вышеуказанном смысле, наши идеи всё же содержат Бога. Это бесконечный разум Бога и Его неизменная истина, которая предстает перед нами в различных степенях, в соответствии с нашей ограниченной мерой.

Кроме того, среди бесконечных степеней бытия, которые составляют все эссенции возможных творений, Бог показывает нам лишь те, которые Ему угодно, согласно правилам, которые Он хочет, чтобы мы использовали. Например, в моем сознании существуют идеи лишь двух видов субстанций: мыслящих и протяженных. Для мыслящей природы я знаю, что она существует, поскольку я существую сейчас; но я пока не знаю, существует ли она вне меня. Для протяженной природы, которую я называю телом, я знаю, что у меня есть идея о ней; но я всё ещё сомневаюсь, существуют ли реальные тела в природе.

Следовательно, Бог, давая нам идеи, показывает лишь, так сказать, часть Себя. Не то чтобы Он был делим в своей субстанции; но так как Его сущность способна сообщать себя вне Себя с некой «разделимостью» по степеням, ограниченная способность, такая как наш разум, получает облегчение, рассматривая её в этом делении по степеням. Также можно обвинять наши идеи в несовершенстве из-за того, что мы часто ошибаемся. Но ошибки не происходят от самих идей; ведь идеи истинны и неизменны: следуя им, мы не познали бы всей истины, но никогда не поверили бы в ложное. У нас есть ясные идеи и смутные. Что касается смутных, следует сохранять приостановку сомнения; что касается ясных — нужно либо отказаться от всякого разума, либо решать так, как они показывают, без страха ошибиться.

55. Откуда берутся наши ошибки

Откуда берутся ошибки? Из поспешности наших суждений. Приостановка сомнения — это пытка: мы не хотим надолго подчиняться ни тяжести исследования неясного, ни тревоге, связанной с сомнением. Мы полагаем, что, решая хорошо или плохо, мы преодолеваем трудности и обманываем себя, думая, что распутали узел. Недостаток истины, её тень, льстит и развлекает нас. После того как мы опрометчиво вынесли суждение по смутным идеям, которые предупреждали нас не судить, мы бросаемся в противоположность, не зная почему; мы становимся подозрительными и нерешительными. Нам не хватает сил, чтобы полностью следовать разуму. Мы ясно видим, что он содержит, но не осмеливаемся сделать вывод; мы сомневаемся, как будто обладаем внутри собой более разумным принципом, чем сам разум. Так мы не обмануты; но всё время обманываем сами себя — либо, решая по смутным идеям, либо недостаточно консультируясь с ясными, либо отвергая по неопределенности то, что ясные идеи открыли нам.

56. Заключение

Считаю, что этими рассуждениями я прояснил четыре основные трудности, которые ставил ранее. Следовательно, все наши универсальные знания, которые мы называем консультацией идей, имеют непосредственным объектом Бога, но Бога, рассмотренного с

определённой точностью относительно различных степеней, через которые Он может сообщать своё бытие; так же, как мы иногда делим Его умом, чтобы различать Его атрибуты, не отрицая Его верховной простоты.

57. Как Бог присутствует в нашей душе

Если кто спросит меня, как Бог присутствует в душе; какой вид, какой образ или какой свет Его обнаруживают, я отвечу, что Он не нуждается ни в виде, ни в образе, ни в свете. Верховная истина абсолютно постижима: сущее само по себе постижимо; бесконечное сущее присутствует везде. Средство, через которое, как бы предполагалось, Бог присутствовал бы в моём разуме, не могло бы быть существом само по себе; оно могло бы существовать лишь через творение: не будучи само по себе, оно не было бы постижимо само по себе и было бы постижимо лишь через Создателя. Таким образом, вдали от того чтобы служить средством, образом или светом для Бога, оно наоборот требовало бы, чтобы Бог использовал его для Себя. Следовательно, я могу представить, что только Бог, интимно присутствующий в своей бесконечной истине и абсолютно постижимый самим собой, предстает непосредственно мне.

58. Как мы познаём индивидов

Остаётся одна трудность, которую стоит прояснить: как я познаю индивидов. Универсальные, необходимые и неизменные идеи не могут их представлять, так как они ни в чём им не подобны, будучи случайными, изменчивыми и частными. Кроме того, поскольку у них есть реальное и собственное бытие, им присущи истина и познаваемость, которые не совпадают с истиной и познаваемостью Бога; иначе мы бы познавали Бога, когда думаем, что познаём творение.

На это я отвечаю, что познаваемость — это ничто иное, как истина, а истина — это ничто иное, как бытие. Когда мы рассматриваем что-то универсальное, необходимое и неизменное, мы непосредственно рассматриваем высшее бытие, так как только ему это подходит. Когда я рассматриваю что-то единичное, которое не истинно, не познаваемо и не существует само по себе, но обладает действительной и собственной познаваемостью через общение, я уже не постигаю высшее бытие, так как оно не единично, не создано и не подвержено изменению. Следовательно, я наблюдаю изменчивое и созданное существо в нём самом.

Бог, создавая меня и это существо, даёт ему действительную и собственную познаваемость одновременно с тем, как Он даёт мне действительное и собственное понимание. Этого нам достаточно, и я не могу постичь ничего большего. Если меня спросят, как конкретное существо может быть присутствующим в моём разуме и кто определяет мой разум воспринимать его прежде другого, я отвечаю: верно, что после того как я постигаю моё текущее понимание и текущее постижение этого индивида, я всё ещё остаюсь безразличным к тому, видеть его прежде другого; но то, что устраняет это безразличие, — это Бог, который изменяет мою мысль по своему усмотрению.

59. Сравнение для объяснения вышеизложенного

Чтобы пояснить это, я воспользуюсь сравнением из природы телесного; не для того чтобы утверждать существование тел, ведь нет ничего очевидного, что выводило бы меня из сомнения относительно материи, а лишь для того, чтобы рассуждать о видимости тел и об идеях их возможности, не решая их актуального существования.

Предположим тело, способное своими размерами соответствовать поверхности, способной принять это тело. Это не значит, что тело действительно находится в этом месте, оно может быть где угодно, и ничего из того, что мы видели, не определяет его положение. Что же нужно, чтобы его туда определить? Необходимо, чтобы Бог, который вновь создаёт Своё творение в каждый момент, определил это тело, в момент его создания, соответствовать этой поверхности, а не другой.

Бог, давая бытие в каждом мгновении, даёт также способ и обстоятельства бытия. Например, Он создаёт тело A рядом с телом B, а не с телом C, потому что само по себе тело безразлично к этим различным соотношениям. Таким образом, одно и то же действие Бога, которое создаёт тело, определяет его текущее положение. Тот же, кто его создаёт, изменяет его и делает соседним с тем телом, которое Ему угодно.

Аналогично, когда Бог выводит из небытия разумную силу и формирует познаваемые существа, не следует, что одно из этих разумных существ должно быть объектом разума прежде другого. Сила не может быть определена объектами, так как мы предполагаем их одинаково познаваемыми; она определяется Богом, который изменяет её по своему усмотрению. Бог определяет её к конкретному объекту мысли так же, как определяет тело к соответствию определённой поверхности.

Если бы тело было бесконечно, оно было бы везде, не имело бы границ и, следовательно, не было бы ограничено никакой поверхностью. Точно так же если бы мой разум был бесконечен, он охватывал бы всю познаваемую истину и не был бы ограничен каким-либо конкретным объектом. Поскольку же я познаю и то, и другое как ограниченное, необходимо, чтобы Бог создавал в каждый момент и тело, и разум с определёнными границами: границей протяжённости — место; границей разума — конкретный объект. Так я понимаю, что именно Бог делает объекты присутствующими для меня.

60. Что такое индивид

Остаётся ещё одна трудность — понять, что такое индивид. Всё остальное состоит из универсальных и неизменных истин, которые я называю идеями и которые есть сам Бог. Но они не являются единичным существом; и в этом единичном существе я наблюдаю два аспекта:

- Его актуальное существование, которое случайно и изменчиво;
- Его соответствие определённой степени бытия, существующей в Боге, которое этот индивид представляет собой через коммуникацию. Это соответствие — вид этого существа, и оно входит в универсальные идеи.

Что касается актуального существования, я не могу его объяснить; у меня нет более ясного термина для определения этого. Не стоит возражать, что два индивида не могут быть различны лишь по актуальному существованию, которое, наоборот, им обще, так как оба существуют в данный момент. Это легко разобрать как софизм.

Актуальное существование можно понимать как в родовом, так и в индивидуальном смысле. В родовом смысле оно не является последней различительной характеристикой существа; наоборот, это высший и самый универсальный род. Если рассматривать актуальное существование без абстракции, верно сказать, что именно оно отличает одно существо от другого. Актуальное существование моего соседа не есть моё; моё не есть его; одно полностью независимо от другого. Эта взаимная независимость показывает полное различие и является настоящей индивидуальной разницей. Эта актуальная и независимая от других существующая реальность — это единичное существо или индивид. Это единичное существо истинно и познаваемо в мере, в которой оно существует через

коммуникацию. Оно познаваемо, я могу понимать его, и Бог направляет мой ограниченный разум к этому познаваемому объекту, а не к другому.

Следовательно, непосредственным объектом всех моих универсальных знаний является сам Бог, а единичное или созданное индивидное существо, хотя и коммуникационное, остаётся объектом моих непосредственных частных знаний.

61. Мы видим всё в Боге

Так я вижу Бога во всём, или, точнее, именно в Боге я вижу все вещи, потому что я не знаю ничего, не различаю и не убеждаюсь ни в чём иначе, как через свои идеи. Даже познание отдельных существ, где Бог не является непосредственным объектом моей мысли, возможно, лишь постольку, поскольку Бог даёт этому существу познаваемость, а мне — актуальное понимание. Следовательно, в свете Бога я вижу всё, что может быть увидено.

62. Природа и величие этого видения

Но какая разница между этим светом и тем, что, как мне кажется, освещает тела! Это день без облаков и теней, без ночи, лучи которого не ослабевают с расстоянием. Это свет, который не освещает лишь открытые и здоровые глаза; он открывает, очищает и формирует глаза, которые должны быть достойны его видения. Он распространяется не только на объекты, чтобы сделать их видимыми; он делает их истинными, и без него ничто не является подлинным, ибо именно он делает всё, что показывает. Этот свет одновременно является светом и истиной, потому что универсальная истина не нуждается в заимствованных лучах, чтобы сиять.

Не нужно искать этот свет вне себя: каждый находит его в себе; он одинаков для всех. Он одинаково открывает всё; он являет себя всем людям во всех уголках вселенной. Он помещает в нас то, что находится в самой дальней дали; он позволяет нам судить о том, что за морями и на краях земли, через то, что внутри нас. Он не есть мы сами; он не принадлежит нам; он бесконечно выше нас. И всё же он так близок и так интимен, что мы всегда находим его рядом с собой, почти как с самим собой. Мы даже привыкаем по недомыслию полагать, что он ничем не отличается от нас. Он часто примиряет нас с самим собой: он никогда не иссякает, никогда не обманывает нас; а мы ошибаемся лишь потому, что не обращаем на него достаточно внимания или решаем слишком поспешно, когда он не решает за нас.

63. Молитва

О, Истина, о Свет, все видят лишь через Тебя; но мало кто видит Тебя и узнаёт! Все объекты природы видны только через Тебя, и, тем не менее, сомневаются, существуешь ли Ты! Через Твои лучи различаются все Твари, и всё же сомневаются, сияешь ли Ты! Поистине Ты светишь во тьме; но тьма не постигает Тебя и не хочет познавать Тебя. О, нежный Свет! Счастлив тот, кто видит Тебя! Счастлив, говорю, через Тебя! Ведь Ты — Истина и Жизнь Тебя не видит, тот слеп; и этого мало — он мёртв. Даруй мне глаза, чтобы видеть Тебя, сердце, чтобы любить Тебя. Пусть я вижу Тебя, и пусть я не вижу больше ничего, кроме Тебя, и всё будет достигнуто для меня! Я насыщен, как только Ты являешься.

ГЛАВА V. О ПРИРОДЕ И АТРИБУТАХ (СВОЙСТВАХ) БОГА

64. Превосходство божественного существа

Я познал Первое Существо, которое создало всё, что не есть оно само; но этого мало, чтобы я достаточно размышлял о том, что оно есть, и о том, как всё остальное существует через него. Я сказал, что оно — бесконечное бытие, но бесконечное по интенсивности, как говорит Школа, а не по количеству: то, что едино, более, чем то, что множественно. Единичность может быть совершенной, множественность — нет, как мы видели. Я представляю Существо, которое в высшей степени едино, и одновременно в высшей степени всё, оно не является формально ни одной отдельной вещью, но эминентно охватывает всё сущее в целом. Оно не может быть ограничено каким-либо способом существования.

65. Истинное имя Бога — Бытие

Быть какой-либо определённой вещью — значит быть только этой вещью. Когда я говорю, что бесконечное бытие есть просто Бытие, без добавления чего-либо, я сказал всё. Его отличительная черта — отсутствие различий. Слово «бесконечный», которое я добавил, не придаёт ему ничего реального; это почти избыточный термин, данный лишь по привычке и воображению людей. Слова следует добавлять только тогда, когда они обогащают смысл вещей. Здесь же, добавляя к слову «Бытие», мы уменьшаем его смысл, а не увеличиваем: чем больше добавляем, тем сильнее ограничиваем первоначальную простоту и безграничность.

Кто говорит о Бытии без ограничений, тот захватывает бесконечность; и нет нужды говорить «бесконечное», если к универсальному роду не добавлено никакой разницы для сужения до вида или низшего рода. Следовательно, Бог есть Бытие; и я, наконец, понимаю великое слово Моисея: «Тот, кто есть, послал меня к вам». Бытие — это Его сущностное Имя, славное, несообщаемое, непостижимое для большинства.

66. Все виды бытия находятся в Боге

Я представляю две разновидности бытия: мыслящее бытие и протяжённое бытие. Пусть протяжённое бытие существует реально или нет — я всё равно имею о нём представление. Но так как это представление не содержит актуального существования, оно может не существовать, хотя я его мысленно сознаю. Кроме этих двух видов бытия, Бог может извлечь из ничто бесконечное множество других, о которых мне неизвестно; Он может создавать существа, соответствующие различным степеням бытия, содержащимся в Нём, вплоть до бесконечности. Все эти виды бытия находятся в Нём, как в их источнике. Всё, что есть бытия, истины и добра в каждой из этих возможных сущностей, исходит от Него, и они возможны лишь постольку, поскольку их степень бытия уже содержится в Боге.

Следовательно, Бог действительно содержит в Себе всё реальное и положительное в духах, телах и других возможных сущностях, о которых у меня нет отдельного представления. Он содержит всё бытие тела, не будучи ограниченным телом; всё бытие духа, не будучи ограниченным духом; и так же всех прочих возможных сущностей. Он настолько всё сущее, что имеет всё бытие каждой своей твари, но без ограничения, которое её сдерживает.

Если убрать все ограничения и различия, которые сжимают бытие в виды, мы остаёмся в универсальности бытия, и, следовательно, в бесконечном совершенстве бытия в себе.

Из этого следует, что бесконечное бытие не может быть сжато ни в какой вид; Бог не более дух, чем тело, и не более тело, чем дух. Правильнее сказать: Он не является ни тем, ни другим, ибо обозначение этих двух видов вещества предполагает точное различие бытия, а

следовательно — границу, которая никогда не может соответствовать универсальному бытию.

67. В каком смысле Писание называет Бога духом

Почему же говорят, что Бог есть дух, и Писание так утверждает? Это для того, чтобы простым людям было понятно, что Бог не телесен, что Он не ограничен материальной природой; также чтобы показать, что Он разумен, как дух, и содержит всё положительное, то есть все совершенства мысли, хотя не имеет её границ. Но когда Моисей посылается с объявлением имени Божия, он не говорит: «Тот, кто есть дух, послал меня к вам», а просто: «Тот, кто есть » (Сущий). «Тот, кто есть» означает гораздо больше, чем «тот, кто есть дух».

В том смысле, в каком Писание называет Бога духом, я соглашаюсь: Он бестелесен и разумен. Но строго метафизически нужно заключить, что Он не более дух, чем тело. Если бы Он был духом, то есть существом, определённым к этому виду, Он не имел бы власти над телесной природой и не мог бы создавать, сохранять или двигать её. Если же я мыслю Его как трансцендентальное Существо, к которому никакая разница не может снизить его простую универсальность, я понимаю, что Он может равным образом порождать духи, тела и все другие возможные сущности, соответствующие его бесконечным степеням бытия.

СТАТЬЯ I. Единство Бога

68. Сущее, существующее само по себе, — высшее совершенство во всех смыслах

Я начал открывать бытие, существующее само по себе; но это не значит, что я его познал полностью. Я не надеюсь познать Его целиком, ибо Оно бесконечно, а моя мысль ограничена. Тем не менее, я могу познать много полезного, обращаясь к идее высшего совершенства. Всё, что ясно содержится в этой идее, должно быть приписано этому верховному Существу; всё, что противоречит этой идее, исключается. Следовательно, чтобы познать Бога настолько, насколько его может постичь мой слабый разум, мне остаётся лишь искать в этой идее всё, что я могу представить как наивысшее совершенство. Всё, что кажется прекрасным, но выше чего можно ещё представить более высокий уровень, не может принадлежать Ему; Он не просто совершенство, Он — высшее совершенство во всех родах. Этот принцип вскоре установлен, но он чрезвычайно плодотворен; его последствия бесконечны, и мне необходимо внимательно извлекать их все, никогда не ослабляя усилий.

69. Существо, существующее само по себе, — простое

Существо, существующее само по себе, едино, как я уже отмечал: если бы оно было составным, оно перестало бы быть абсолютно совершенным; ибо я понимаю, что при прочих равных условиях то, что простое, неделимое и по-настоящему единое, совершеннее того, что делимо и состоит из частей. Я также уже признал, что никакое составное и делимое не может быть по-настоящему бесконечным.

70. Не может быть двух бесконечно совершенных существ

Я понимаю, что не может быть двух бесконечно совершенных существ. Все причины, убеждающие меня в необходимости существования хотя бы одного, не ведут меня к вере в существование двух. Должно существовать одно существо, существующее само по себе, которое извлекло из небытия все другие существа, не существующие сами по себе: это ясно. Но одно существо, существующее само по себе, достаточно, чтобы извлечь из

небытия все, что было извлечено. В этом смысле два не сделали бы больше, чем одно; следовательно, ничто не более бесполезно и дерзко, чем верить в несколько.

Два одинаково совершенных существа были бы абсолютно похожи во всем, и одно было бы лишь ненужным повторением другого. Нет больше основания верить в существование двух, чем верить в существование пятисот тысяч. Более того, я понимаю, что бесконечное множество бесконечно совершенных существ не принесло бы в природу ничего сверх того, что принесло бы одно бесконечно совершенное существо. Ничто не может превосходить подлинную бесконечность; и когда человек воображает, что несколько бесконечностей дают больше, чем одна, он теряет из виду смысл бесконечности и разрушает, ложным воображением, то, что предполагал, размышляя о чистой идее бесконечного.

Не может быть нескольких бесконечных. Кто говорит «несколько», подразумевает увеличение числа. Бесконечность не может включать ни число, ни увеличение. Сто тысяч бесконечно совершенных существ не смогли бы в совокупности дать больше, чем бесконечное совершенство одного. Одно бесконечно совершенное существо также обеспечивает бесконечное совершенство, с той разницей, что одно существо бесконечно совершенное едино и просто, тогда как эта бесконечная совокупность имела бы недостаток состава и, следовательно, была бы менее совершенной, чем одно существо, в котором в единстве сосредоточено бесконечное и верховное совершенство; что разрушает гипотезу и содержит явное противоречие.

Кроме того, если предположить два существа, каждое существующее само по себе, ни одно из них не будет по-настоящему бесконечно совершенным. Доказательство этого ясно: вещь не бесконечно совершенна, если можно представить себе что-то более совершенное. А я могу представить нечто более совершенное, чем эти два существа; следовательно, они не бесконечно совершенны. Чтобы доказать это, нужно заметить, что какой бы согласованной и гармоничной ни была их связь, два самостоятельных существа остаются двумя независимыми силами, каждая из которых не может влиять на другую. Более совершенным является возможность одному существу создавать все возможное, чем разделять творение с другим, пусть даже бесконечно. Таким образом, одно существо, объединяющее всё могущество, совершеннее, чем два равных ему.

Следовательно, для полной реализации идеи о бесконечно совершенном существе необходимо приписать ему абсолютное единство. Так, кто говорит о верховной и бесконечной совершенности, явно сводит все к единству. Я не могу иметь идеи о двух бесконечно совершенных существах, потому что разделение бесконечной мощи делает их менее совершенными, чем одно существо. Можно еще заметить: если два предполагаемых существа бесконечно совершенны и равны, они одинаковы во всем; нет различия в их идеях, и их существование нельзя различить иначе, как через независимость, как индивидуумы одного вида. Следовательно, я не могу иметь идеи о двух таких существах и не должен верить в их существование.

71. Не может быть нескольких неравных существ, существующих само по себе

Очевидно, что не может быть нескольких существ, существующих сами по себе, которые были бы неравны, так что одно превосходило бы другие. Каждое существо, существующее само по себе и необходимо, находится на высшем уровне бытия и, следовательно, совершенства. Если оно абсолютно совершенно, оно не может быть менее совершенным, чем другое. Следовательно, не может быть нескольких самостоятельных существ, подчиненных друг другу: существует только одно бесконечно совершенное существо, существующее самостоятельно. Все, что ниже него, существует через него, и поэтому все,

что ему подчинено, находится бесконечно ниже, так как между необходимым существованием и заимствованным существует бесконечная дистанция.

72. Существо, существующее само по себе, может быть только одно

Существо, существующее само по себе, может быть только одним. Оно — бытие без добавления чего-либо. Если бы их было два, это было бы «одно, добавленное к одному», и ни одно из двух не было бы сущностью, не добавляющей к себе. Каждое из двух было бы ограничено и сдержано другим. Вместе они составили бы целое бытие, и это целое было бы составным. А составное подразумевает части и пределы, так как одна часть не есть другая. Составное из частей подразумевает число и исключает бесконечность. Бесконечность может быть только одной.

Следовательно, несколько богов были бы не только не более совершенными, чем один Бог, но и бесконечно менее совершенными. Множество бесконечных не превышает одного; истинная идея бесконечности исключает множественность и бесконечность бесконечных. Бесконечность, к которой можно что-то добавить, не является истинной бесконечностью. Истинно единое бесконечное существо является абсолютно бесконечным; множественные или бесконечные «бесконечности» были бы бесконечно меньше одного. Таким образом, Бог — это бесконечность, и очевидно, что Он один; множество богов не были бы богами. Умножение бесконечной единицы разрушает саму идею, так как лишает её единства, в котором содержится истинная бесконечность.

73. Продолжение

Истинная бесконечность — это существо, максимально бытийное, которое мы можем себе представить. Необходимо полностью наполнить эту идею бесконечности, чтобы найти бесконечно совершенное существо. Эта идея сначала исчерпывает всё бытие и не оставляет ничего для умножения. Одно существо, существующее само по себе, обладающее полнотой бытия и универсальной плодовитостью, так что оно творит всё, что пожелает, и ничто не существует вне него иначе как через него, несомненно бесконечно выше, чем существо, предполагаемое самостоятельным и плодовитым, но имеющее равного, независимого и плодовитого, как оно.

Кроме того, два предполагаемых бесконечных были бы пределом друг для друга и, следовательно, ни одно из них не было бы бесконечным. Более того, каждый из них был бы меньше, чем одно бесконечное существо, не имеющее равных. Простое равенство — это деградация по сравнению с уникальным существом, превосходящим всё, что не является им. Наконец, каждый из этих двух богов знал бы или не знал своего равного. Если он его не знал, его интеллект был бы дефектным; он был бы не ведущим в бесконечной истине. Если же он полностью знал равного, его интеллект превзошёл бы его собственное понимание: он видел бы ещё одну бесконечную интеллектуальность — интеллектуальность равного; при этом его интеллект и понимание были бы его собственной сущностью, так что он был бы одновременно более и менее совершенен, чем он сам, что невозможно.

Кроме того, возникает другое противоречие: или каждый из этих двух бесконечных способен создавать существа бесконечно, или нет. Если нет, он не бесконечен, против предположения. Если же да, и независимо друг от друга, первый, начавший творить, уничтожил бы своего равного, так как равный не смог бы творить то, что уже создано первым; его могущество было бы ограничено. Ограничение могущества — это ограничение совершенства и самой субстанции. Следовательно, необходимо вернуться к по-настоящему единой и неделимой мощи, чтобы найти истинную бесконечность.

Нет больше оснований допускать два бесконечных существа, чем сто тысяч, или бесконечное их число. Следует допускать бесконечность только из-за идеи, которую мы о ней имеем. Одна лишь бесконечность полностью её удовлетворяет; бесконечное множество не добавляет ничего, а наоборот, разрушало бы друг друга, и их совокупность стала бы конечным целым, что очевидно противоречиво. Следовательно, может быть только один бесконечный.

74. Невозможность нескольких бесконечных в разных родах

Следует понимать, что в природе не может быть нескольких бесконечных в разных родах. Род — это лишь ограничение бытия; все различия существ могут заключаться только в различных степенях или пределах бытия, по которым оно распределено. Но, в конечном счёте, есть лишь бытие, а различия — это чистые пределы или отрицания. Нет ничего реального и позитивного кроме бытия, ибо всё, что не есть бытие, — ничто. Природы не различаются бытием; наоборот, они общи в бытии. Они различаются только степенью своего бытия или пределом, который является отрицанием.

Различные степени бытия определяют более или менее совершенство природы, подобно тому, как градусы термометра показывают больше или меньше тепла. Именно это формирует все рода и виды. Мы не можем представить в какой-либо природе и бытие, и его ограничение как реальное и позитивное; ограничение — это лишь отрицание последующего бытия. Следовательно, род — это определённый предел бытия, и предполагать бесконечность в каком-либо роде было бы абсурдно: это означало бы делать бесконечное в строго определённых пределах. Истинная бесконечность исключает все роды и ограничения; она исчерпывает все степени бытия, а значит, все рода, которые состоят лишь из этих точных степеней. Истинная бесконечность не принадлежит никакому роду.

75. Не может быть двух различных бесконечных.

Не может быть двух бесконечных, которые чем-либо различались бы друг от друга, потому что то, что присутствует в одном и отсутствует в другом, было бы пределом его бытия и чем-то реальным, что можно добавить; следовательно, оно не было бы бесконечным. Два истинных бесконечных никогда не могли бы быть различимы, потому что невозможно было бы найти в одном что-либо, чего не было бы точно так же в другом.

76. Возражение

Остаётся одна трудность: я допустил, что существует «протяжение» бытия, которое сильно отличается от его «интенсии». Интенсия заключается в степенях, протяжение — в числе существ, отличающихся друг от друга, но имеющих одинаковую степень бытия. Поскольку могут существовать, помимо одного бесконечного существа, несколько конечных существ, обладающих всеми степенями бытия, которые объединены неделимо в этом бесконечном существе, получается, что бесконечное существо исчерпывает бытие лишь интенсивно — оно содержит все степени бытия, восходящие к бесконечности. Но оно не исчерпывает бытие экстенсивно, так как могут существовать другие реально отличные существа с конечными степенями бытия, которые уже присутствуют в бесконечном. Следовательно, если бесконечное существо не исчерпывает бытие экстенсивно, могут существовать два таких существа: каждое исчерпывает бытие интенсивно, но не экстенсивно, поскольку их количество остаётся конечным. Вот в чём состоит суть возражения.

77. Ответ. Всё составное существо — конечно

Есть в этом доля истины. Ни одно бесконечное, ни сто бесконечных не могут исчерпать бытие экстенсивно: потребовалось бы бесконечное множество реально отличных друг от друга существ. Но бесконечное множество реально отличных существ невозможно, потому что сущность бесконечного — быть неделимым, а значит, без числа. Любое различие или делимость, любое добавление единицы разрушает бесконечность: после вычитания единицы бесконечное стало бы конечным, значит, оно никогда не было бы бесконечным. Два конечных не могут составить бесконечное. Следовательно, всё составное существо, включающее число, может быть лишь конечным.

78. Последствия

Из этого принципа вытекают три вещи:

- Если бы существовали несколько бесконечных, они никогда не смогли бы образовать одно целое.
- Они были бы меньше, чем одно бесконечное, так как их совокупность составила бы композицию и число, а значит, была бы конечной.
- Одно бесконечное существо задумано более совершенным, чем несколько различимых бесконечных; значит, несколько бесконечных невозможны, поскольку они не достигли бы высшей мыслимой совершенства.

79. Бесконечное существо по сути едино

Даже если несколько бесконечных не исчерпывают бытие экстенсивно, природа бесконечного требует, чтобы оно было по сути единым и несовместимо с другим бесконечным. Бесконечность существует только в виде идеи, и эта идея исключает любое её умножение, даже экстенсивное. Любая попытка умножить бесконечное разрушает его: бесконечное по природе неделимо и не имеет пределов. Единство бесконечного — это полное и бесконечное единство, к которому нельзя ничего добавить без уничтожения. Представлять Бога как «одного» в обычном человеческом понимании — значит не иметь о нём никакой идеи. Истинное единое бесконечное существо исчерпывает все числа, как бесконечная пространство охватывает все протяженности, а вечность — все последовательности. Оно бесконечно одно и не допускает добавления.

80. Противоречие при допущении нескольких бесконечных.

Если допустить несколько бесконечных, их совокупность не будет высшей единицей — она не исчерпает идею бесконечного. Каждое из этих «единиц» не было бы столь бесконечным, потому что истинно бесконечное исключает любое равное себе. Следовательно, ни одна единица не будет по-настоящему бесконечной, и не будет истинно совершенной, простой и неделимой. Объект возражения оказывается слабым: привычка человеческого разума добавлять единицы к первой единице создаёт иллюзию необходимости нескольких бесконечных. На самом деле, одно бесконечное превосходит все множества; оно не допускает никакой добавки. Два бесконечных создают число, а значит, конечность, что противоречит идее истинного бесконечного.

81. Все конечные существа перед бесконечным — ничто

Следовательно, нет нужды рассуждать о множестве богов с разными степенями совершенства, как у поэтов. Может быть только одно бесконечное существо; всё, что не является этим бесконечным, конечно, и всякое конечное существо бесконечно ниже бесконечного. Разница между самым совершенным из конечных существ и этим уникальным

бесконечным невообразимо велика. Все конечные, хотя и различны между собой, по сравнению с бесконечным равны: они все бесконечно ниже, и все эти «бесконечные низости» равны. Любое существо, каким бы совершенным его ни представляли, если оно не уникальное бесконечное, перед ним — ничто; оно не может заслуживать имени или чести вместе с ним, оно существует как будто его нет.

82. Молитва

Какая безумная мысль — поклоняться множеству богов! Почему я должен верить более чем в одного? Идея высшей полноты допускает только единство. О, вы, бесконечное существо, которое являетесь мне, вы — всё, и после вас не нужно искать ничего другого. Вы наполняете всё, и ни во вселенной, ни в моём уме не остаётся места для какой-либо другой совершенства, равного вашему. Вы исчерпываете все мои мысли. Всё, что не есть вы, бесконечно меньше вас. Всё, что не есть вы сами, — лишь тень бытия, существо, наполовину выведенное из небытия, ничто, из которого вам угодно создать нечто на короткое время.

О существо, единственное достойное этого имени! Кто подобен вам? Где же те пустые фантомы божественности, которые осмелились сравнивать себя с вами? Вы есть, а всё остальное перед вами — ничто. Вы есть, и всё остальное, что существует лишь через вас, как будто его нет. Вы создали мою мысль: только вас она ищет и восхищается. Если я что-то есть, это «что-то» создано вашими руками. Ранее его не было, и через вас оно начало быть. Оно исходит от вас и стремится вернуться к вам. Примите то, что вы создали; признайте своё творение. Да погибнут все ложные боги, пустые образы вашей величины! Да погибнет любое существо, желающее быть для себя, или желающее, чтобы другое существо было для него! Да погибнет всякая чудовищная и заблудшая воля, которая не любит единственное благо, ради которого всё, что существует, получило бытие!

Статья II. Простота Бога

83. Первое существо — простое

Я ясно понимаю, что первое существо по сути одно и простое; из этого следует, что все его совершенства — одно. Если я их умножаю, это лишь слабость моего разума: он не может охватить целое бесконечное и совершенно единое сразу, поэтому разделяет его для облегчения, представляя себе разные части, соотносящиеся с различными вещами вне него. Так я мысленно изображаю в Боге столько степеней бытия, сколько он передал созданным им существам, и бесконечность других, соответствующих более совершенным существам, восходящих до бесконечности, которые он мог бы извлечь из небытия.

Я представляю это единое существо под различными «гранями», согласно его отношениям к творениям; это то, что называют совершенствами или атрибутами. Я даю одному и тому же различные названия в зависимости от его внешних отношений, но не подразумеваю под ними реальные различия. Бог бесконечно разумен, бесконечно могуч, бесконечно благ. Его разум, воля, доброта и сила — это одно и то же. То, что мыслит, — то же, что желает; то, что действует, и что может, и что делает всё, — то же, что мыслит и желает; то, что созидает и сохраняет, — то же, что разрушает; то, что наказывает, — то же, что прощает и исправляет; словом, всё в нём едино.

84. Почему в Боге различают несколько совершенств

Несмотря на высшее единство, я имею основания различать эти совершенства и рассматривать их отдельно, хотя они реально одно. Основание различия в том, что

единство в Боге бесконечно превосходит множество. Я различаю совершенства не для того, чтобы представить их различными между собой, а для того, чтобы рассматривать их относительно множества созданных вещей, которое суверенное единство бесконечно превосходит.

Эта различимость — лишь порядок и метод моего ограниченного разума, чтобы систематизировать мысли и воспринимать бесконечное в различных аспектах через творения вне Бога. Не стоит удивляться, что, созерцая Божественное, мои действия не могут быть едиными, как объект. Объект бесконечен и бесконечно единый; мой разум ограничен и множественен. О бесконечное единство! Я вижу Тебя, но всегда через своё множественное «я». Истинное и неделимое, Ты остаёшься целым; только я, тень единства, никогда полностью не едино. Чтобы видеть вас одним неделимым взглядом, я должен быть столь же единым, как вы.

85. Составное существо несовершенно

О множественность созданного, как ты бедна в своей видимой обильности! Любое число быстро истощается; любая композиция ограничена; всё, что больше одного, бесконечно меньше одного. Есть только единство: оно — всё, и после него нет ничего. Всё остальное кажется существующим, но точного места или времени его бытия не знаешь. Постоянное деление лишь уводит от истинного и точного бытия, которое только в единстве.

Композиции — лишь соединения пределов; всё в них носит черты небытия; это нечто, не имеющее консистенции, ускользающее, когда мы стараемся проникнуть внутрь. Числа кажутся обещающими единицы, но эти единицы не находятся; чем сильнее их схватываешь, тем больше они исчезают. Множество растёт, а единицы — истинный фундамент — уходят и насмехаются над нашим поиском. Непрерывные последовательности чисел также ускользают: то, о чём мы говорим, уже не существует; то, что идёт следом, едва существует; оно станет, но сейчас — ничто, и всё вместе с другими, которых уже нет, составит целое. Эта множественность ничто — это то, что я называю «я»: она созерцает бытие, делит его, и, деля, признаёт, что множественность не может постичь неделимое единство.

Статья III. Неизменность и вечность Бога

86. Все совершенства Бога вытекают из необходимости Его бытия

Хотя я не могу полностью охватить взором простую и высшую простоту Бога, я всё же понимаю, что всё многообразие совершенств, которые я приписываю Ему, сосредоточено в одной сущности. Я постигаю в Нём первопричину, которая есть Он сам целиком, и из которой вытекают все остальные совершенства. Если принять этот первопринцип, всё остальное ясно и непосредственно следует из него. Но что это за первопринцип? Это то самое, с чего мы начали, и что открыло мне необходимость существования первосущества.

Быть самим собой — это источник всего, что я нахожу в Боге. По этому признаку я понял, что Он бесконечно совершенен. Существо, существующее само по себе, существует в высшей степени и, следовательно, обладает полнотой бытия. Достичь высшей степени и полноты бытия можно лишь через бесконечность, потому что ни одно конечное существо никогда не полно и не высшее, всегда есть что-то выше. Следовательно, существо, существующее само по себе, должно быть бесконечным.

Если оно бесконечно, оно бесконечно совершенно, ибо бытие, добро и совершенство — это одно. Невозможно представить более совершенное существо, чем бытие само по себе; всякое совершенство существа, не существующего само по себе, каким бы высоким его ни

считали, бесконечно ниже совершенства существа, существующего самим собой. Следовательно, существо, существующее само по себе, и через которое существует всё остальное, бесконечно совершенно.

Для ясности обсуждения нужно установить, что следующие термины являются синонимами: «быть самим собой», «необходимое бытие», «бесконечно совершенен», «первое существо», «первая причина» и «Бог». Из идеи необходимого существа я вывел простоту и единство Бога: простоту — потому что ничто составное не может быть ни бесконечно совершенным, ни бесконечным; единство — потому что если бы существовали два независимых необходимых существа, каждое из них обладало бы меньшей совершенностью, чем одно, объединяющее всё целиком.

87. Необходимое существо неизменно

Необходимое существо неизменно. Существо, существующее само по себе, не может быть иначе, чем оно есть: оно всегда имеет одну и ту же причину существования — свою собственную сущность, и, следовательно, неизменно в бытии. Оно так же не способно к изменению в своих способах бытия, как и в самой основе бытия. Если постичь Его как бесконечно простое и бесконечное, невозможно приписать Ему какие-либо изменения, потому что изменения — это ограничения бытия. Быть изменённым означало бы быть в одном состоянии, исключая все остальные. Бесконечно совершенное существо не может иметь никаких изменений, и, следовательно, не может изменяться; оно не имеет частей, и потому неизменно целиком.

88. Созданное существо — конечное и изменчивое

То, что создаётся вне Бога, всегда ограничено. Существо, имеющее границы, неизбежно подвержено изменениям: оно не является всем сущим, поэтому должно быть чем-то отдельным и ограниченным в определённой форме бытия. Только Тот, Кто есть всё, никогда не является отдельным и исключающим; Он — простое и безграничное бытие. Хотя каждая отдельная модификация существа не является для Него сущностной, потому что ничто в Нём не необходимо и всё зависит от Того, кто его создал, оно тем не менее должно иметь какую-либо модификацию. Существо, не существующее само по себе, никогда не может быть всем бытием; а то, что не является всем бытием, может существовать лишь с ограничением. Ограничение можно менять, но оно всегда необходимо.

89. Что такое время?

Как только я осознал, что созданное существо, по сути, ограничено и изменчиво в своих границах, я понял, что такое время. Время, без более точного определения, — это изменение существа. Изменение предполагает последовательность: то, из чего мы выходим, предшествует, а то, во что мы входим, следует за ним. Время — это изменение созданного бытия; оно — отрицание вечной и абсолютно положительной реальности, которая есть постоянство бытия. То, что абсолютно постоянно, не имеет ни «до», ни «после», ни «раньше», ни «позже». Непостоянство — это изменение, переход из одного состояния в другое; всякое изменение подразумевает последовательность, и всякое ограниченное существование имеет делимую продолжительность, более или менее долгую.

90. Всё в созданном мире происходит последовательно

В созданном мире всё происходит последовательно. Существуют изменения, которые трудно измерить, и мы оцениваем их через другие, более определённые и регулярные изменения — например, можно измерять прогулку, работу или разговор по движению

небесных светил, часам или песочным часам. Иными словами, одно неустойчивое движение существа измеряется более точным и равномерным движением другого.

Даже если бы созданные существа не изменяли своих модификаций, всё равно происходила бы непрерывная «мутация» на уровне самой субстанции. Творение существа, не существующего само по себе, не является абсолютным и постоянным. Существо, существующее само по себе, не создаёт из ничего существа, которые затем бы существовали независимо и постоянно. Созданные существа существуют только постольку, поскольку необходимое существо поддерживает их вне небытия; они никогда не находятся вне него самостоятельно.

Следовательно, их существование — это дар, который свободен и, значит, может быть отозван; если оно может быть более или менее длительным, оно делимо; если делимо — включает последовательность; последовательность создаёт цепь последовательных творений. Таким образом, существование созданных существ не фиксировано и не постоянно, а ограничено и возобновляется через новые творения.

Всё в созданном мире, включая многообразие изменений и непрерывное обновление существования, происходит последовательно. Эта непостоянность созданного существа — то, что мы называем временем. Поэтому нельзя изучать вечность через время; наоборот, нужно понимать время через вечность. Конечное можно постичь через бесконечное, установив границу или отрицание, но невозможно постичь бесконечное через конечное, так как граница или отрицание не дают понятия об абсолютной положительности.

91. Что такое вечность?

Если непостоянство созданного существа — это время, то полное и абсолютное постоянство необходимого и неизменного существа — это вечность. Бог не может изменять свои модификации, ибо их у Него нет; истинный бесконечный не допускает границ. В Его существовании нет времени и длительности, так как длительность — это делимое и ограниченное существование, прямо противоположное постоянству. Бог постоянно и неизменно существует.

92. Божественное существование неделимо

Как всё делимое ограничено, так всё истинно бесконечное неделимо. Божественное существование, будучи бесконечным, неделимо. В отличие от созданных существ, у которых есть «прошлое» и «будущее», божественное существование всегда целиком. Созданные существа никогда не существуют полностью одновременно; их части исключают друг друга, и одна должна закончиться, чтобы началась другая. Причина такой несовместимости в том, что Творец даёт существование творению мерой: оно ограничено, делимо на части, которые различны. Для необходимого, бесконечного и неизменного существа всё наоборот: Его существование бесконечно и неделимо; нет несовместимости частей, ибо у Него нет частей — существование всегда полностью целое.

93. В Боге нет последовательности

Нельзя приписывать Богу последовательность или временную протяжённость. В Нём ничто не проходит, всё фиксировано, всё одновременно, всё неподвижно. В Боге ничего не было, ничего не будет, всё есть. Слова «раньше» и «позже» недостойны Его. Делиться вечностью невозможно: это как пытаться приравнять неподвижный берег к текущей реке — берег не отстаёт и не следует за водой. Аналогично, вечность Бога нельзя измерять временем или изменениями созданных существ. Мы не можем сравнивать короткую длительность созданного существа с вечностью Бога: любая попытка измерить бесконечное конечным неприемлема. Сущность Бога неизмерима, бесконечна, неделима, неизменна и постоянна.

94. Не существует двух вечностей

Создание творения не делит вечность Бога на две. Две вечности — это противоречие: «часть предыдущая» и «часть последующая» разрушили бы истинную вечность, так как одна часть неизбежно стала бы границей другой. Тот, кто говорит «вечность», если понимает смысл слова, говорит только о том, что есть, и ни о чём за его пределами; всё, что добавляется к этой бесконечной простоте, её уничтожает. Говоря «вечность», невозможно использовать язык времени. Время и вечность несравнимы и не могут быть сопоставлены; всякая попытка соотнести их проявляет слабость человеческого разума.

95. Не существует двух вечностей (продолжение)

Тем не менее, о, мой Бог, Ты создал что-то вне Себя, ибо я — не Ты, и расстояние между нами бесконечно. Когда же Ты создал меня? Было ли так, что до моего создания Ты не существовал? Но что я говорю? Я снова попадаю в иллюзию, и вопросы времени: я мыслю о Тебе, как о себе или как о каком-либо временном существе, которое можно измерить вместе со мной. То, что проходит, можно измерять относительно того, что также проходит; но то, что не проходит, выходит за пределы всякого измерения и сравнения с тем, что проходит. Нельзя спрашивать, когда оно было или было ли оно раньше чего-либо проходящего. Ты есть — и этого достаточно.

О, как я люблю это слово «Ты есть», оно полностью удовлетворяет мой разум во всём, что я хочу о Тебе знать! Ты — Сущий. Всё, что не выражает эту истину, умаляет Тебя; только это слово соответствует Вашей сути. Оно не добавляет ничего к понятию бытия и при этом не уменьшает Твою величину. Я осмелюсь сказать, что это слово бесконечно совершеннее, как и Ты можешь так говорить, заключив бесконечность в три простых слова.

Я не есмь, о мой Бог, то, что есть; увы, я почти то, чего нет. Я вижу себя как непостижимую средину между ничто и бытием: я тот, кто был; я тот, кто будет; я тот, кто уже не тот, кто был; я тот, кто ещё не тот, кто будет; и в этом промежутке, кто я? Некая сущность, которая не может остановиться в себе, лишена постоянства, течёт, как вода; сущность, которую я не могу удержать, которая ускользает из моих рук, исчезает, как только я пытаюсь её схватить; сущность, которая кончается в тот же момент, когда начинается; так что я никогда не могу найти себя фиксированным и присутствующим, чтобы просто сказать «Я есмь». Моя длительность — сплошная неустойчивость.

О, как я далёк от Твоей вечности, которая неделима, бесконечна и всегда полностью присутствует! Насколько я далёк даже от понимания её! Она ускользает от меня своей истинностью, простотой и необъятностью; так же, как моё бытие ускользает от меня, будучи составным, смешанным из истины и лжи, бытия и небытия. Недостаточно сказать о Тебе, что Ты существовал бесконечно до моего появления. Это было бы измерением бесконечного через конечное, что невозможно. Если я боюсь сказать, что Ты был до моего существования, то не потому, что сомневаюсь, что, существуя, Ты создал меня, кто не существовал; а чтобы избежать любых несовершенных представлений о Тебе, которые недостойны.

Не следует говорить «Ты был» — это обозначает прошлое время и последовательность. Гораздо правильнее сказать: «Ты есть». И это единственный неподвижный, неделимый и бесконечный настоящий момент, который можно приписать Богу. Слово «всегда» слишком слабо для Него; оно выражает непрерывность, но не вечную неизменность. Гораздо точнее сказать просто: «Вы есть».

О, Существо! Твоя вечность, которая есть само Твое бытие, поражает и одновременно утешает меня. Я ощущаю себя ничтожным пред лицом Твоего бесконечного существования:

я теряю себя и вижу только то, что есть — Тебя самого. То, что я сказал о прошлом, верно и для будущего. Нельзя сказать, что Ты будешь после проходящего, ибо Ты не проходишь: Ты не будешь, Ты есть. Я заблуждаюсь, всякий раз, когда выхожу из настоящего, говоря о Тебе. Так же, как неподвижный берег не опережает и не отстаёт от реки, так и бесконечное бытие не подчиняется течению времени.

Проходящее существует в прошлом и будущем и движется через настоящее, которое невозможно точно зафиксировать. Но то, что не проходит, существует абсолютно и имеет только бесконечное настоящее. Оно есть — и это всё, что можно о нём сказать. Оно вне времени, во всех временах творения. Каждый, кто выходит за пределы этой простоты, покидает вечность и входит во время.

96. Существование Бога неделимо и вечно

Следовательно, в Тебе, о, бесконечная Истина, существует лишь одно неделимое и постоянное бытие. То, что называют «вечностью после» и «вечностью до», — всего лишь грубая иллюзия: у Тебя нет ни середины, ни начала, ни конца. Следовательно, это не в середине Твоей вечности Ты создал что-либо вне Себя. Я повторю это трижды, но эти три повторения составляют лишь одно целое; вот они: О постоянная и бесконечная Истина, Ты ЕСТЬ, и вне Тебя ничего нет; Ты ЕСТЬ, и то, чего не было, начинает быть вне Тебя; Ты ЕСТЬ, и то, что было вне Тебя, перестаёт быть.

Но эти три повторения слов «Ты ЕСТЬ» составляют лишь одно бесконечное, неделимое целое. Именно эта вечность остаётся полностью целой: ни половина её не прошла, ибо у неё нет частей; то, что по своей сути всегда полностью присутствует, никогда не может быть прошлым. О вечность! Я не могу постичь Тебя, ибо Ты бесконечна; но я понимаю всё, что должен исключить из себя, чтобы никогда не ошибиться относительно Тебя.

97. Трудности

Однако, о мой Бог! как бы я ни старался не умножать Твою вечность множеством своих ограниченных мыслей, мне всегда удаётся лишь уподобить Тебя себе и разделить Твоё неделимое бытие. Позволь же мне ещё раз войти в Твой недоступный свет, ослепительный для меня. Разве не верно, что Ты мог создать одну вещь прежде, чем другую? Поскольку это возможно, я вправе это предположить. То, что Ты ещё не совершил, несомненно, придёт лишь после того, что Ты уже совершил. Творение — это не только тварь, произведённая вне Тебя; оно включает также действие, посредством которого Ты производишь эту тварь. Если Твои творения одни раньше других, они следуют друг за другом; если же Твои действия следуют друг за другом — вот уже и последовательность в Тебе, а значит, вот и время в самой вечности.

98. Ответ

Чтобы разрешить эту трудность, я замечаю, что между Тобой и Твоими делами существует вся разница, какая должна быть между бесконечным и конечным, между постоянным и текучим или последовательным. То, что конечно и делимо, может быть соизмеримо и сопоставимо с тем, что также конечно и делимо: так Ты установил порядок и строй в Твоих созданиях по соотношению их границ. Но этот порядок, этот строй, это соотношение, которое вытекает из границ, никогда не может быть в Тебе, Кто не имеешь ни делимости, ни пределов.

Одно создание может быть раньше другого, потому что каждое из них имеет лишь ограниченное бытие; но было бы ложным и абсурдным думать, что Ты творишь одно раньше

другого. Действие Твоё, посредством которого Ты творишь, — это Ты Сам; иначе Ты не мог бы действовать, не перестав быть простым и неделимым. Следовательно, нужно понимать, что Ты вечно творишь всё, что Тебе угодно творить. Со стороны Твоей Ты творишь вечно действием простым, бесконечным и постоянным, которое есть Ты Сам; со стороны же твари — она не творится вечно: граница заключена в ней, а не в Твоём действии. То, что Ты творишь вечно, существует лишь во времени, ибо бытие бесконечное и неделимое сообщает вовне только бытие делимое и ограниченное.

Ты, следовательно, не творишь одну вещь раньше другой, хотя она должна существовать за две тысячи лет раньше: эти соотношения принадлежат Твоим творениям; но эти отношения границ не могут достигнуть Тебя. Ты знаешь эти отношения, ибо Сам их установил; но знание границ Твоего творения не вносит никакой границы в Тебя. Ты видишь, в этом ходе ограниченных и делимых существований, то, что я называю настоящим, прошедшим и будущим; но Ты видишь их вне Себя; ни одно из них не присутствует Тебе более, чем другое. Ты объемлешь всё одинаково Своим неделимым бесконечным: то, чего больше нет, действительно перестало быть; но то же самое постоянное бытие, которому это «уже не существующее» было «настоящее», пока оно было, остаётся тем же, когда другое преходящее заняло место уничтоженного.

Так как Твоё бытие не имеет частей, то вещь, проходящая, не может в своём прохождении соответствовать какой-либо части Тебя — или, лучше сказать, она ничему не может соответствовать, ибо не существует никакой мыслимой пропорции между неделимым бесконечным и тем, что делимо и преходяще. Однако должно быть некое отношение между творцом и творением; но нужно остерегаться воображать отношение последовательности и пределов: единственное отношение, которое следует здесь мыслить, — это то, что Сущий, Который не может перестать быть, делает так, что несущий бытие получает от Него ограниченное существование, начинающееся и кончающееся. Всякое иное отношение, о Боже мой, разрушает Твою постоянность и Твою бесконечную простоту.

Ты столь велик и чист в Своём совершенстве, что всё, что я примешиваю от себя к идее, которую имею о Тебе, делает так, что это уже не Ты. Всю жизнь я провожу, созерцая Твою бесконечность и разрушая её. Я вижу её и не могу сомневаться в ней; но как только хочу её постигнуть — она ускользает; это уже не она: я снова падаю в конечное. Я вижу достаточно, чтобы противоречить себе и упрекать себя всякий раз, когда я мыслил нечто меньшее, чем Ты Сам; но едва я воспряну, как вновь падаю под тяжестью собственной ограниченности. Так происходит вечное смешение того, что Ты есть, и того, что я есть. Я не могу ни совсем ошибаться, ни устойчиво обладать Твоей истиной: ибо я вижу Тебя так же, как существую сам — во мне всё конечно и преходяще; я вижу краткими и текучими мыслями бесконечное, которое никогда не течёт.

Далеко не заблуждаясь в этом смущении, я узнаю Тебя именно по этому необходимому признаку бесконечного, которое перестало бы быть бесконечным, если бы конечное могло до него дотянуться. Это не облако, что покрывает Твою истину, — это свет самой этой истины превосходит меня; потому-то, что Ты слишком ясен и слишком светел, мой взор не может на Тебе удержаться. Я не удивляюсь, что не могу постичь Тебя; но не перестаю удивляться, что могу хотя бы смутно различить Тебя — и что замечаю свою ошибку, когда принимаю нечто иное за Тебя или приписываю Тебе то, что Тебе не подобает.

Статья IV. Безграничность Бога

99. Всё положительное в протяжённости находится в Боге

После того как я рассмотрел вечность и неизменность Бога, которые есть одно и то же, я должен рассмотреть Его бесконечность. Поскольку Он существует Сам по Себе, Он существует верховно; поскольку Он существует верховно, всё бытие находится в Нем; поскольку всё бытие находится в Нем, несомненно, у Него есть и протяжённость — протяжённость есть способ бытия, о котором у меня есть понятие. Я уже видел, что мои идеи об эссенции вещей представляют собой реальные степени бытия, которые в данный момент существуют в Боге и возможны вне Его, потому что Он может их породить. Следовательно, протяжённость есть в Нём, и Он может производить её вне Себя лишь потому, что она заключена в полноте Его бытия.

100. Однако Бог ни протяжён, ни имеет форму

Почему же я не называю Его протяжённым или телесным? Потому что существует крайняя разница, как я уже отмечал, между приписыванием Богу всего положительного в протяжённости и приписыванием Ему протяжённости с границами или с отрицанием. Тот, кто мыслит протяжённость без границ, превращает протяжённость в бесконечность; кто мыслит протяжённость с границей — делает её телесной природой. Как только вы не ставите границ протяжённости, вы лишаете её формы, делимости, движения и непроницаемости:

- форму — потому что форма есть лишь способ быть ограниченным поверхностью;
- делимость — потому что бесконечное, как мы видели, не может быть уменьшено, следовательно, не может быть разделено и составлено;
- движение — потому что если есть целое без частей и границ, оно не может двигаться, так как нет места «снаружи» истинного бесконечного, и не может менять расположение частей, так как у него нет частей;
- непроницаемость — потому что её можно представить только в виде двух тел с границами, одно из которых не является другим, и одно не может занимать то же пространство, что и другое. В бесконечной и неделимой протяжённости нет двух таких тел; следовательно, нет и непроницаемости.

101. Бесконечное Существо не имеет отношения ни к местам, ни ко времени

Из этих принципов следует, что всё положительное в протяжённости находится в Боге, без того чтобы Бог был фигуральным, способным к движению, делимым, непроницаемым, а следовательно, осязаемым или измеримым. Он не находится в каком-либо месте, так же как и не существует в каком-либо времени; ибо по Своему абсолютному и бесконечному бытию Он не имеет никакого отношения к местам и времени, которые есть лишь границы и ограничения бытия. Спрашивать, находится ли Он за пределами вселенной, превышает ли её по длине, ширине и глубине, — столь же абсурдно, как спрашивать, был ли Он до того, как мир возник, или будет ли после того, как мир исчезнет.

Так как у Бога нет ни прошлого, ни будущего, то в Нем не может быть ни «вне», ни «внутри». Абсолютная постоянность исключает любую меру последовательности; бесконечность исключает любую меру протяжённости. Он не был, Он не будет; но Он есть. В строгом смысле Он не здесь, не там, не «за» какой-либо границей; Он есть абсолютно. Все выражения, которые соотносят Его с какими-либо пределами или местом, неверны и неподобающи. Где же Он? — Он есть; и Он есть таким образом, что не следует спрашивать где. То, что имеет границы, существует лишь как нечто определённое; для Бога нет ни

одной ограниченной вещи; Он всё, Он бытие, или, ещё проще и точнее говоря, Он просто есть; чем меньше слов о Нем, тем больше сказано о сути.

Другие существа, которые лишь полу-существа, обрезанные, малые части бытия, не существуют просто; приходится спрашивать, когда и где они есть. Если они существуют, у них нет прошлого; если они здесь, их нет там. Эти два вопроса, «когда» и «где», исчерпывают их бытие. Но для Того, Кто есть, всё сказано, когда сказано, что Он есть. Кто ещё спрашивает, тот ничего не понял о единственном, что нужно постигнуть: неделимое бесконечное не может соответствовать какому-либо конечному делимому существу, называемому телом.

102. В каком смысле говорят, что Бог везде

Но стану ли я отказывать в том, что Он везде? Нет, я не откажусь, если нужно приспособиться к народным и несовершенным представлениям. Я не приписываю Ему телесное присутствие в каждом месте, ибо у Него нет поверхности, смежной с поверхностями других тел; но я приписываю Ему, условно, присутствие бесконечности: так же, как в каждом времени мы должны говорить о Боге: «Он есть», не ограничивая это словами «Он есть сегодня», так и в каждом месте следует говорить: «Он есть», не ограничивая словами «Он здесь».

Тем не менее, разве не умаляет совершенство Бога и не лишает меня утешения, если я боюсь сказать: «Он здесь»? Нет! Я скажу это, понимая должным образом. Когда я боюсь сказать, что Он присутствует здесь, это не для того, чтобы приписать Ему что-то меньшее или менее реальное; наоборот, это для того, чтобы возвысить способ понимания Его в чистой универсальной простоте, признавая, что Он бесконечно более чем просто присутствует. Я утверждаю: быть просто и абсолютно — бесконечно больше, чем быть везде; ибо быть везде — это вещь с границами, так как места, являющиеся поверхностями тел, и, следовательно, сами тела, делимы и имеют границы. Я не могу представить место, где Бог не действует, то есть существо, которое Бог не поддерживает непрерывным действием. Каждое место — тело; нет тела, на которое Бог не действует, и которое не существует благодаря постоянной операции Бога.

Следовательно, ясно, что нет места, где Бог не действует; но есть большая разница между действием на тело и самим присутствием в этом теле через Свою субстанцию. Локальное присутствие подразумевает местное соотношение субстанций; а между субстанцией, не имеющей ни границ, ни места, и ограниченной, фигуральной субстанцией местного соотношения быть не может. Следовательно, Бог, строго говоря, ни в каком месте не присутствует, хотя действует на все места; ибо Он не может иметь местного соотношения своей субстанции ни с каким телом.

103. Бог по сути нигде не находится

Где же Он тогда? Нет, Он ни в каком месте: Он существует слишком полно, чтобы существовать с какими-либо границами, и, следовательно, чтобы присутствовать субстанциально в каком-либо месте. Подобные вопросы кажутся трудными лишь потому, что к ним подходят неправильно; вместо ответа их следует устранить. Это всё равно, что спрашивать: «Из какого дерева статуя из мрамора?» или «Какого цвета чистая вода, которой цвета нет?» или «Сколько лет ребёнку, который ещё не родился?» Что же с этими представлениями о бесконечности, которые изображают Бога, заполняющего всё пространство вселенной и безмерно превосходящего её? Это не идеи разума, внимательного к себе; напротив, это нелепые фантазии. Бог, строго говоря, ни внутри, ни вне мира; ибо у бесконечного бытия нет «внутри» и «вне» — это понятия меры.

Эта грубая ошибка возникает потому, что идеи вечности и бесконечности поражают нас своим характером бесконечного, и ускользают своей простотой. Всегда хочется вернуться к составному, конечному, числу и мере. Так создают ложную вечность — лишь бесконечную последовательность веков, и ложную бесконечность — лишь бесконечное сочетание пространств и субстанций; но всё это не имеет отношения к истинной вечности и бесконечности. Эти последовательности веков и собрания пространств, заполненных субстанциями, делимы и, следовательно, по сути, имеют границы, хотя я их не представляю явно и отчётливо. Следовательно, когда я приписываю им бесконечность, я сам себе противоречу и говорю то, что не имеет смысла.

104. Вопросы времени и места не имеют отношения к Богу

Единственный истинный способ созерцать вечность и бесконечность Бога — это твёрдо верить, что Он не может находиться ни в каком времени, ни в каком месте; что все вопросы о времени и месте не имеют к Нему никакого отношения; на них следует отвечать не категорично и буквально, а, осознавая их абсурдность, навсегда заставить их замолчать. Эти две вещи — вечность и бесконечность — связаны между собой удивительным образом: по сути, это одно и то же, то есть простое и неограниченное бытие. Исключите всякую мысль о границах, и вы больше не будете увлекаться пустыми вопросами.

Бог есть: всё, что вы добавляете к этим двум словам под самыми благородными предлогами, лишь затемняет, а не проясняет. Сказать, что Он «всегда», значит впасть в двусмысленность и подготовить себе иллюзию: «всегда» может означать бесконечную последовательность, а у Бога нет бесконечной последовательности веков. Так что сказать просто «Он есть» выражает больше, чем «Он есть всегда». А сказать «Он везде» значит меньше, чем сказать «Он есть», потому что «Он везде» предполагает, что субстанция Бога простирается и локально соотносится со всеми делимыми пространствами; а неделимое бесконечное не может иметь такого локального отношения к делимым и измеримым телам.

105. Следствия

Таким образом, строго говоря, нельзя утверждать, что Бог «всегда» и «везде». Если Бог действует на тело, это не значит, что Он присутствует в нём субстанциально: неделимое бесконечное, не имея отношения к конечному делимому, тем не менее, действует на него. Точно так же, хотя Бог действует на времена или последовательности созданий, это не значит, что Он находится в каком-либо времени или изменении созданий. «Бесконечное ограничивает и упорядочивает всё. Неподвижное двигает всё». Тот, Кто есть, делает так, что каждая вещь существует с мерой — как по протяжённости, так и по длительности.

Ограниченные вещи могут сравниваться и соотноситься через свои границы. Неделимое, бесконечное не может быть сравнено, соотнесено или измерено. В Нем всё абсолютно: ни один относительный термин к Нему не применим. Он не более в мире, который создал, чем вне мира, в пространствах, которые не создал; ибо Он ни там, ни там. Он не создавал одни вещи раньше других, хотя установил последовательность существования ограниченных созданий; ибо Он вечно создаёт всё, что должно быть создано и существовать последовательно. Точно так же в Нем нет различий по отношению к наиболее удалённым друг от друга частям, составляющим вселенную. Поскольку граница находится в создании, а не в Нем, все отношения, последовательности и меры принадлежат исключительно созданиям, и не следует приписывать их Богу.

Он вечно создаёт то, что создаётся сегодня, как Он вечно создавал то, что было создано в первый день вселенной; так же Он бесконечен в самых малых созданиях, как и в самых

больших. Порядок и отношения находятся среди созданий между собой. Сравнивая их, можно сказать, что одно создание старше другого, одно больше или дальше другого — граница создаёт этот порядок и соотношение. Бог видит этот порядок и отношения, установленные в Его творениях; но то, что Он видит в конечных и делимых вещах, не находится в Нем, поскольку Он неделим и бесконечен; Он не делится и не ограничивается, создавая делимые и ограниченные существа вне Себя.

Далеко, очень далеко от меня все эти назойливые вопросы, в которых я нахожу, что мой Бог не понят! Он больше, чем «всегда», ибо Он есть; Он больше, чем «везде», ибо Он есть. В Нём нет локального присутствия или отсутствия, потому что нет места и границ; нет «вне» и «внутри», нет «снаружи» и «внутри». Он есть, и всё существует через Него; можно даже сказать, что всё находится в Нем, не для того чтобы обозначить, что Он — их место или поверхность, а чтобы нагляднее показать, что Он действует на всё существующее и может, кроме этих ограниченных существ, создать другие, более обширные, на которые Он действовал бы с той же силой.

106. Молитва

О, мой Бог, как велик Ты! Лишь немногие мысли достигают Тебя; и когда начинаешь пытаться постичь Тебя, невозможно выразить словами: термины иссякают; самые простые из них — лучшие, а самые образные и многочисленные — наименее подходящие. Если сохранять умеренность мудрости, после того как сказал «Ты есть», не осмеливаешься ничего добавлять. Чем больше созерцаешь Тебя, тем сильнее хочется молчать, размышляя о том, что значит быть тем, кто просто есть, кто является самым бытием всех существ, и кто так суверенно существует, что только по Своей воле делает бытием всё, что существует.

Видя Тебя, о, Простая и Бесконечная Истина, я остаюсь немым; но я становлюсь, если осмелюсь сказать, подобным Тебе; мой взгляд становится простым и неделимым, как Ты. Не изучая множество Твоих совершенств, я постигну Тебя лучше; наоборот, умножая их для рассмотрения в разных отношениях и аспектах, я ослабеваю Тебя, уменьшаю; я уменьшаюсь, ослабеваю и теряюсь; этот набор божественных частиц уже не есть полностью мой Бог; эти разделённые и различные бесконечности уже не являются тем простым бесконечным, который есть единственное истинное бесконечное. О! как мне приятнее видеть Тебя целиком, сосредоточенным в Себе одном! Я вижу бытие, и я всё увидел; я напился из источника, я почти увидел Тебя лицом к лицу. Это Ты Сам; ибо что Ты есть, кроме бытия? И что можно добавить сверх этого?

Увы! как это возможно? Я, кто не есть, или, в лучшем случае, кто есть нечто неведомое, чего нельзя найти или назвать, и кто в данный момент уже не существует; я, ничто; я, тень бытия, вижу Того, Кто есть; и называя Его «Кто есть», я всё сказал; я не боюсь сказать слишком мало. С того момента Он уже не ограничен ни временем, ни пространством. Бесконечные миры, какие я могу себе представить, бесконечные века, воображаемые подобным образом, ничто перед Лицом Того, Кто есть. Он поражает меня, и я в восхищении; я преклоняюсь, видя Его, и это моя радость; я заикаюсь, и это даже хорошо, ибо больше не осталось ни слова, чтобы выразить, что Он есть, кем я не являюсь, что Он делает во мне и что я могу о Нем постигнуть.

Но, о, мой Бог! Должен ли я бояться, что Ты не услышишь меня, или что будешь отсутствовать во мне, потому что я понял, что недостойно приписывать Тебе субстанциальное присутствие в каждой части вселенной? Нет, нет, мой Бог, я не боюсь; я слышу Тебя, и Ты услышишь меня лучше, чем все твои создания; Ты более чем присутствуешь здесь; Ты внутри меня больше, чем я сам; я нахожусь в месте, где я есть, лишь в ограниченном смысле: Ты бесконечен, и Твоё бесконечное действие на меня; Ты

нигде не ограничен, и я нахожу Тебя везде: Ты там прежде, чем я туда приду; и я прихожу туда только потому, что Ты несёшь меня; я оставляю Тебя в месте, которое покидаю; я нахожу Тебя везде, куда иду; Ты ждёшь меня в месте, куда прихожу. Вот, о, мой Бог! что моя грубая привязанность заставляет меня сказать, или, скорее, заикаться.

Эти неподходящие и несовершенные слова — язык слабой и грубой любви; я говорю это для себя, а не для Тебя; чтобы удовлетворить моё сердце, а не чтобы учиться или достойно восхвалять Тебя. Когда я говорю о Тебе, все мои выражения кажутся низкими и нечистыми; я возвращаюсь к бытию; я возношу взгляд к Тому, Кто есть; я больше не в себе, не сам собой; я становлюсь тем, кто видит, тем, кто есть: я вижу Его, теряюсь, понимаю себя, но не могу передать то, что вижу; это поглощает всякое любопытство. Без рассуждений я вижу универсальную истину: я вижу, и это моя жизнь; я вижу, что есть, и не хочу больше видеть того, чего нет. Когда же я увижу, что есть, чтобы моя жизнь была только этим постоянным зрением? Когда я стану единым с Ним посредством этого простого и постоянного взгляда? Когда всё моё «я» сведётся к единой неизменной фразе: ОН ЕСТЬ, ОН ЕСТЬ, ОН ЕСТЬ? Если я добавляю: «ОН БУДЕТ ВЕЧНО», это лишь для того, чтобы говорить с моей слабостью, а не для того, чтобы точнее выразить Его совершенство.

СТАТЬЯ V. Наука о Боге

107. Бог обладает полнотой интеллекта

Я не могу представить Бога как существующего Сам по Себе, не представляя Его также как обладающего в Себе полнотой бытия, а следовательно, всеми способами существования в бесконечности. Исходя из этого, следует, что интеллект или мысль, которая является одним из способов существования, присутствует в Нем. Я, мыслящий, не существую сам по себе; это я уже ясно осознал через свою не совершенность. Поскольку я не существую сам по себе, необходимо, чтобы я существовал через другое. Это другое, которое я ищу, — это Бог. Этот Бог, создавший меня и давший мыслительное бытие, не мог бы дать мне его, если бы Сам не обладал им. Следовательно, Он мыслит, и мыслит бесконечно: раз Он обладает полнотой бытия, Он обязан обладать полнотой интеллекта, который является одним из способов бытия.

108. Что такое мысль и интеллект

Первое, что необходимо рассмотреть, — это что такое мысль и интеллект; но на этот вопрос я не могу дать полного ответа: мыслить, постигать, знать, замечать — это самые простые и ясные термины, которыми я могу пользоваться; я не могу объяснить или определить их, другие лишь затемнили бы их, а не прояснили. Если я не ясно понимаю, что значит постигать и знать, я ничего не понимаю. Есть определённые первичные понятия, из которых развиваются все остальные, и которые сами не могут быть развиты; и нет ни одного понятия более первичного, чем понятие мысли.

109. Объект науки о Боге — Он Сам

Второй вопрос заключается в том, какую науку или интеллект Бог имеет о Себе. Я не могу сомневаться, что Он познаёт Себя. Раз Он бесконечно разумен, Он должен познавать универсальную и бесконечную познаваемость, которая и есть Он Сам. Если бы Он не познавал Свою собственную сущность, Он бы ничего не познавал. Существа, участвующие в бытии и созданные, можно познавать только через необходимое Существо, в силе которого заключена их возможность или сущность, и в воле которого мы видим их актуальное существование; ибо это актуальное существование, не будучи само по себе, и не нося своей причины в собственной основе, может быть открыто лишь опосредованно через то, что является его причиной.

Следовательно, если бы Бог не познавал Себя, Он не мог бы познавать что-либо вне Себя и, следовательно, не познавал бы ничего. Если бы Он ничего не знал, Он был бы небытие интеллекта. Но, так как я должен приписывать Ему совершенный интеллект, который бесконечен, следует заключить, что Он актуально познаёт бесконечную познаваемость: есть только одна подлинно бесконечная — Его собственная, ибо познаваемость и бытие — одно и то же. Создание не может быть бесконечным, так как не может обладать бесконечным бытием, которое было бы бесконечным совершенством. Следовательно, Бог может найти бесконечную познаваемость только в Себе самом, которая и является объектом Его бесконечного интеллекта.

Кроме того, легко сразу увидеть, что идея интеллекта, который полностью познаёт Самого Себя, более совершенна, чем идея интеллекта, который не познаёт себя или познаёт себя несовершенно. Чтобы судить о Боге, необходимо наполнять эту идею наивысшим совершенством. Следовательно, очевидно, что Он познаёт Себя и делает это совершенно, то есть, созерцая Себя, Его интеллект приравнивает Его познаваемость; одним словом, Он понимает Себя.

110. Понимание и познание

Я различаю крайнее различие между «постигать» и «понимать». Постигать объект — значит обладать знанием, достаточным, чтобы отличить его от других объектов, с которыми его можно спутать, но не настолько, чтобы постичь все его совершенства в меру их познаваемости. Понимать — значит знать ясно и отчётливо все совершенства объекта настолько, насколько они познаваемы. Только Бог бесконечно знает бесконечное; мы же познаём бесконечное лишь в конечной мере. Следовательно, Он должен видеть в Себе бесконечность того, что мы не можем видеть, а то, что мы видим, Он видит с бесконечной ясностью и точностью, чтобы различать и согласовывать всё вместе, что бесконечно превосходит наше понимание.

111. Интеллект Бога не имеет последовательности и прогресса

Бог, который познаёт Себя этой совершенной формой знания, называемой пониманием, не созерцает Себя последовательно и через цепь раздумий. Так как Бог безмерно един, Его мысль, которая есть Он Сам, также безмерно едина. Раз Он бесконечен, Его мысль бесконечна. Простая, неделимая и бесконечная мысль не может иметь никакой последовательности; следовательно, в этой мысли нет свойств времени, которое есть конечное, делимое и изменчивое. Нельзя сказать, что Бог начинает знать то, чего Он не знал, или прекращает мыслить то, что Он уже мыслит. Невозможно расставить Его мысли в порядке, чтобы одна следовала за другой, поскольку этот порядок существует только в конечных, делимых мыслях, образующих последовательность.

Бесконечный интеллект познаёт бесконечную и универсальную познаваемость или истину одним взглядом, который есть Он Сам, и, следовательно, не имеет разнообразия, прогресса, последовательности, различий или делимости. Этот единый взгляд охватывает всю истину и никогда сам не исчерпывается; он всегда целостен, или, точнее, следует говорить о нём как о Боге, так как он — одно и то же с Ним. Он не был, не будет; но Он есть, и Он есть всегда, вся мысль сведена к одной.

То, что божественный интеллект не имеет последовательности и прогресса, не означает, что Бог не видит связи и взаимосвязи истин. Но существует огромная разница между тем, чтобы видеть все связи истин сразу или постепенно, извлекая одну из другой. Он видит все связи истин: как одна доказывает другую; Он видит все возможные порядки, которые конечные разумы могут использовать для демонстрации этих истин; но Он видит и истины, и

их связи, и порядок извлечения их друг из друга простым, единым, постоянным, бесконечным взглядом, неделимым. Таков интеллект, с помощью которого Бог знает всю истину в Себе. Теперь нужно рассмотреть, как Он познаёт то, что вне Его.

112. Возможное не существует вне Бога

Нельзя рассматривать чисто возможное как что-то существующее вне Бога. Мы уже признали, рассматривая идеи и различные степени бытия, восходя к бесконечности, что Бог видит в Себе все различные степени, которым Он может наделять существованием то, чего нет, и что эти различные степени возможности составляют все сущности возможных существ. Различие между ними заключается лишь в большей или меньшей степени бытия. Следовательно, Бог видит их в Своей силе, которая есть Он Сам; и поскольку то, что чисто возможно, не существует реально вне Его силы и бесконечных степеней бытия, которые могут быть сообщены по Его выбору, эта возможность ничто иное, как нечто вне Его, и её нельзя отделить от Него.

113. Для Бога нет будущего

Для будущих существ они никогда не являются будущими для Бога и никогда не будут прошедшими для Него, ибо, как я уже отметил, для Него нет даже тени прошлого или будущего. Он видит, что в порядке, который Он устанавливает между ограниченными существами, которые по своей ограниченности последовательны, одни идут перед другими; Он видит, что одно будущее, другое настоящее, третье прошедшее, по отношению друг к другу. Но этот порядок, который Он видит между ними, не существует для Него: всё Ему одинаково присутствует. Слово «настоящее» выражает лишь неполно ту мысль, которую я хочу передать; слово «присутствие» означает, что одно сосуществует с другим; и в этом смысле в Боге нет ни настоящего, ни прошлого, ни будущего. Говоря строго, нет никакого соотношения между текучим, делимым и последовательным бытием и абсолютной, неделимой вечностью бесконечного бытия Бога. Тем не менее, хотя слово «непрерывное присутствие» лишь несовершенно выражает абсолютную вечность, можно сказать, с указанной корректировкой, что всё всегда присутствует перед Богом.

114. Бог видит будущее в Себе

Будущее, которое Он видит в этом смысле присутствия, является объектом, который Он находит в Себе. Вот две причины: 1) Он видит вещи так, как соответствует Его совершенству; 2) Он видит их такими, какие они есть сами по себе. Он видит вещи так, как соответствует Его совершенству. Когда я вижу вещь, я вижу её потому, что она существует. Это истина объекта даёт мне знание самого объекта. Поскольку эта истина объекта не существует сама по себе, я постигаю её не через саму истину, а через Того, Кто её создал. Таким образом, истина проявляется через данную конкретную истину; это универсальная истина освещает меня. Но, наконец, истина, которая является моим объектом, находится вне меня, и именно она даёт мне знание, которого я не имел; и верно, что то, что я называю собой, мыслящее существо, получает свет или знание от объекта.

С Богом всё иначе. Поскольку Он существует Сам по Себе, Он также является разумным Сам по Себе. Быть Сам по Себе — значит существовать бесконечно, не получая ничего от другого. Быть разумным Сам по Себе — значит быть бесконечно разумным, не получая ничего извне. Следовательно, Бог обладает бесконечным разумом, не получая ничего даже от Своего объекта; Его объект не может ничего дать Ему.

115. Наука Бога не создаёт вещи, а видит их совершёнными

Следует ли из этого, что Бог видит вещи не потому, что они существуют, а наоборот, что они существуют только потому, что Он их видит? Нет, я не могу принять такую мысль. Бог мыслит вещь только в мере её истины или существования. Следовательно, Он видит её потому, что она реальна. Верно, что она реальна только через Него. Если рассматривать Его мысль и знание как нечто отдельное от Него, то можно было бы сказать, что Его знание создаёт объекты. Но если рассматривать знание в точном смысле, как простое созерцание познаваемых объектов, следует заключить, что оно не создаёт вещи, а видит их такими, какие они есть.

Причина этого в том, что понятие «мыслить», «постигать», «знать», взятое в своей точной форме, включает лишь простое восприятие уже существующего объекта, без какого-либо воздействия на него. Любое знание предполагает существование объекта, но не создаёт его. Следовательно, действовать на объект, чтобы сделать его реальным, Бог может только через что-то иное, а не через простую мысль. Его знание или мысль не создаёт объекты, а лишь предполагает их.

116. Бог не получает ничего от объекта, который постигает

Как же сказать, что Бог не получает ничего от объекта, который Он постигает? Объект истинен или познаваем только через силу и волю Бога. Этот объект, не обладая бытием сам по себе, сам по себе нейтрален относительно существования или не существования; то, что определяет его существование, — это воля Бога, и это его единственная причина быть. Следовательно, Бог видит истину этого существа, не выходя из Себя и не заимствуя ничего извне. Он видит возможность или сущность объекта в Своих собственных бесконечных степенях бытия; он видит существование или актуальную истину через Свою волю, которая является единственной причиной или основанием существования.

Нет смысла спрашивать, знает ли Бог объекты самих по себе; Он знает их такими, какие они есть. Они не существуют сами по себе, они существуют только через Него, и поэтому познаваемы только через Него: следовательно, Он может знать их только Сам по Себе и через Свою волю. Если Он рассматривает их сущности, Он не находит в них причины существовать; в них нет даже возможности существовать сами по себе: Он видит лишь, что они не невозможны для Его силы. Следовательно, именно в Своей силе Он находит их возможность, которая сама по себе ничто. Он видит их существование через Свою положительную волю; сущность объектов не содержит в себе никакой причины существовать. Следовательно, Он видит в них лишь небытие, и никогда не сможет обнаружить существование Своего создания вне Своей чистой воли.

Таким образом, Бог не освещается, как я, внешними объектами; Он может видеть только то, что создаёт; всё, что не создано Им на данный момент, не существует. Познаваемость объекта зависит от Бога, и Его бесконечный разум не получает от него никакого нового восприятия. Чтобы видеть все вещи такими, какие они есть, Ему достаточно знать их через Себя и через Свою волю, которая является их единственной причиной; вне этой воли объекты не имеют реальности, а следовательно, и истины, и познаваемости. Я не устану углубляться в эту истину, потому что предвижу, что, пока она будет ясно присутствовать в моём сознании во всей своей силе и ясности, она поможет мне впоследствии раскрыть многие другие истины.

117. Как Бог познаёт условное будущее

Я только что рассмотрел, как Бог видит чисто возможные существа и те, которые должны существовать в какой-то части времени. Теперь остаётся исследовать, как Он знает те существа, которые я называю «условными будущими», то есть те, которые должны быть, если наступят определённые условия, и никак иначе. Условные будущие, которые обязательно произойдут, поскольку условие, с которым они связаны, непременно исполнится, явно входят в разряд абсолютных будущих. Таким образом, я без труда понимаю, что, поскольку они обязательно произойдут, Бог видит их абсолютное будущее, если можно так выразиться, в абсолютной воле, которую Он сформировал для того, чтобы осуществить условие, с которым они связаны.

Для условных будущих, чьё условие не должно наступить, и которые, следовательно, не являются абсолютно будущими, Бог видит их только в той воле, которую Он имел, чтобы дать им существование, если бы условие, к которому их привязал, наступило. Таким образом, в отношении этих существ можно сказать, что Он не хотел ни условия, ни эффекта, который следовал бы за условием; Он лишь хотел связать это условие с этим эффектом так, чтобы одно следовало из другого. И именно в Своей собственной воле, которая связывала эти два возможных события, Он видит будущее второго.

Но, в конечном счёте, Он не может видеть ничего, кроме Своей собственной воли, которая делает бытие, истину и, следовательно, познаваемость всего, что существует вне Него. Если Он видит реальные и фактически существующие существа только в Своей чистой воле, в которой они существуют, тем более Он видит в этой же воле условно будущие существа, которые из-за отсутствия условия не являются абсолютно будущими и, следовательно, не имеют ни существования, ни реальности, ни истины, ни собственной познаваемости.

Что следует заключить из всего этого? Что Бог не определяет себя в отношении одних вещей больше, чем других, потому что видит, что должно произойти из сочетания условных будущих? Это означало бы приписывать совершенной сущности два больших несовершенства:

- быть освещённой собственным творением, которое является её объектом, тогда как Он не может видеть ничего, кроме Себя — света и универсальной истины;
- зависеть от Своего творения и приспосабливаться к тому, что оно может дать, рассматривая его со всех сторон, чтобы выбрать наилучшее.

Я понимаю, что, вдали от низменного поиска причины Своих воль в предвидении условных будущих, в различных планах, которые Он построил в Своём творении, напротив, разрешается искать причину всех этих условных будущих и предвидения их только в Его единственной воле, которая является единственной причиной всего.

118. Молитва

Нет, мой Бог, Ты не советовался с несколькими планами, к которым был бы обязан подчиниться. Что могло бы Тебя стеснять? Ты не предпочитаешь одно другому из-за того, что предвидишь, чем оно будет; оно становится тем, чем будет, только потому, что Ты хочешь, чтобы оно так было. Твой выбор не следует рабски за тем, что должно произойти; напротив, это суверенный, плодотворный и всемогущий выбор, который делает каждую вещь такой, какой Ты приказываешь ей быть.

О, как Ты велик и не нуждаешься ни в чём! Твоя воля не подчиняется ничему, потому что она сама определяет меру всех вещей. Нет ничего, что существовало бы условно или абсолютно, если бы Твоя воля не призвала это к бытию и не извлекла из абсолютного

небытия. Всё, что Ты хочешь, мгновенно становится бытием, но в точной мере, которую Ты ему назначаешь. Ты не можешь искать соответствие в вещах, поскольку именно Ты создаёшь все вещи: объекты, которые Ты познаёшь, не выражают ничего в Тебе; тогда как те, которые я начинаю познавать, оставляют в моём уме отпечаток и дают восприятие определённой истины, увеличивающей моё понимание.

Для Тебя, о бесконечная Истина, вся истина есть в Себе. Созданные объекты, вдали от того, чтобы давать Тебе знание, получают от Тебя всю свою познаваемость; и поскольку эта познаваемость только в Тебе, видеть её можно также только в Тебе. Ты не можешь видеть их самих по себе, потому что в них самих нет ничего, а небытие непознаваемо: следовательно, Ты можешь видеть их только в Себе, который является их единственной причиной существования.

Благодаря величию, Ты прост до того, что ускользаешь от моих ограниченных и последовательных взглядов. Даже если бы Ты создал сто тысяч долговечных миров на бесчисленные века, следовало бы заключить, что Ты видел бы всё одним взглядом в Своей воле, так же, как Ты видишь одним взглядом все возможные творения в Своей силе, которая есть Ты Сам. Это поражает мой разум, и привычка созерцать Тебя не уменьшает удивления.

Я не могу привыкнуть видеть Тебя, о бесконечно простой, выше всех мерок, которыми мой слабый разум всегда пытается измерить Тебя. Я всегда забываю главный пункт Твоего величия и тем самым возвращаюсь преждевременно в тесные пределы конечных вещей. Прости эти ошибки, о Доброта, не менее бесконечная, чем все остальные совершенства моего Бога; прости за заикания языка, который не может не восхвалять Тебя, и за слабости духа, созданного лишь для того, чтобы восхищаться Твоим совершенством.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top